Юрий Нестеренко

Елка

В основу этой повести положены сразу две реальные войны - русско-украинская периода "Минских соглашений" и сербско-хорватская периода распада Югославии. Такой формат выбран в силу двух причин: во-первых, некоторые важные для сюжета элементы соответствуют именно хорватским, а не украинским реалиям, а во-вторых, автор не хотел ограничивать себя привязкой к конкретным местам и событиям. Однако "фидоры" в повести - это в первую очередь русские и уже в меньшей степени - сербы.

Автор благодарит за консультацию Олену Билозерскую, бойца Украинской Добровольческой Армии. Случаи, когда точность деталей приносилась в жертву выразительности и наглядности – на совести автора, а не консультанта.

Первым чувством, которое он осознал, была боль. Она была повсюду, и она была разнообразной. Тупо ломило виски, пульсирующе ныл затылок, саднили бровь, нос, скула, губы и почему-то язык (он шевельнул языком и понял причину, нащупав острые обломки по меньшей мере двух зубов; еще два или три отсутствовали полностью), каждый вдох отдавался в ребрах (пока терпимо, но интуиция подсказала ему, что лучше не пытаться вдохнуть поглубже), болезненной тяжестью набухли почки, ноги, похоже, были в синяках и ссадинах, но хуже всего была давящая боль, вгрызавшаяся в запястья. Хуже не в смысле интенсивности – в этом плане она как раз была отнюдь не самой сильной – а с точки зрения того, что она означала. Он понял это, когда попытался пошевелить руками, интуитивно силясь ее ослабить, и добился лишь противоположного эффекта. Его руки были крепко связаны, или, скорее, даже скованы за спиной.

"Похоже, я попал", – подумал он, и это была его первая осознанная мысль.

Впрочем, прямо сейчас его, кажется, никто не бил, и это было уже кое-что. Несколько секунд он прислушивался, но не услышал ничего, кроме тоненького звона в ушах. Осязание принесло больше информации; холод, сырость и слабый ветер, касавшийся его разбитого лица, подсказали ему, что он находится под открытым небом. Поверхность под ним (он лежал на спине) была неровной, слегка наклонной в направлении "голова-ноги", но довольно мягкой – видимо, земля, а не асфальт или бетон. Распухший нос с трудом впускал воздух, и все же ветер доносил запах гари с примесью жженой резины и еще какой-то гадости. Во рту стоял вполне ожидаемый вкус крови.

Наконец он попытался осторожно открыть глаза.

Попытка успехом не увенчалась. На какой-то миг он даже испытал прилив паники, что потерял зрение, но затем понял, что левый глаз просто слишком сильно заплыл, а ресницы правого слиплись. Повернув голову направо, он потерся щекой о... да, это, судя по всему, была сырая холодная земля, поросшая жухлой травой, и сумел-таки разлепить правые веки. Он увидел сперва лишь эту бурую осеннюю траву, затем – хмурое вечернее небо, затянутое низкими тучами, и голые ветви дерева над головой. Кажется, он лежал на склоне пологого холма; неровные багрово-оранжевые отсветы где-то внизу в первый миг показались ему закатом, но затем он сообразил, что никакое солнце не может пробиться сквозь такие тучи, а главное – солнечный свет не колеблется. Там, внизу, что-то горело, и горело основательно.

Больше он ничего не успел разглядеть, потому что услышал шаги, и почти сразу же в поле его зрения появились облепленные грязью высокие армейские ботинки, в которые заправлены были камуфляжные штаны. Он поспешно закрыл единственный глаз, вновь изображая потерю сознания – но, похоже, все-таки сделал это недостаточно проворно.

– Очухался?

Звон в ушах утих, и теперь он слышал вполне ясно. Голос, задавший вопрос, звучал хрипло, но все же определенно не мог принадлежать мужчине. Ну разве что – мальчишке лет двенадцати (откуда-то из глубин памяти пришла мысль, что теперь могут воевать и такие), но обувь, которую он успел разглядеть возле своего лица, была явно великовата для ребенка.

Тем не менее он по-прежнему старательно изображал бесчувственное бревно. Мелькнувшая было мысль о санитарке, вытащившей его из беды, не очень вязалась с наручниками, остававшимися на его запястьях.

И словно в подтверждение ложности надежд его хлестнули по щеке, задев сломанный нос. Резкая боль заставила его непроизвольно дернуться, сделав дальнейшее притворство бессмысленным. Он снова открыл правый глаз.

Над ним склонилась девушка – совсем юная, наверное, ей еще не было восемнадцати. Мешковатый армейский камуфляж без знаков различия, явно на несколько размеров больше, чем нужно, висел на ее худеньком теле, как на вешалке, и не слишком делал ее похожей на солдата – пожалуй, в другой обстановке она смотрелась бы в этом одеянии даже забавно. Рассыпавшиеся

по плечам длинные прямые волосы, когда-то роскошного медово-пшеничного цвета, а теперь перепачканные грязью, копотью и черт знает чем еще, тоже не походили на короткие армейские прически. Несколько свесившихся прядей почти коснулись лица лежавшего, но он не обратил на это внимания, разглядывая лицо незнакомки. Когда-то – может быть, еще совсем недавно – это милое личико с острым подбородком, чуть присыпанным веснушками носиком и большими глазами (кажется, зелеными или синими, при таком освещении трудно было разобрать точнее) наверняка погружало ее одноклассников-мальчишек в мысли, весьма далекие от учебы. Но теперь, помимо все той же грязи, на левой скуле девушки багровел свежий кровоподтек, а губы неестественно опухли. А когда лежавший вновь перевел взгляд ниже, то едва не вздрогнул, разглядев то, что не заметил в первый момент – камуфляжную куртку девушки наискось пересекало несколько круглых дыр с окровавленными краями. Печень, желудок, легкие – неужели она могла получить такие ранения и остаться в живых? Кровь выглядит совсем свежей... но нет, не может человек, в теле которого полдюжины дырок – да еще в таких местах! – вот так просто стоять, наклонившись, и улыбаться! А она улыбалась – он видел, как блестят в отсветах пожара ее зубы. Как... как в старинных легендах о живых мертвецах, да.

– Кто ты?! – прохрипел он, все еще с трудом ворочая языком.

– А ты не помнишь? – осведомилась она, казалось, с искренним удивлением.

– Н-нет... – пробормотал он, лишь в этот момент осознав, что не помнит не только ее. И не только того, что случилось с ним самим. Он не помнил вообще ничего. Ни где он, ни кто он, ни как его зовут. Не говоря уже о таких частностях, как какой сейчас год. Война, да... идет война, и он солдат. Это он помнил. Это въелось, кажется, даже глубже врожденных рефлексов. Все остальное терялось в сплошном тумане. Иногда в этом тумане что-то показывалось – вроде того же воспоминания о читанных в детстве страшных сказках – но, стоило мысленно потянуться к этому в надежде распутать остальное, как оно снова растворялось, оставляя в качестве платы за усилия лишь головную боль.

Девушка терпеливо ждала, пристально глядя ему в глаза – точнее, в один глаз. Вероятно, устав стоять внаклон – а может, желая, чтобы он лучше мог ее рассмотреть – она опустилась на корточки.

– Мы... – выдавил он из себя наконец, – ты прости, я правда ничего... мы были вместе?

– Да, – невесело усмехнулась она, – в некотором роде, были, – она еще немного помолчала, продолжая вглядываться в его лицо, затем спросила уже другим тоном: – Ты действительно ничего не помнишь? Совсем-совсем ничего?

– Увы, – вздохнул он. – Даже мое имя. Ты знаешь, как меня зовут?

Девушка еще несколько секунд рассматривала его, потом покачала головой, отчего ее длинные волосы качнулись из стороны в сторону.

– Да, хорошо тебя приложило...Нет, не знаю. Когда меня притащили, ты уже был у них. И возможности поговорить наедине у нас не было.

– Мы вместе были в плену? – наконец сообразил он. – Поэтому на мне наручники?

– Да.

– Тогда почему ты их не снимешь?

Вместо ответа она ухватила его за плечи и помогла – или скорее даже заставила – сесть. Теперь он увидел город внизу, у подножия холма. Точнее говоря – бывший город. Когда-то – зеленые улочки, уютные палисадники, небольшие, в два-три этажа, дома жилых кварталов. Теперь – одинокие стены с пустыми провалами окон, груды битого кирпича, ржавые искореженные остовы машин прямо на улицах, поваленные столбы, измочаленные и обгорелые стволы деревьев, осколки, мусор. Ближе всего к холму располагался какой-то завод, чьи бетонные цеха оказались прочнее жилой застройки. Но теперь и его трубы валялись, разбитые на куски, а из окон заводского корпуса рвалось жадное пламя. В небо медленно поднимался густой черный дым, постепенно смешиваясь с безнадежной серостью низких осенних туч.

– Ключ там, – сообщила девушка, указывая на огонь. – Можешь сходить поискать.

– Ясно, – буркнул он, но она продолжала раздраженным тоном:

– А у меня, знаешь ли, были более важные дела. Например – вытащить оттуда тебя прежде, чем мы оба поджаримся. Думаешь, это было легко? И притащить тебя сюда? Ты весишь, небось, в полтора раза больше, чем я.

– Да нет, я не в претензии, – поспешно произнес он. – Ты, выходит, спасла мне жизнь? Спасибо.

– Пожалуйста, – ответила она все еще сердито. – Не буду говорить, что мне это ничего не стоило или что на моем месте так поступил бы каждый.

– Ну ладно, – проворчал он, – раз мы не можем снять их прямо сейчас, надо хотя бы... – он поерзал, протискивая собственный зад сквозь кольцо, образованное скованными руками, и таким образом перетаскивая их наперед. Когда он по очереди протаскивал сквозь то же кольцо ноги, левую лодыжку пронзила боль. Его штаны оказались разодраны в нескольких местах – видимо, следствие того, что девушка тащила его волоком по асфальту – но это была как раз ерунда, а вот лодыжка явно пострадала серьезнее. Скверно...

– Ты можешь рассказать мне все с самого начала? – попросил он. – Но прежде... – в нем снова просыпались военные рефлексы, – насколько мы тут в безопасности?

– Безопаснее, чем там, – снова усмехнулась она, кивая на горящий завод. – Оттуда за нами уже не погонятся. Некому. Так что немного времени на отдых у нас есть. Потом надо уходить. Черт его знает, кто сюда еще заявится.

– Ясно, – его рефлексы были согласны с таким планом. – Дорогу знаешь?

– Я здешняя, – гордо ответила она. – Я здесь любую тропинку... Так что тебе рассказать? С какого места? Про войну – помнишь?

– Попробуй про нее забудь, – усмехнулся теперь уже он, кивая не то на развалины, не то на свои скованные руки, которые он теперь держал на коленях. – Мы воюем с...?

– С фидорами, – подсказала она.

– С кем? – переспросил он.

– С федерастами.

– И что им от нас надо?

– Они считают, что это их страна.

– А мы, конечно, считаем наоборот.

– Мы просто хотели уйти. Мирно. Живите там у себя и не лезьте к нам. А они прислали карателей.

– Ясно, – снова сказал он. – И кто побеждает?

– Да никто не побеждает, – зло буркнула девушка. – Поначалу, конечно, у них был перевес. Но мы бы их разбили в конце концов. Мы же за свободу воюем, а не за то, чтобы целовать хозяйскую задницу, как эти! Но тут возбухли западники, требуя "остановить кровопролитие". Теоретически они вроде как на нашей стороне, а на практике толку от них... – она скривилась, словно раскусив нечто горько-кислое, и махнула рукой. – Короче, официально сейчас типа как прекращение огня. Но эти твари ни на один день его не прекращали! Просто вместо официальной армии с их стороны воюют банды. Типа, отряды добровольцев, неподконтрольные их правительству. Хотя весь мир знает, что это вранье. Но продолжает ломать комедию про перемирие...

– И мы сейчас, я так понимаю, на их территории? – поспешил уточнить он.

– Это наша территория! – горячо возразила девушка. – Наша земля, мы на ней сотни лет жили! Даже согласно границам их поганой Федерации... Но официально это Зопа, то есть ЗОПУ – "Зона с особым порядком управления". Здесь не должно быть ни их, ни наших войск. А на практике их банды хозяйничают здесь, как у себя дома... Влад Дракула – припоминаешь такого?

– Вроде имя знакомое, – проворчал он, хотя не был в этом уверен.

– Я не про того, который в средневековье и вампир. Я про нынешнего. Он действительно Влад, а "Дракула" – это, конечно, его кличка, позывной, то бишь... хотя крови на нем не меньше, чем на том самом Цепеше. Редкостный выродок, его уже даже западники объявили вне закона, но не могли достать. Ударить там, где не ждут, устроить резню и уйти – это он умеет... то есть умел. Один из самых распиаренных их полевых командиров. Сам о себе говорил, что его именем наши пугают детей. Ну это он врал, положим. Не пугают, нет. Учат ненавидеть – да.

В ее голосе действительно было столько ненависти, что мужчина сообразил: это не пропаганда, это – личное.

– Так это он нас захватил? – понял он.

– Угу, – мрачно кивнула девушка.

– Ну хорошо. Значит, я... – он впервые осмотрел собственное облачение. На нем тоже был армейский камуфляж, сидевший определенно лучше, чем на девушке, но тоже без всяких знаков различия, погон или нашивок. – Меня, видимо, взяли в плен в бою, – закончил он. – А ты? Неужели тоже воюешь?

– А что – похожа? – криво усмехнулась девушка.

– Вообще-то не очень, – заметил он.

– Ага, это ты им расскажи, – невесело откликнулась она. – Хотя и они прекрасно видели, что я мирная. Ты что думаешь – я в этом, что ли, у них под носом шлялась? – она брезгливо подергала свою одежду. – Я козу, блин, искала. Я же говорю – я здешняя. Хутор тут у нас неподалеку... был, пока не раздолбали. Только вот одна коза и уцелела... а теперь и она... А этим уродам просто приглянулась симпатичная девчонка из местных, то есть из тех, кого они за людей не считают. Кого можно оттрахать, потом убить, и не только под суд за это не пойти, а еще и медальку там у себя получить. Типа, за ликвидацию опасной шпионки-диверсантки-снайперши. А я даже и не знала, что они тут на заводе засели. Знала бы, за сто километров бы обошла...

Несколько секунд она угрюмо молчала, затем спросила:

– Помнишь, что они со мной сделали? Ты это видел.

– Не помню, – честно признался он. – Но догадываюсь.

– Ты догадываешься не обо всем, – зло произнесла она и вдруг принялась расстегивать свою продырявленную куртку. – То есть это, конечно, тоже. Я просила эту мразь, Дракулу, пусть, раз уж ему так хочется, это будет только он. Чтобы не отдавал меня остальным. А он, этак лыбясь мне в лицо – у нашего, мол, народа принято всем делиться с товарищами. Это вы тут, говорит, куркули-индивидуалисты... Но, говорит, раз уж я тебе так нравлюсь, получишь от меня подарок на память...

Под курткой оказалась грязная серая футболка, пробитая и окровавленная в тех же местах, только кровавые пятна были крупнее. Девушка вытянула ее длинный подол из-под ремня – футболка, похоже, была ей так же велика, как и все прочее обмундирование – и прежде, чем мужчина успел спросить "что ты делаешь?", резким движением задрала футболку вверх.

Никаких пулевых или осколочных ран под дырками не оказалось – впрочем, мужчина уже понял, что это не ее одежда. Бюстгальтера тоже не было, и он уставился на ее маленькие груди, но вовсе не потому, что это зрелище взволновало его само по себе. На ее бледной коже темнели жуткие багрово-коричневые следы, образуя корявые буквы: "ДРА" на левой груди и "КУЛА" на правой.

– Как... он это сделал? – спросил мужчина.

– Совсем не помнишь? Паяльником. Лично на мне расписался, гнида. После того как кончил.

– Значит, у них там было электричество, – констатировал мужчина, словно это было сейчас самым важным.

– От дизеля. Так-то, конечно, в весь этот район давно уже ток не подают, даже где

провода еще целы, – девушка опустила футболку и снова принялась заправлять ее в штаны. – Как думаешь, теперь на всю жизнь рубцы останутся?

– Вполне возможно, – не стал лукавить он.

– Память о первом мужчине, блин, – она стала застегивать куртку.

– Сильно больно? – спохватился он.

– Сейчас уже полегче. Вот вчера была вообще жуть. Особенно когда... сразу после на меня остальные полезли. И каждому еще же полапать надо. Кажется, на восьмом я отрубилась. А сегодня – опять... Но сегодня дошло только до шестого, – она желчно усмехнулась.

– А потом? – спросил он, когда пауза затянулась.

– Потом – все. Грачи прилетели.

– Грачи? – тупо переспросил он и тут же вспомнил. "Грачами" на армейском жаргоне именовались штурмовики. Термин пошел от Су-25 "Грач", но потом распространился на все самолеты ударной поддержки, включая натовские "Бородавочники". – То есть это был авиаудар, – он кивнул на горящий завод.

– Угу. Долго они что-то телились, но уж зато отработали, как надо. Шариковой бомбой точнехонько в окно цеха. Ну и все, кто внутри, естественно, в решето. Включая этого... шестого. Его убило прямо на мне. Все шарики остались в нем, так что, можно сказать, он спас мне жизнь, – она снова осклабилась.

– Это его одежда? – спросил мужчина и тут же сообразил, что ляпнул глупость – тогда бы дырки были со спины, а не спереди.

– Не, другого, – подтвердила девушка. – Тот на часах снаружи стоял, его спереди посекло... Мою-то мне не оставили. Ни клочка. Сказали – больше тебе не понадобится...

– А я? Меня что спасло?

– А тебя они в соседней комнате держали. В подсобке какой-то. Взрывом дверь вышибло, но шарики тебя не достали. Однако контузило тебя, как я погляжу, прилично.

– Похоже на то, – согласился он. – Ну, со временем память должна восстановиться... надеюсь.

– Я тоже надеюсь, – кивнула она. – Не зря ж я тебя на себе тащила.

– Спасибо, – еще раз сказал он.

– Как думаешь, – она посмотрела на него с задумчивым прищуром, – почему ты до сих пор жив?

– Потому что ты спасла меня, – он впервые улыбнулся.

– Нет. До того. Почему они тебя не прикончили? Дракула же обычно пленных не брал. То есть брал, но... ненадолго. Ему их за собой таскать – только, типа, потеря мобильности. А тебя еще до меня взяли и даже не пытали.

– Ну, как сказать, – он потрогал языком сломанные зубы и разбитую губу.

– Это все ерунда, – отмахнулась девушка. – Так, попинали слегка. А могли бы и тот же паяльник в задницу засунуть...

Мужчину передернуло.

– Тут одно из двух, – продолжала рассуждать девушка. – Или ты знаешь что-то сильно важное... хотя тогда почему не пытали?... или ты сам сильно важный. На генерала ты не тянешь, но полковник какой-нибудь... Или даже то и другое сразу. Полковник, знающий какие-то штабные секреты, которые даже Дракуле знать не положено. А положено ему было только доставить тебя, куда надо, живым и относительно здоровым. Может, их главная миссия в этот раз как раз и была – тебя выкрасть. А на заводе они, к примеру, ждали вертолет, который должен был тебя забрать.

– Может быть, – согласился мужчина и потер виски скованными руками. – Ничего не помню.

– И как к своим выбираться, конечно, тоже не помнишь.

– Увы.

Девушка, казалось, размышляла.

– Значит, придется тебя проводить, – констатировала она.

– Было бы неплохо, – согласился он и тут же спохватился. – Хотя после того, что ты уже пережила, я не настаиваю... тебе бы сейчас вообще, наверное, лучше в больницу...

– Как благородно, – фыркнула она. – Зато я настаиваю. Вот именно после того. Я должна сделать им хоть что-то.

– Они все мертвы, – напомнил он.

– Не все, – мрачно ответила девушка. – Отряд Дракулы – это еще отнюдь не все фидоры.

– Кстати, – предпочел уточнить он, – а ты точно уверена, что от отряда никого не осталось? Ты видела все тела?

– Думаешь, у меня было время их считать? – возмутилась она. – Там пожар начинался, вообще-то! Хотя, – она помрачнела еще больше, – Дракула, гнида, мог и ускользнуть. Я ж говорю, ему всегда удавалось ноги вовремя уносить. И тут он вышел из цеха буквально за минуту до атаки. Прям как чуял.

– Куда вышел? – насторожился мужчина. – На улицу?

– Нет. В соседнее помещение. Не знаю, что там, я там не была. Может, кабинетик маленький, а может, другой цех здоровый. Скорее всего, его и там накрыло, конечно. "Грачи" весь корпус обработали, видишь, как полыхает. Внутри живых точно нет. Туда-то я за ним следом не сунулась, но с улицы потом наблюдала – никто наружу не выскакивал...

– Он мог выскочить с другой стороны, – не вдохновился мужчина.

– Мог, – согласилась она. – Если пережил сам удар.

– Он может вызвать своих? В смысле, других... фидоров?

– Откуда мне знать? – пожала плечами девушка. – Я не видела, была ли у него при себе рация, когда он выходил.

– Будем исходить из того, что может. И если, как ты говоришь, я знаю что-то ценное... или, по крайней мере, они в это верят... сюда могут прислать подкрепление не только ради спасения Дракулы.

– Они, скорее всего, подумают, что ты сгорел.

– Никогда не стоит полагаться на чью-то смерть, пока не видел труп. Работает в обе стороны, кстати. Что у нас с оружием? Ты что-нибудь прихватила?

– Обижаешь, – она поднялась с земли. – Жди здесь, сейчас принесу, – она побежала куда-то назад. Когда он обернулся, она уже скрылась за росшими выше по склону кустами. Оттуда донесся какой-то металлический лязг, и пару минут спустя девушка вернулась, неся в одной руке автомат – это был (как он сразу вспомнил) АКСУ с двумя магазинами, связанными изолентой – а в другой пистолетную кобуру.

– Молодец! – обрадовался он. – Обращаться умеешь? Хотя, конечно, откуда...

– Что тут уметь, – пожала плечами она и сунула ему кобуру (по весу явно не пустую), а сама картинным жестом взяла автомат наизготовку. – Здесь переключатель: предохранитель – очередями – одиночными, – каждое слово она сопроводила металлическим щелчком. – Сюда целиться, здесь жать на спуск. Не ракетная наука.

– Э, э! На меня не направляй!

– Извини, – смутилась она и повесила автомат на ремне через плечо.

– Может, все-таки мне отдашь? У меня опыт...

– И как ты стрелять собрался? – усмехнулась она. – Бери пистолет, там как раз двумя руками удобно.

Он вытащил из кобуры черный пистолет (9-миллиметровый американский "хай-поинт", тут же всплыло в памяти, одна из самых дешевых, но достаточно надежная модель...) и сообразил, что девушка имеет в виду.

– Ты что же, предлагаешь мне так и идти в наручниках? – возмутился он.

– А ты знаешь, как их снять?

– Да просто перепилить цепь.

– У тебя есть пила?

– Не так уж трудно найти пилу по металлу. Или бывают такие мега-кусачки с длинными ручками, ими даже дужку амбарного замка перекусить можно...

– Вот когда найдешь такое, тогда и займешься. Пытаться перебить пулей, по крайней мере, не стоит – это штамп из кино, в жизни он не работает. Я читала, – добавила она.

– Да уж знаю... – проворчал он, неуклюже извлекая скованными руками магазин "хай-поинта". Тот был полностью снаряжен – хорошо. А вот то, что даже в полном магазине этой модели всего восемь патронов – плохо.

– И вот еще что, – строго добавила девушка. – Ты там, может, и полковник, или майор какой-нибудь... но сейчас ты ничего не помнишь, куда идти – не знаешь. Поэтому, если хочешь, чтобы я тебя отсюда вывела – будешь слушаться меня. Усёк?

– Есть, командир, – усмехнулся он. – Кстати... я ведь до сих пор не знаю, как тебя зовут. Ты-то свое имя помнишь, надеюсь?

– Елена, – ответила она. – Можешь Ёлкой звать. Меня пацаны так зовут.

– А лет тебе сколько, Ёлка?

– Семнадцать... в следующем месяце будет.

– Да уж, – он качнул головой, думая о том, что этой девчонке пришлось пережить совсем недавно. Что поделаешь – война...

– Надо же и мне тебя как-то называть, – заметила она. – "Игорь" тебя устроит? Так зовут моего старшего брата. Тоже сейчас с фидорами воюет где-то... если еще живой...

– Игорь так Игорь, – кивнул он. – Постараюсь пока заменить его тебе, насколько возможно.

Последние слова, произнесенные шутливым тоном, ей, похоже, не слишком понравились.

– Вот что, братец, – холодно произнесла она. – Как ты думаешь, зачем я тебе рассказала и показала...? – она провела рукой напротив своей груди.

– Ну, – пожал плечами он, – наверное, чтобы не держать это в себе.

– Ага, ты мне еще к психоаналитику сходить предложи! – презрительно отрезала она. – Как в этих дурацких американских фильмах! Просто чтобы ты понял, что у меня теперь к мужикам отношение... своеобразное. Пока ты ведешь себя прилично, все окей. Но попытаешься сунуться, хоть ночью, хоть днем – убью. Не посмотрю, свой ты или не свой, полковник или генерал – просто убью, и все! Это понятно?

– Да понял, понял, – пробурчал он. – Мне сейчас тоже, знаешь ли, не до этих дел. Выбираться надо... Хорошо бы, конечно, сперва в городе пошариться, но не на ночь глядя, это понятно. А к утру тут, сама говоришь...

– В городе нам делать нечего, – резко подтвердила она.

– Ну как нечего? Инструменты поискать, чтобы цепь перерезать... и аптеку с медикаментами, это сейчас нам обоим нужно... да и еду, или хотя бы воду в бутылках... Ты с собой ничего такого не прихватила?

– Скажи спасибо, что тебя прихватила, – хмуро напомнила она. – Пожар же! И тяжело!

– Да я не в претензии... я просто к тому, что где-то все это искать надо...

– В этих развалинах мы ничего искать не будем, – твердо повторила Елка. – Во-первых, там полно всякого неразорвавшегося дерьма. Во-вторых, что было ценного, мародеры давно выгребли.

– А жителей там что, совсем не осталось?

– Какие жители, бои за город четыре месяца шли. Там все столько раз перемололи... не, ну может кто по подвалам до сих пор и прячется, но они нам помогать не станут. Самим бы

выжить. Да и вообще... с местными нам сейчас лучше не встречаться.

– Почему? – удивился он. – Ты же говоришь, это наши земли? И ты ведь и сама местная?

– Ну... – Елка помрачнела еще больше, – наши отсюда в основном разбежались. Сам видишь, какая тут теперь жизнь. А из тех, кто остался... многие за фидоров.

– Почему?

– Да дебилы потому что! – зло воскликнула девушка. – Мол, столько лет жили с ними по-братски, и все нормально было. А как независимость объявили, так и началось... А что "началось" не из-за тех, кто объявил, а из-за тех, кто на мирную декларацию бомбами ответил, этому быдлу пофиг. Как свиньи, лишь бы жрать помои из фидорского корыта, а больше ничего не колышет... Ну и потом, самих фидоров понаехавших в этих краях теперь тоже хватает. Тут же не все так раздолбано, есть и совершенно целые дома брошенные, с мебелью, со всем – как такое не отжать...

– А твоя семья? Ты говорила, брат воюет... а родители? Они за кого?

– Мама погибла, когда наш хутор "Градом" накрыло. Я ж говорю, только одна коза и уцелела... ну и я, потому что в школе была – школа тогда еще работала... А отец уже третий год в Европе на заработках. Подсуетился, когда только начиналось. Раньше хоть изредка деньги присылал, а в последнее время вообще никаких вестей. Он и про маму, должно быть, не знает. Я так думаю, он там себе новую семью завел, ему и без нас хорошо.

– Стало быть, на твой хутор идти...

– Да какой хутор, сарай там теперь один вместо хутора. Ничего там нет полезного. И в другую сторону это. Не, нам на юго-запад уходить надо, – Елка махнула рукой в противоположную от города сторону, вверх по холму, туда, где бурой стеной темнели деревья. За ними в сгущающемся сумраке просматривались другие, более высокие холмы, также сплошь поросшие лесом. Отсюда лес казался надежным убежищем, но Игорь знал, что сверху, с вертолета, видно, что деревья растут совсем не так густо, и прозрачное кружево их оголившихся ветвей никого не способно спрятать по-настоящему. А если пойдет снег, будет еще хуже.

– Какой сейчас месяц? – спросил он.

– Ноябрь. Семнадцатое сегодня... кажется.

Ну да, ну да. Милостей от погоды ждать не приходится. Елка, кстати, одета слишком легко для морозов, особенно если придется ночевать на открытом воздухе. Ей бы, как минимум, еще свитер под куртку, шапку, перчатки, шерстяные носки... да и ему тоже... Впрочем, может, они успеют дойти до настоящих холодов – но на "может быть" лучше не закладываться...

– Ладно, – решил он. – Тогда уходим прямо сейчас, нечего тут рассиживаться. Если, как ты думаешь, они тут вертушку ждали, так она, скорее всего, ночью прилетит, даже если Дракула ничего передать не успел. А если успел, так и подавно.

Игорь поднялся привычным пружинистым движением и тут же скривился от боли в лодыжке, едва не заставившей его рухнуть обратно. Постоял, перенеся вес тела на правую ногу, прицепил кобуру к поясу, затем осторожно наклонился, ощупывая конечность сквозь верхнюю часть ботинка. Нет, похоже, не перелом и не вывих, иначе он бы точно не устоял на ногах. Скорее всего, растяжение, и не самое сильное... идти он, пожалуй, сможет. Сейчас бы эластичный бинт и ледяной компресс... не говоря уже о хотя бы сутках полного покоя... но об этом пока что можно только мечтать. Если он действительно настолько важная птица, что для охоты за ним противник отрядил одну из лучших своих ДРГ, задерживаться в окрестностях города определенно не стоит.

Девушка, видя, что он поднялся, решительно зашагала, не оглядываясь, вверх по склону, в сторону близкой уже вершины холма. Игорь захромал следом, но быстро убедился, что не сможет выдержать ее темп. То есть прямо сейчас, на стиснутых зубах и адреналине, может, и сможет, но на следующий день тогда уже вообще не сможет встать.

– Елка! – недовольно буркнул он.

Она оглянулась, лишь теперь, похоже, заметив, насколько он отстал, и остановилась, поджидая его с нетерпеливым видом.

– Нога, – пояснил он очевидное, ковыляя к ней. – Похоже, растяжение. Ты это... ничего, если я на тебя обопрусь?

Она не выразила ни согласия, ни возражения – просто молча стояла и смотрела на него выжидательно. Но, когда он протянул скованные руки, чтобы положить их ей на плечи жестом, похожим на объятие, она вдруг отпрянула, и на ее лице мгновенно возникло выражение такого ужаса и отвращения, словно он был гигантским тараканом из ужастика.

– Да нет! – воскликнул Игорь, застывая на месте с поднятыми руками. – Я ничего такого... мне правда идти тяжело!

– Я понимаю, – усилием воли она стерла брезгливую гримасу с лица. – У меня это просто теперь... рефлекс на вас, мужиков. Я бы и на брата сейчас так отреагировала, – она сама решительно взяла его за руки и пристроила левую, согнутую в локте, себе на левое плечо. Его правая рука повисла на цепи спереди.

– Постараюсь не слишком на тебя наваливаться, – пообещал он.

– Ты, главное, дыши в другую сторону, – ответила она. – У тебя изо рта воняет.

– Ну извини, – обиженно откликнулся он. – В плену меня, как видно, зубной пастой не снабдили.

– Эту табачную вонь никакой пастой не отбить.

Черт. Он понял, что еще усиливало его дискомфорт, помимо разнообразной боли от полученных травм, холода и голода. Чертовски хотелось курить.

Они пошли в обнимку, словно лучшие друзья после долгой разлуки. Впрочем, скорее это зрелище походило на молодую жену, волокущую домой подгулявшего мужа. Или дочь – отца, учитывая разницу в возрасте. Есть ли у меня дочь, задумался Игорь впервые с тех пор, как пришел в себя. А сын? А жена? Он не мог вспомнить. В отличие от названий оружия и боевой техники, на сей раз из тумана, скрывшего его прошлое, не проступало даже самых смутных очертаний. Но именно эта пустота, полное отсутствие эмоционального отклика наводило на мысль, что у него никого не было. Ни сейчас, ни в прошлом – во всяком случае, в прошлом, еще способном иметь хоть какое-то значение. Был ли он всю жизнь профессиональным военным? Или, как и тысячам других, ему пришлось экстренно осваивать эту науку, лишь когда война разгорелась в его собственной стране?

Сейчас это неважно. Сейчас важны более насущные проблемы. К счастью, его рефлексы помнят больше, чем его сознание – в этом он уже убедился, когда пистолет легко и привычно лег в его руку. Наверное, первыми восстанавливаются навыки, критичные для выживания. Он не сомневался, что, даже несмотря на наручники, выполнил бы норматив по снаряжению магазина на время, да и по мишеням отстрелялся бы как минимум на оценку "хорошо". Вот разве что бегать он пока что не в состоянии, и в рукопашную тоже не боец. Два ребра справа, похоже, таки сломаны – не вдребезги, но трещины наверняка есть. Даже попытка глубоко вздохнуть отзывается пронзающей болью, а о том, что будет, если туда кто-то ударит, и думать не хочется. Ну ладно. Как там учил этот древний китаец, как бишь его (имя, в отличие от марок оружия, не вспоминалось) – самый лучший полководец выигрывает сражение, вообще не вступая в бой...

Они продвигались вперед, конечно, не так быстро, как Елка шла бы одна, но и не так медленно, как ковылял бы Игорь без ее помощи. Перебравшись через вершину холма, они начали спуск, который с его ногой оказался не легче подъема, тем паче что юго-западный склон оказался круче северо-восточного. Невидимое за тучами солнце окончательно ушло за горизонт, и даже отсветы пожара уже не проникали на эту сторону холма, так что спускаться приходилось уже практически в полную темноту, особенно густую внизу между холмами – но Елка шагала уверенно, не боясь поскользнуться или оступиться, несмотря даже на наваливавшуюся на нее тяжесть. Поначалу Игорь действительно старался как можно меньше опираться на девушку, но

вскоре уже машинально делал это при каждом шаге левой ногой. Елка выносила это молча; он лишь слышал ее дыхание, более шумное, чем у человека, попросту гуляющего по лесу. "Ничего, – подумал Игорь, – по крайней мере, физические нагрузки не дают замерзнуть." Он тоже молчал, хотя, возможно, разговор помог бы им обоим отвлечься и от физических усилий, и от боли. Но Елка явно не была расположена к беседам, да и Игорь не считал нужным поднимать лишний шум. Вряд ли, конечно, их мог кто-то услышать в холодном и сыром ночном лесу, особенно в той поросшей чахлыми деревцами и кустарником ложбине между холмами, куда они спускались – место было явно совершенно бессмысленным для размещения каких-либо засад или патрулей. Но, как говорится, береженого бог бережет. Когда находишься на вражеской территории, куда полезнее слушать, чем говорить.

Именно потому, что он чутко прислушивался, он первым различил далекое стрекотание и остановился, вынуждая девушку сделать то же самое.

– Что? – обернулась к нему Елка, но теперь уже и сама расслышала пока еще отдаленный, но близящийся звук вертолета. – Думаешь, это они? За тобой?

– За мной, или за Дракулой, или за нами обоими, – ответил он. – Кому еще летать в такое время и в таком месте?

– Ну мало ли. Может, вообще натовцы. Им за тучами со спутников не видно, вот и решили поближе посмотреть, как тут и что.

– Не, – решительно качнул головой Игорь. – Эти поодиночке не летают. Да и потом, у них такие сенсоры, что им любые тучи...

Стрекот становился все громче, переходя в басовитый грохот – вертолет явно шел над холмами совсем низко, следуя неровностям местности и чуть ли не цепляя брюхом за вершины деревьев. Однако разглядеть его на фоне темного неба по-прежнему было невозможно – бортовые огни, как и всегда в прифронтовой зоне, были выключены.

– Бздят, суки, – заметил Игорь. – За рельефом прячутся. ПЗРК бы сейчас... ИК-головка их бы и в темноте нашла.

– Как думаешь, они могут нас заметить? – обеспокоенно спросила Елка.

– У них там тоже приборы ночного видения, но это еще надо знать, куда смотреть. Однако лучше нам не двигаться, пока они не уберутся. Именно движение привлекает внимание.

Они стояли под деревом, прижавшись друг к другу, в бессильном ожидании. Наконец вертолет прогрохотал мимо – близко, но не прямо у них над головами – и ушел в сторону города.

Или не совсем ушел. Едва Елка облегченно перевела дыхание, грохот стал возвращаться.

– Черт! – сдавленно воскликнула девушка. – Бежим!

Он не был уверен, что это лучшее решение, но подчинился. Они помчались вприпрыжку вниз по склону диковинным аллюром раненого четвероногого существа, скачущего на трех ногах. Игорь каждый миг ожидал, что они запнутся о какой-нибудь корень и грохнутся (самое то для его ребер, конечно же!), но пока им каким-то чудом удавалось этого избежать. Вертолет, несомненно, догнал бы их за минуту – если бы засек цель (впрочем, даже и в этом случае, сообразил Игорь, сесть здесь негде, а если он им нужен живым, то и стрелять они не будут – хотя, конечно, черт их знает, какие у них приказы и приоритеты...) Однако после пугающего приближения грохот снова стал отдаляться – вертолет, похоже, кружил над вершиной холма.

В какой-то миг Игорь все же споткнулся своей единственной здоровой ногой, но Елке удалось удержать его от падения (он лишь громко охнул от пронзившей правый бок боли). Они продолжали мчаться вниз, петляя между тонкими, не способными служить защитой деревьями (осина, ольха, что-то вроде этого, определил Игорь про себя; все более солидное в такой близости от города, надо полагать, повырубали еще до войны). Наконец, с хрустом проломившись сквозь невысокий, но колючий кустарник и сухие стебли какой-то многолетней травы, они с разбегу влетели в почти невидимый в темноте ручей, протекавший по дну ложбины между холмами. Черная ледяная вода обожгла холодом до колена, заливаясь в берцы. Но Игорь с

удовольствием опустил в нее левую ногу, дабы приглушить боль в лодыжке.

Вертолет продолжал рокотать где-то позади. Похоже, оттуда их так и не заметили. Затем грохот стих по ту сторону холма.

– Собак они ночью не высадят, – заметил Игорь, – но все равно, незачем лишние следы оставлять. Идем пока вверх по ручью, ноги уже все равно мокрые.

Пока они шли по воде (теперь гуськом, он впереди, она сзади), Игорь продолжал прислушиваться. Стрекота вертолета больше не было слышно, даже самого отдаленного.

– Они не улетели, – уверенно заметил он – Они сели с той стороны холма.

– Обследовать развалины завода? Хотя чего там обследовать, видно же, что все горит и не сунешься...

– Вот именно. Я сперва подумал, что Дракула с рацией где-то в городе, он их и вызвал. Но тогда он бы дал им точный ориентир на посадку, а они кружили, причем не над городом, а над холмом, словно что-то высматривая... Ты уверена, что он не видел, как ты меня вытаскивала?

– Он ушел за минуту до атаки, – повторила Елка. – Больше я его не видела ни живым, ни мертвым. Но если бы он видел, как мы убегаем, то уж наверное не позволил бы нам уйти. Хотя, конечно, если он там валялся контуженый или раненый... а потом все-таки нашел в себе силы выбраться прежде, чем огонь добрался до него...

– Вот-вот, – мрачно согласился Игорь. – Ты случайно не оставила каких-то приметных следов на холме?

– Оставила, – сердито ответила она. – Я ж тебя волоком по земле тащила, а ты тяжелый. А еще, если хочешь знать, я там по нужде сходила, пока ты в отключке валялся. Что, нельзя было? Принцессы не какают?

– Ну, на дерьмо они вряд ли внимание обратят, – спокойно ответил он. – Даже не уверен, что отличат человеческое от звериного. А вот какие-нибудь окровавленные бинты – это было бы хуже.

– Нет, никаких бинтов. Да и откуда бы я их взяла, некогда мне было их аптечки искать...

– Да понял, понял. Может, они, конечно, и не догадаются на холм лезть – мало ли в какую сторону ты меня с завода потащила...

– Но думаешь, они знают, что потащила?

– Лучше исходить из того, что знают.

Наконец они уперлись в ствол дерева, рухнувшего поперек ручья с левого склона – того, на котором они еще не были. Этот ствол был уже куда более солидным, чем виденные ими прежде – не меньше полуметра в диаметре; здесь, похоже, начинался уже настоящий лес. Ствол с торчащими в разные стороны обломанными ветвями нависал над водой слишком низко, чтобы пролезть под ним, не окунаясь в воду, но перелезть сверху было бы несложно. Однако Игорь принял другое решение:

– Ладно, хватит, пожалуй, водных процедур. Думаю, их мы со следа уже сбили. Давай наверх по этому стволу, чтобы не оставлять следов на берегу.

Прежде, чем выбраться из ручья, он наклонился, черпая пригоршнями воду, и сделал несколько глотков. Вряд ли эта вода была такой уж чистой, но выбирать не приходилось. Вкуса он, впрочем, не почувствовал – от ледяной жидкости лишь ломило зубы. Холод, поднимаясь от ног, и так уже пробирал до костей, и пить не хотелось – но сделать это было надо, пока они не ушли от хоть какой, но проточной воды. Неизвестно, когда удастся напиться в следующий раз, а обезвоживание – штука опасная и коварная, способная вывести бойца из строя, даже когда он субъективно не чувствует жажды. Быстрое переутомление, слабость, сильная головная боль, тремор, падение давления и пульса, помрачение сознания – совсем не те симптомы, которые нужны уходящему от преследователей на вражеской территории. Это он тоже помнил. Он обернулся, чтобы объяснить это Елке, но та уже сама последовала его примеру. Хотя ее-то,

возможно, как раз мучила жажда – совсем не факт, что мучители давали ей пить.

Девушка легко залезла на ствол и почти бегом добралась по нему до вывороченных из земли корней, а вот Игорю пришлось повозиться. Вставать на поваленном дереве в полный рост он со своей ногой не рискнул и пополз на четвереньках, упираясь коленями, носками ботинок и скованными руками. Его успокоившаяся было в ледяной воде лодыжка снова дала о себе знать, и все же он благополучно добрался до корней и сполз на землю, прикидывая дальнейшие действия. Желание оказаться как можно дальше от возможных преследователей было велико, но он понимал, что с такой ногой далеко не уйдет, а у девушки просто не хватит сил втащить его на новый, более крутой и высокий холм. А если у тебя нет шансов убежать, разумнее затаиться. От полноценной облавы это все равно не спасет, но на полноценную облаву у врагов недостаточно силенок. Сколько могло прилететь на вертолете? Если это был "Ми-8" – ну, пара дюжин, в худшем случае. Больше, чем он хотел бы иметь в качестве противников в перестрелке, но меньше, чем надо для настоящего прочесывания ночного леса, где можно нарваться на пулю из-за любого куста. Скорее всего, если они сразу не взяли след, то не будут соваться наугад, а подождут, пока рассветет.

Некоторое время он стоял, всматриваясь в темную громаду холма, отделившего их от города. Никакие огоньки фонарей там не мелькали, и никакие подозрительные звуки не доносились сквозь ночную тишину. Не гарантия, конечно, но на войне гарантий вообще не бывает...

– Похоже, мы оторвались. Сделаем привал до утра, – решил Игорь.

– Прямо здесь? – осведомилась Елка. Это был не сарказм, просто вопрос.

– Если только ты не знаешь лучшего места поблизости, – в его ответе также не было ни капли сарказма.

– Нет, – в темноте он различил, как качнулись ее волосы, когда она мотнула головой. – В эту сторону только лес на много километров. Это-то и хорошо, по дорогам если уходить – это, сам понимаешь, до первого блокпоста...

– И чьи тут блокпосты, в Зопе?

– Формально – местных ополченцев, но что тут за местные, я уже сказала. Наши их опущенцами называют. Сдадут нас фидорам, пикнуть не успеем. Или просто бандиты обыкновенные.

– Ну ясно, – кивнул он. – Короче, здесь привал делаем. Проверь, там внизу лужи нет? – он кивнул на яму, оставшуюся от упавшего дерева. – Мне сейчас лазить лишний раз не очень...

Елка съехала в яму по осыпающейся круче и доложила:

– Не, сухо. Ну, то есть земля, конечно, влажная, но не больше, чем наверху.

– Ну и ладушки, – он неуклюже спустился следом за ней.

– Неплохо, – оценил он их новое убежище, оказавшись внизу. – Не блиндаж, конечно, но несколько часов перекантоваться можно. Надеюсь, дождя ночью не будет...

Он принялся расшнуровывать мокрые берцы. Правый снялся легко; Игорь перевернул его подошвой вверх и потряс, затем стянул носок (тот, к удовольствию Игоря, оказался теплым шерстяным, как раз подходящим для погоды) и выкрутил его, выжимая. Обтер ступню о сухую часть штанины, затем с сожалением натянул мокрый носок и ботинок снова. Другого варианта, кроме как сушить на себе, не было. Левый ботинок не особо хотел сниматься из-за распухшей лодыжки, и Игорь решил так его и оставить, иначе надеть потом будет еще труднее, чем снять. Холодный компресс, хотя бы такой...

Елка, сидевшая напротив него, тоже сняла обувь, и в темноте он услышал, как оттуда шмякается что-то сырое.

– Что ты там, водорослей начерпала, что ли? – удивился он.

– Да нет, я туда травы напихала. Мне же эти ботинки велики.

– А, ну точно. А носки-то у тебя есть, хоть какие?

– Нужны мне его вонючие носки, – ответила девушка брезгливо. – Они же тоже на семь размеров больше, чем нужно. Только бы сбились в комок и натирали.

Игорь протянул руку и дотронулся в темноте до ее босой ступни, холодной, как у покойника. Елка тут же отдернула ногу.

– Да не дрыгайся ты! – брюзгливо воскликнул он. – Я все понял про твои рефлексы, но тебе ноги согреть надо. Если не хочешь завтра с температурой проснуться. Это нам сейчас точно лишнее. И хватит уже в каждом мужике насильника видеть. А доктор тебя будет осматривать, его тоже будешь убить грозиться?

– Тоже мне, доктор выискался, – пробурчала Елка, но затем нехотя добавила: – Ладно, только пятки не трогай.

"Щекотки она, что ли, боится?" – подумал с усмешкой Игорь. "Или мозоль натерла в этих берцах...." Он потер свои ладони, разогревая, о штаны и друг о друга, а затем принялся растирать ступни девушки – одну, потом другую. Поначалу он чувствовал, как она напряжена – казалось, только и ждет момента, чтобы садануть его ногой в солнечное сплетение, если его палец двинется хоть на миллиметр выше щиколотки – но постепенно Елка успокоилась, расслабилась и даже позволила себе безмятежно откинуться на стенку ямы.

– Согрелась? – спросил, наконец, Игорь, но девушка не ответила, и он понял, что она спит. Тогда он засунул ее маленькие ступни себе под куртку, прижав их сквозь одежду к собственному животу. Все лучше, чем в холодных мокрых берцах.

Он планировал просидеть так часа три (часов ему, разумеется, не оставили, но он хорошо чувствовал время), а затем разбудить Елку и поспать самому. Все было тихо; время от времени слышно было, как наверху задувает ветер, заставляя поскрипывать старые ветви, но в яме никаких дуновений не ощущалось. Не подавали голос никакие ночные птицы – ну да, поздняя осень... Но главное – не слышно было ни далекого шума мотора, ни близкого треска веток под ногами чужаков. Похоже, что по крайней мере этой ночью враг и в самом деле потерял их след.

Все же уютным такой ночлег, безусловно, не был. Каким угодно, только не уютным. Пронизывающий холод в сочетании с сыростью – хорошо известно, что высокая влажность воздуха намного ухудшает восприятие как холода, так и жары. Низкое беспросветное небо вместо крыши над головой, того и гляди грозящее излиться даже не ливнем, а заунывной и нескончаемой гнусной моросью. Безмерное уныние безжизненного осеннего леса, неспособного служить надежным укрытием. Да еще эти чертовы наручники...

И, конечно, тот факт, что он по-прежнему ничего не мог вспомнить о себе. Это даже не пугало – это раздражало, да что там, откровенно злило. В конце концов, дело не только в его имени. Имя рано или поздно выяснится, когда они доберутся до своих, даже если он не сможет вспомнить сам. Да и вообще, что такое имя – всего лишь произвольный набор звуков, не имеющий никакого определяющего значения; на войне – по крайней мере, на такой, как эта – вообще редко пользуются реальными именами, предпочитая им позывные. Некоторые так привыкают к этому, что, когда потом на гражданке какой-нибудь знакомый из прежней штатской жизни обращается к ним по имени, не сразу понимают, о ком речь... "Игорь" в этом отношении – имя или позывной не хуже любого другого. Но вот то, что он знает – или, по крайней мере, знал! То, из-за чего его, вероятно, захватили и сохранили ему жизнь! Это может быть что-то чертовски важное и, самое главное, срочное! Секрет какой-нибудь стратегической операции, способной изменить положение на фронте, может, даже переломить ход войны. Или, допустим, какой-нибудь убийственный компромат на некую фигуру во вражеском руководстве. Или тайный сговор фидоров с западниками – увы, и такое нельзя исключать. Или какие-то финансовые схемы – деньги нужны войне не меньше, чем мясо, тоже известная истина... И вот вместо того, чтобы сообщить эту информацию, кому надо – или обезопасить ее от противника – он тут прохлаждается в лесочке, как какой-нибудь сраный турист! Утешает разве что то, что по крайней мере врагу теперь эти сведения не достанутся, даже если его снова захватят. Хотя и тут – черт

его знает. Амнезия может пройти так же внезапно, как и возникла, особенно если этому содействовать разными средствами – не обязательно, кстати, паяльником, есть и всякие хитрые медикаменты... Хотя в паяльнике тоже приятного мало. Особенно когда ты в принципе не знаешь того, о чем тебя расспрашивают, и потому не можешь даже придумать достаточно убедительную ложь...

Он отчаянно пытался вспомнить, пробиться сквозь сплошную пелену тумана, но добился лишь того, что у него снова разболелась голова. От злости на собственную беспомощность он стиснул зубы, но велел себе успокоиться. Потеря сознания с последующей амнезией означает серьезное сотрясение мозга, по-хорошему ему сейчас надо пару недель отлеживаться в госпитале – причем отлеживаться в буквальном смысле! – а не по горам бегать. Его организм и так справляется лучше, чем можно было ожидать.

Он постарался расслабиться и прикрыл глаза. Всего на несколько минут, не больше. Спать он пока что не имеет права – кто-то должен оставаться на карауле – но пусть утихнет головная боль. Думать о чем-нибудь спокойном и приятном. О тепле. О солнце...

Тепла не было. Было чертовски холодно. Холодный зимний день. Но солнце действительно светило с ярко-синего неба. Под крышами стыли блестящие бахромы сосулек, но вокруг лежали сугробы. Он шел по улице поселка, почти не расчищенной от снега. Шел не домой и не в школу, куда-то в другое место. Ему было девять лет.

На груди у него что-то шевелилось. Что-то живое и теплое; он держал это под курткой, придерживая руками. Щенок. Это был щенок. Опустив голову, он увидел острую собачью мордочку, высунувшуюся между пуговицами. Щенок доверчиво глядел на него круглыми карими глазами. Игорь (которого сейчас звали не Игорь) хотел погладить эту голову, но что-то ему мешало. Холодное, твердое, неприятное, мешавшее двигать руками. Наручники. Почему-то на запястьях у него были наручники. Сам по себе этот факт его не удивил, но он ужасно боялся, что кто-то увидит его в таком виде. Соседи подумают, что он преступник, и расскажут его родителям. И щенок. Щенка они тоже не должны видеть. Его нельзя показывать чужим. Лучше бы ему сидеть под курткой и не высовываться. Мальчик мягко, но решительно надавил на собачью голову, заправляя ее внутрь. Но щенку, как видно, надоело сидеть в душной темноте, и он протестующе зашевелился под одеждой – а затем вдруг вгрызся зубами в его правый бок, пронзая ребра кинжальной болью...

Рефлекс заставил его подавить вскрик; Игорь лишь резко вдохнул, одновременно распахивая глаза.

Солнце и снег исчезли. Над ним были бурые края ямы, раскоряченные и слепленные вместе землей корни рухнувшего дерева, подобные гигантскому поваленному набок зонту, а выше – унылое серое небо раннего осеннего утра. "Проспал! – со злостью подумал Игорь. – Проклятье!" Раньше – он не помнил этого, но был, тем не менее, уверен – такого безобразия с ним не случалось, и если он давал себе команду "проснуться через десять минут", то именно так и происходило. Единственное, что могло хотя бы отчасти его извинить – это, очевидно, последствия контузии...

Впрочем, похоже, на сей раз судьба предпочла не заметить его промах – ничего страшного за время его сна не случилось. В лесу было все так же тихо, даже ветер полностью иссяк. Елка безмятежно спала "валетом" к Игорю; во сне она машинально засунула ноги еще глубже в теплое нутро его куртки, так что теперь ее ступни оказались у него на груди. Очевидно, пошевелившись во сне, она задела его сломанные ребра – за что, впрочем, он был ей почти благодарен: неизвестно, сколько бы он еще продрых, раз уж его собственный внутренний будильник дал сбой.

Однако он был уверен, что сон, обрывки которого еще не успели выскользнуть из его памяти, не был всего лишь реакцией на прикосновения ее ног. Это было что-то реальное... какое-то воспоминание из далекого детства. Поселок, больше похожий на большую деревню,

одноэтажные домики под серыми крышами, сугробы, в которых практически тонули невысокие штакетники... теперь он почти не сомневался, что когда-то ходил по этим улочкам, что родился и вырос вовсе не в большом городе. И щенок... щенок тоже был реальным, хотя Игорь и не мог вспомнить его имени (как и своего собственного, как и названия поселка). Кажется, в итоге с этим щенком случилось что-то плохое... наверное, родители (снова ни имен, ни лиц) не позволили его оставить и выставили беспомощного песика на мороз...

Больше он ничего не мог вспомнить. Остатки сна выветрились из памяти, как это чаще всего и бывает вскоре после пробуждения.

Игорь осторожно, не желая резко будить девушку (еще схватится за автомат спросонья!), сдвинулся назад и вытащил ее ноги из-под своей куртки. Его взгляд задержался на розовых босых подошвах, и у него возникло детски-наивное желание их пощекотать. Впрочем, эти несерьезные мысли сразу улетучились, когда он разглядел на нежной коже пяток коричневые кружки. Никакие не мозоли – ожоги.

Вот же твари, подумал Игорь. Им мало было паяльника – они еще и прижигали ей пятки сигаретами. Одно слово – фидоры! А девчонка-то молодец. Пока он, крутой герой-вояка, ковылял на одной ноге, повисая у нее на плечах, она не подала ни малейшего намека, что ей тоже больно идти. Хотя, конечно, сигаретный ожог не такой страшный, как от паяльника, но все равно... Да и вообще, другая бы на ее месте после всего, что с ней сделали, неделю бы билась в истерике, а потом год лечилась от депрессии и всю жизнь вздрагивала от любого шороха (а от мужского голоса и подавно). А она топает себе вперед, как ни в чем не бывало, да еще его на себе тащит!

Еще вчера он думал о ней в сугубо прагматических категориях. Ему нужен проводник, чтобы выбраться отсюда, и он готов заботиться о ней и ее безопасности в той мере, в какой она способствует выполнению этой задачи. И если бы перед ним встал выбор – вступить в бой только для того, чтобы защитить ее, или безопасно уйти к своим, он без колебаний выбрал бы второе. На войне жертвы неизбежны, а он знает нечто важное (пусть и пока не может вспомнить, что именно) и не имеет права попусту рисковать. Но сейчас – держа в руках ее тонкие лодыжки, глядя на ее маленькие нежные ступни и в то же время понимая, какой сильный характер скрывается в этом хрупком теле – он вдруг понял, что больше не желает руководствоваться прежней логикой. Он не допустит, чтобы с ней снова случилось что-то плохое. Во всяком случае – сделает все, от него зависящее, чтобы не допустить.

Следы сигаретных ожогов вновь напомнили ему, как хочется курить, и он даже устыдился этой мысли. Хотя, конечно, чего тут стыдиться – один курильщик не отвечает за всех прочих... Дурацкая привычка, конечно, и все всё про это знают, но попробуй найди на войне некурящего солдата. Кто там первый придумал подсадить армию на курево – кто-то из германских монархов, кажется, а остальные бросились перенимать... вот, спрашивается, нафига? Вдуматься – глупость же несусветная. Про вред для здоровья тогда не знали, да и плевать всем королям и генералам, доживут ли их солдаты до старости (даже лучше, если не доживут – меньше пенсий платить) – но зачем своими руками создавать лишний расход и лишний артикул логистики? "Табачное довольствие..." Считается, что это успокаивает нервы. Ну, может, офисному планктону, боящемуся получить нагоняй от начальства за несданный вовремя отчет, и успокаивает. А когда живешь с постоянным осознанием, что можешь умереть в любой момент, и то же самое может произойти – и происходит! – с любым из твоих друзей, хрен там успокоит какая-то палочка с никотином. К такой жизни просто привыкаешь, и все.

Как и к самому куреву, да. И что особенно хреново – из-за того, что нечего курить, еще и жрать охота с удвоенной силой. Да плюс холод. Голод легко переносится, когда тепло, а холод – когда ты сыт. А тут одна проблема обостряет другую, а решить они сейчас не могут ни одну...

Елка, должно быть, почуяв холод, поджала пальчики на ногах, а затем вдруг выдернула лодыжки из рук Игоря и резко села. Ее рука тут же стиснула лежавший рядом автомат.

– Все в порядке, – улыбнулся Игорь.

Она зыркнула на него полным подозрения взглядом и сунула ноги в берцы – все еще мокрые и ледяные (что подтвердила ее недовольная гримаска).

– Который час? – спросила она.

– Где-то между шестью и семью, – определил он по количеству света.

– Нас не преследуют?

– Нет. Во всяком случае – не прямо здесь и сейчас.

"Самоуверенное заявление, – тут же отметил он про себя. – Ты еще даже из ямы не выглядывал." Ему представилось, как они выберутся наружу и увидят, что окружены довольно ухмыляющимися фидорами... впрочем, те бы, конечно, не стали ждать, пока они соизволят проснуться.

– Почему ты не разбудил меня дежурить? – спросила она все так же сердито.

– Тебе надо было как следует выспаться, – слукавил он, хотя само по себе данное утверждение было правдой.

– А тебе что, не надо? Как ты теперь пойдешь? Я тебя сонного тащить не собираюсь.

– Ничего, я в порядке, – пробормотал он, стыдясь признаться, что тоже беззаботно проспал всю ночь, подвергая и ее, и себя смертельной опасности.

– А твоя нога? Сможешь идти?

Он осторожно поднялся, опираясь руками о земляную стену, затем попытался шагнуть. Лодыжка тут же отозвалась болью, сильной, но тупой, а не острой, что уже было хорошо. Но вылезать из ямы будет, пожалуй, не так уж просто. Травмированный голеностоп, сломанные ребра, да еще скованные руки – ну полный комплект для подобных упражнений!

– Ничего, разойдусь – будет легче, – сказал он вслух. – А как твои ожоги?

– Терпимо, – коротко буркнула Елка и прибавила: – И пожалуйста, не надо задавать мне вопросов из вежливости. Можно подумать, оттого, что ты спросишь, они пройдут.

– Ну ты же спросила меня про ногу, – улыбнулся Игорь.

– Потому что от твоей ноги зависит наша скорость. А от моих ожогов – нет.

– Не привык чувствовать себя слабым звеном, – усмехнулся он.

– Я тоже много к чему не привыкла. А теперь мне с этим жить.

– Елка, – вздохнул он, – а ты можешь быть не такой колючей?

– Тоже мне, остряк выискался, – проворчала она, тоже поднимаясь и вскидывая на плечо автомат. – Ладно, я к ручью. А ты тут посиди пока.

– Если понадобится на землю слезть – на том берегу это делай, чтоб следов тут...

– Да уж догадаюсь, – перебила Елка.

Он кивнул и снова сел на дно ямы, дабы она не подумала, что он собирается подглядывать за ее гигиеническими процедурами. А ведь это, подумалось ему, ее первая возможность хоть как-то помыться после всех этих насильников. В ледяном ручье глубиной по колено... И нет ни полотенца, ни чистого белья. И кстати вот еще что скверно – у нее нет носков, и нет лишней ткани, чтобы сделать хотя бы портянки. Мало того, что идти в ботинках на босу ногу сейчас холодно, особенно если выпадет снег, так они еще и будут болтаться на ногах из-за слишком большой разницы в размерах. Она сотрет ноги, да и спотыкаться будет...

А еще, снова подумал он, у них нет никакой еды, а конец ноября – не лучшее время, чтобы питаться дарами леса. И даже котелка или фляги для воды нет. Правда, есть оружие и патроны. Но патроны сами по себе грызть не будешь. Интересно, когда они вообще ели в последний раз? Игорь чувствовал себя готовым сожрать если не слона, то по крайней мере поросенка целиком, от пятачка до хвоста – а ведь его в плену, наверное, кормили, если он был нужен фидорам живым. Вряд ли шикарно, но уж какую-нибудь миску перловки с хлебом давали (даже этот нехитрый образ вызвал у него слюноотделение, как у пресловутой собаки этого, как его... – имя ученого не вспоминалось). А вот Елка, скорее всего, ничего не ела с позавчерашнего

утра, с тех пор, как вышла из дома...

Почему она все-таки не захотела возвращаться на свой хутор? Пусть там уцелел единственный сарай, но ведь хоть какой-то скарб там имеется, раз она там жила. Хоть какие-то тряпки и припасы они могли там прихватить. Ну потеряли бы на этом, допустим, день, уж никак не больше – как далеко она могла забрести от своего жилья в поисках козы? Или, может быть, Елка рассчитывает быстрее добраться до какого-то другого места, где можно добыть необходимое и которое при этом им по дороге? Она сказала, что лес тянется на много километров – но "много" может означать и сто, и двадцать. Двадцать, конечно, даже по пересеченной местности можно преодолеть и без всяких припасов. Да и в лесу порой попадаются какие-нибудь сторожки...

Послышались легкие шаги по поваленному стволу, а затем над краем ямы появилась голова спрыгнувшей на землю Елки. Разумеется, без мыла и шампуня она не могла по-настоящему вымыть свои длинные волосы, но, видимо, все же постаралась хоть как-то ополоснуть их от всей скопившейся грязи, а потом – должно быть, чтобы не цеплялись за ветки – собрала их в хвост, перехватив куском изоленты, очевидно, оторванным от "рожков" ее автомата. В обеих руках девушка держала по полуторалитровой пластиковой бутылке с мутноватой водой.

– Откуда это? – удивился Игорь.

– Из леса, вестимо, – ответила Елка; похоже, ледяное умывание несколько улучшило ее настроение. – Плыли по ручью, застряли между ветками дерева. Да здравствует быдло, бросающее мусор, где ни попадя.

– А водой ты их наполнила?

– А кто еще – лесные феи? – она сунула одну бутылку в широкий наружный карман куртки и протянула вторую ему.

– Хорошо, – кивнул Игорь, беря бутыль. Меж тем его мочевой пузырь, терпеливо переждавший холодную ночь, теперь все настойчивей требовал своего. Ухватившись двумя руками за один из корней, Игорь неуклюже полез наверх, стараясь избегать боли в ребрах и упираясь в стенку ямы носком правой ноги и коленом левой.

– Помочь? – Елка, наклонившись, протянула руку.

– Сам справлюсь, – процедил он сквозь зубы. Без пронзающей боли в боку, конечно, не обошлось, но все-таки минуту спустя ему удалось выкарабкаться наверх, а затем и влезть на ствол. Игорь пополз на четвереньках к ручью, конфузливо бросив через плечо: "Теперь это... ты отвернись."

Вернувшись все тем же способом, он произнес полувопросительно:

– Насколько я понимаю, рыбы в этом ручье нет.

– Нет, конечно. Слишком мелкий... и замусоренный. Хотя сейчас почище, когда не осталось ни промышленности, ни туристов...

– То есть на завтрак можно не рассчитывать. Ну а чем, в таком случае, мы собираемся питаться?

– Найдем чего-нибудь, – пожала плечами Елка. – В лесу всегда можно найти что-то съедобное.

– Ты так говоришь, как будто сама не голодная, – проворчал он.

– Голодная, – спокойно ответила девушка. – А что, слова могут сделать меня сытой?

– Слова – вряд ли, – согласился он. – Но почему все-таки ты не хочешь сходить к себе на хутор? Наверняка мы могли бы взять там какие-то припасы.

– Опасно, – покачала головой Елка. – Открытая местность, не подойти скрытно. Кто угодно может заметить парня в наручниках с разукрашенной физиономией. Большинство местных, конечно, предпочтут просто не соваться не в свое дело – но если на тебя уже идет охота...

– Я мог бы подождать в лесу, пока ты сходишь за всем необходимым, – предложил он и тут же решил, что это была плохая идея. Что, если, оказавшись дома в пусть даже очень относительной безопасности и комфорте, она раздумает возвращаться и бросит его здесь?

– И оставить тебя одного без присмотра? – усмехнулась она. – Нет уж, сказала, что выведу, значит, выведу. Тем более что одинокая девчонка в камуфляже тоже привлекает ненужное внимание. Даже без автомата, но и автомат при таком раскладе – не гарантия. А вдвоем мы с тобой лучшая боевая единица, чем поодиночке.

– Ну тогда идем, не будем терять времени, – кивнул он и попытался было шагать вверх по склону самостоятельно, но Елка без церемоний закинула его руку себе на плечо, как накануне.

– Когда перестанешь хромать, тогда и будешь демонстрировать, какой ты крутой, – пробурчала она.

Они не полезли прямо вверх по крутому склону, а стали подниматься по диагонали. Идти все равно было тяжело, но, по крайней мере, это не давало им мерзнуть. Несколько раз Игорь останавливался и принимался разглядывать холм, с которого они спустились накануне, но так и не увидел ничего примечательного за деревьями. Возможно, будь у него бинокль... но что толку рассуждать об отсутствующих возможностях. Быть может, конечно, никакой погони и нет, по крайней мере, в этом направлении. Обследовав пожарище, вертолет вернулся на базу вместе со всеми, кто был на борту... Хотя, кстати, даже если и так, это не повод расслабляться – задача могла быть передана дислоцированным в этом районе наземным группировкам. В том числе и тем, что способны перерезать им путь спереди...

Наконец они поднялись выше вершины первого холма и позади нее, в сизой дымке, вновь увидели развалины города и закопченные руины завода. Кажется, оттуда до сих пор еще сочился дымок, но с такого расстояния Игорь не мог сказать с уверенностью.

– Смотри! – Елка вдруг дернула его за рукав, указывая вниз.

Он всмотрелся и увидел пятнистую фигурку, переправлявшуюся через ручей. Затем еще одну. И еще. И еще...

Похоже, как он опасался, они возобновили поиски на рассвете. И таки взяли правильное направление, хотя собак у них и не было. Но понятно, что следов на сырой земле беглецы оставили достаточно даже для несовершенных человеческих глаз – по крайней мере, когда ломились вниз бегом, продираясь через кусты. Небось, подумал Игорь мрачно, там на колючках до сих пор висят клочки моего камуфляжа...

– Ну что ж – по крайней мере, теперь мы твердо знаем, что за ними действительно охотятся. Это не паранойя, – сказал он вслух. – А поскольку они знают о нас и знают, что мы выжили, то, скорее всего, выжил и Дракула, как тебе ни неприятно это слышать. Возможно, именно он их и ведет. Может, не как командир, а как проводник, но тем не менее.

– Мы сможем оторваться? – голос девушки звучал озабоченно, но отнюдь не панически.

– Форы у нас где-то два часа. Но скорость у них, конечно, выше, даже если они идут в полной выкладке.

– Предложишь мне бросить тебя и спасаться одной? – усмехнулась Елка.

– Нет, к чему этот опереточный пафос... Хороший солдат должен думать не как героически умереть, а как сделать так, чтобы героически умерли его враги. Если бы они шли четко по нашим следам, шансов было бы немного. Но ты же видишь, где они переходят ручей? Ниже по течению. До дерева они не дошли. Что-то погнало их на другой берег раньше.

– Что, интересно?

– Откуда мне знать, – пожал плечами Игорь. – Может, заметили чьи-то еще следы. Мало ли кто здесь мог ошиваться. Хотя возможно, конечно, что они вообще ищут вслепую. Но я бы особо на это не рассчитывал.

– Я бы тоже, – серьезно согласилась Елка.

У Игоря едва не вырвалась шпилька, что он очень ценит ее мнение как военного

эксперта, но он заставил себя сдержаться. В конце концов, пока что именно она спасает его, а не наоборот. Притом, что она могла бы действительно бросить его и уходить налегке. Она им не нужна. То есть, конечно, если она попадет к ним в руки, ничего хорошего ее не ждет, даже если охотники – кадровые военные из фидорского спецназа, а не банда отморозков-"добровольцев", какой командовал Дракула. Но специально гоняться за ней по горам и лесам они не будут. Их цель – он.

– Где находится вершина этого... холма или горы, уж не знаю? – спросил он вслух.

– Там, – Елка махнула вверх и влево от направления их подъема. – Там еще радиомачта была, но ее взорвали давно.

Игорь мысленно соединил линией место, где переправлялись вражеские бойцы, с невидимой за деревьями вершиной.

– Скорее всего, они поднимаются туда, – решил он. – Будут осматривать оттуда окрестности. Не покажется ли где дымок от костра и все такое. Насколько хороший оттуда обзор вдоль гребня?

– Хм, – еще более помрачнела Елка. – Вообще-то там проходит широкая прямая просека. Как раз по гребню. Так что, если они заберутся туда раньше нас, то, где бы мы ее ни пересекли, они нас увидят. С вершины как раз хоть налево, хоть направо смотри...

– Ясно, – кивнул Игорь, – потому, небось, они туда и полезли. Как по-твоему, успеем мы проскочить? Мы поднимаемся по диагонали, они прямо – это короче, но тяжелее, но они в лучшей форме...

– Не знаю, – покачала головой Елка. – Может, да, а может, и нет. Им, конечно, с самого низа карабкаться, но у них с ногами все в порядке, и ботинки нужного размера...

– Угу... – согласился он, снова глядя в сторону ручья. Там уже никого не было, но Игорь продолжал внимательно всматриваться. – Я насчитал шестерых, а ты?

– Семеро. Седьмой был уже на нашем берегу, когда я их увидела. Но не факт, что он шел самым первым.

– То есть их может быть и больше, – кивнул Игорь. – Хотя я бы на их месте... ага! Вон, видишь? – он указал руками вниз, в сторону ручья, но несколько ближе к ним.

– Ничего не вижу, – призналась Елка. – Что там?

– Вторая группа, как я и думал. Первая полезла на холм, а вторая идет дальше вверх по течению ручья. Возможно, есть еще и третья, идущая вниз по течению, но эти нам пока что не интересны...

– Где? – нетерпеливо переспросила девушка. – Я вижу только кусты и деревья.

– Им нет нужды мочить ноги, они идут по другому берегу под прикрытием растительности. Но видишь, там кружатся две вороны? А может, галки, с такого расстояния не определить... Они только что взлетели из подлеска. Их кто-то спугнул.

– Не факт, что это именно фидоры.

– Ну конечно, – усмехнулся он. – Кто-то просто решил устроить пикник в это время и в этом месте.

– Может, олень какой-нибудь. Они здесь водятся.

– Может, – согласился Игорь. – Но нам лучше ошибиться, приняв оленя за фидоров, чем наоборот. Что там? – он указал руками вдоль по склону, в том направлении, под острым углом к которому они поднимались, и в котором, предположительно, двигалась вторая группа. – Я так понимаю, этот холм – что-то вроде длинного гребня... на сколько он тянется?

– Километра на три в ту сторону. Потом сходит вниз, довольно круто, и там дорога между этим холмом и следующим. На ней, в самом узком месте – блокпост.

– Ну это само собой... Круто, говоришь? Я так понимаю, этот крутой склон прикроет нас от наблюдателей с вершины холма, а блокпост мы обойдем поверху. Это реально? Не отвесный же там обрыв?

– Не то чтобы обрыв, но с твоей ногой... не знаю, – с сомнением произнесла Елка. – И перебираться придется практически у них на глазах, тот склон почти голый. Достаточно кому-то голову вверх задрать...

– Идеального выхода отсюда нет по-любому, – пожал плечами Игорь. – Нас могут засечь, когда мы будем переходить либо просеку сверху, либо ручей снизу, либо склон над блокпостом. Но блок, по крайней мере, мы имеем шанс заметить раньше, чем они нас, и понаблюдать за ситуацией. Не очень радует, если к тамошним, как ты говоришь, опущенцам присоединится вторая группа – те-то наверняка профи... но соревноваться с ними в скорости мы не можем. Значит, нам нельзя оставлять их позади, давая шанс сесть на хвост. Пусть они убегут вперед, а мы останемся сзади. Возможно, и проскочим, когда они утратят бдительность.

– Никого не найдя, они могут развернуться, – возразила девушка.

– Могут. И дополнительные силы для прочесывания организовать могут, раз эта территория фактически ихняя... Но тут уж как повезет. Остается надеяться, что ополченцы – слабое звено, а того, что мы сунемся чуть ли не прямо на блокпост, от нас как раз и не ожидают...

Елка на миг задумалась, что-то прикидывая.

– Тех, что лезут вверх, мы вряд ли перегоним, но тех, что внизу – можем, – сказала она. – Если ты сумеешь спускаться достаточно быстро. Там впереди такой, типа отрога... ну, короче, склон образует такой бугор, им вокруг него придется, а мы через верх, мы уже выше него. Спустимся еще до того, как они его обогнут...

– Зачем? – перебил Игорь. – Говорю же, нам не надо оказываться впереди их, на ровной местности они нас догонят так же, как и на подъеме.

– Чтобы увести их по ложному следу. Если мы спустимся спиной вперед. Они увидят следы и полезут на холм, а мы в это время уже спокойно уйдем дальше по ручью.

– По-моему, – усмехнулся Игорь, – ты в детстве перечитала ...этого, как его, про индейцев писал который... следопыты там всякие...

– Если у индейцев такие трюки работали, почему у нас не должны?

– Потому что все эти... писатели строчили свои романы, не выходя из кабинета. Никто их них не был на настоящей войне, в лучшем случае слышали чьи-то байки.

– Сам же говорил, чтоб мы из ручья вылезали, не оставляя следов!

– Одно дело – перелезть по дереву пятачок влажной грязи на видном месте, а другое... Бегать по склонам спиной вперед я точно не собираюсь, не в нынешнем состоянии. Так что, если ты не знаешь какого-нибудь тайного лаза на ту сторону холма, мы пойдем, как я сказал – не вверх и не вниз, а вдоль склона на одном уровне, чтобы обойти блокпост поверху.

Он ожидал, что она станет ерепениться и настаивать на своей "гениальной военной хитрости", но Елка лишь мрачно буркнула: "Ладно, пошли".

Идти по наклонной поверхности – последнее, чего может желать человек с растяжением лодыжки, так что Игорю вновь приходилось ковылять, опираясь на Елку – но та не жаловалась и, казалось, так и рвалась вперед, хоть он и объяснил ей, что им нет нужды соревноваться в скорости с противником. В конце концов, однако, она остановилась, переводя дыхание, и решительно сняла его руки со своего плеча. "Хорошо, передохнем", – кивнул Игорь, морщась от боли в ноге, и достал из кармана свою бутылку с водой. Елка тоже сделала несколько глотков из своих припасов, а затем сказала:

– Вот он под нами, этот отрог, видишь? Ты тут посиди пока, а все-таки вниз сбегаю одна налегке.

– Да брось ты эту идею со следами, – поморщился он. – Только привлечешь к нам лишнее внимание. Сейчас они вообще не знают, в какую сторону мы ушли.

– Не буду привлекать. Просто хочу взглянуть на них поближе. Нам же важно знать, сколько их и как вооружены?

– Такими же "калашами", как еще, – он кивнул на ее оружие. – Брось, попадешься. А если ты удумала перестрелять их из засады, выкинь это из головы. Не факт, что хоть в одного попадешь, а нам только пальбы не хватало, на которую все сбегутся.

– Не попадусь, – помотала головой Елка. – И стрелять не буду. Просто посмотрю тихонько.

– Они профи, девочка, а не грибники на прогулке. И не быдло ополченское. По крайней мере, я так думаю.

– Вот я хочу не "думать", а знать. А может, там и вовсе никого нет. Может, это и правда олень был. Ладно, ты отдыхай, а я пошла. Не волнуйся, я аккуратно.

– Аккуратная нашлась! – рассердился Игорь. – До тебя что, до сих пор не дошло, с кем ты имеешь дело? Тебя уже целым отрядом оттрахали – мало? Еще хочешь?

Это было явно лишнее. Лицо Елки мигом окаменело, а кулаки сжались.

– Если ты еще хоть раз скажешь подобное... – процедила она.

– Ладно, извини, – буркнул он. – Это я без курева злой. И без жрачки тоже. Но я правда не хочу, чтоб ты лезла на рожон без необходимости.

– Уже полезла, когда с тобой связалась, – криво усмехнулась она.

– Вот раз уж связалась – я не хочу остаться без проводника. А если они тебя поймают, еще и заставят рассказать про меня.

– Так бы сразу и говорил, что за свою шкуру беспокоишься. А не строил из себя заботливого папашу.

– Ну если ты веришь только в такие мотивы, пусть будет так.

– Было, знаешь ли, кому научить, во что верить, – она поправила автомат на плече и шагнула назад, словно опасаясь, что он может схватить ее за руку и удержать силой. – Ладно, мы спорим дольше. Мы договорились, что ты делаешь то, что говорю я – забыл уже? Жди здесь, – она развернулась и быстро пошла вниз (нормальным образом, а не спиной вперед).

– Елка! – окликнул Игорь.

– Ну что еще? – она обернулась, недовольно глядя на него с расстояния в пару метров.

– Хотя бы одно можешь мне обещать? Если вдруг увидишь в том отряде Дракулу – все равно не стреляй. Даже если попадешь, с остальными тебе не справиться. Погубишь нас обоих. Оно того не стоит. С ним позже разберутся... кто надо.

– Об этом можешь не беспокоиться, – нехорошо улыбнулась девушка. – Смерть от пули была бы для него слишком легкой участью.

Фигурка в камуфляже быстро затерялась между деревьями. Игорь неуклюже плюхнулся задом на сырую холодную землю. (Чертовски много привычных вещей делаешь неуклюже, когда у тебя болят лодыжка и ребра, а на запястьях наручники. Подтирать задницу, к примеру, тоже будет неудобно – впрочем, пока такой необходимости не было, по причине отсутствия еды.) Здесь, в старом лесу, где летом даже в ясные дни солнце почти не пробивалось сквозь кроны, не росло даже нормальной травы, так что земля представляла собой по большей части мокрую бурую грязь, присыпанную черной гниющей листвой этого и прошлого годов, с отдельными вкраплениями пропитанного влагой мха и валявшимися кое-где тонкими обломанными ветками. В некоторых местах из земли выпирали корни, покрытые белесыми пятнами лишайника; такие же пятна виднелись и на шершавой коре деревьев у земли. Здесь, наверное, и летом было не так уж приятно, а теперь от всей этой картины веяло совершенно безнадежным унынием. Нет, конечно, если оборудовать здесь нормальный блиндаж с печкой, то вполне даже можно жить... Но у них нет ни блиндажа, ни даже простой туристической палатки. Хреново, если опять придется ночевать под открытым небом. Впрочем, до ночи надо еще дожить...

Что, если Елка все-таки нарвется? Тоже мне, разведчица выискалась, как могла бы сказать она сама... Зря он, конечно, ее отпустил, но что было делать – не пытаться же и в самом деле удержать ее силой! Пока он от нее зависит, она все равно будет делать так, как считает

нужным, это он уже понял. И теперь он каждую секунду ожидал услышать стрельбу внизу... но даже это было бы еще не самое худшее. Хуже, если ее возьмут прежде, чем она успеет воспользоваться оружием. И тогда он ничего не узнает, пока не станет слишком поздно. Пока его спокойно и без шума не окружат прямо здесь. В том, что она расколется, он не сомневался. Помимо паяльника, существует и немало других способов заставить человека заговорить – в том числе и применимых в походно-полевых условиях. А несгибаемые герои бывают только в книжках.

"Оно того не стоит", сказал он ей. Вообще-то это неправда – если бы ей и в самом деле удалось убить Дракулу. Жизнь одного из самых прославленных (неважно, насколько заслуженно) полевых командиров противника в обмен на жизнь никому не известной девчонки – это, на самом деле, очень даже стоящая сделка. С военной, естественно, точки зрения – которая только одна и должна иметь значение для профессионала... "Ну пусть меня судят за то, что я ей это отсоветовал", – усмехнулся про себя Игорь. К тому же у нее бы все равно ничего не вышло – надежность у "калашей" хорошая, но меткость так себе, даже в руках у настоящего солдата. А у девчонки, которая за всю свою жизнь стреляла в лучшем случае из мелкашки в тире, все пули просто уйдут в небо, и все. Правильно он сказал – она бы просто подставила их обоих...

А какова, кстати, его собственная ценность на этих весах? Выше или ниже, чем у Дракулы? Могут ли фидоры, к примеру, пожертвовать даже и Дракулой, чтобы захватить его? Да фактически они уже это сделали, когда весь отряд Дракулы погиб под бомбежкой, выполняя это задание – хотя, конечно, это могло быть и просто совпадение, которые столь часто случаются на войне... Что же все-таки такое он знает – или, по крайней мере, должен знать? И не подобает ли ему, как примерному патриоту, покончить с собой, лишь бы снова не попасть в руки противника? Конечно, только если ситуация станет по-настоящему безнадежной – пистолет у него, во всяком случае, есть... вот только в безнадежной ситуации не всегда успеваешь им воспользоваться. И, кстати, тут не только в патриотизме дело. До сих пор его по-настоящему не пытали, но если он не расскажет того, что им надо... если даже не сможет это вспомнить – во что они, конечно же, не поверят... Тут, впрочем, еще вопрос, какого типа эта информация. Это может быть некая тайна своих, которая не должна достаться фидорам. А может быть, наоборот, тайна фидоров, которую необходимо донести до своих. И во втором случае даже самоубийство не может быть выходом. А у своих, если он так и не вспомнит сам, есть средства получше паяльника. Какие-нибудь современные таблетки, гипноз наконец...

Хотя – если он, допустим, разведчик, укравший фидорский секрет, почему его все-таки не грохнули, когда поймали? Хотели узнать масштабы утечки? Каналы, по которым она произошла? Обменять на кого-то важного из фидоров? Сейчас гадать бессмысленно. Надо исходить из того, что ни плен, ни даже смерть для него – не варианты. Он должен добраться к своим живым.

Чем бы – и кем бы – не пришлось ради этого пожертвовать.

Что-то холодное капнуло ему на щеку. Мелькнула мысль о наглой птице, но ее опровергли следующие капли. Ну вот, только этого не хватало – уж лучше бы птица... Хотя из обложивших все небо низких серых туч рано или поздно должно было политься.

Игорь беспомощно оглянулся по сторонам, заранее зная, что не найдет никакого укрытия. Голые ветви деревьев, на которых не осталось ни листика, совершенно не защищали от дождя. Все же он передвинулся к ближайшему толстому стволу и привалился к нему спиной, подтянув колени к груди. Дождь не был сильным (во всяком случае, пока), но, похоже, грозил зарядить надолго – типичная осенняя мерзость. И ведь даже когда она кончится, погреться и обсушиться будет негде...

Ладно, сказал он себе. Уж лучше здесь, чем под непромокаемой крышей фидорской пыточной тюрьмы.

Время шло. Стрельбы или каких-то иных подозрительных звуков не было, лишь уныло

шуршал дождь, но Елка все не возвращалась. Игорь задумался, сколько времени ему следует ждать ее здесь. Как-то сумбурно все это вышло с ее идеей сходить на разведку – не оговорили ни сроки, ни альтернативные места встречи... впрочем, и не могли оговорить. Часов нет, карты тоже, как и средств связи, местности он не знает. Поэтому идея, например, перебраться в другую точку и оттуда наблюдать, вернется ли Елка одна или... с сопровождающими, тоже не годится – даже если у нее все в порядке, они могут попросту разминуться, вздумай она вернуться другим путем. Им ведь даже громко звать друг друга нельзя... Теоретический крайний срок – до темноты, но это уж слишком крайний. Если она попадется (уже попалась?), то фидоры наверняка заявятся сюда раньше. Не исключен, кстати, даже и вариант, когда враги – если это действительно профи в охоте на людей – не станут хватать и допрашивать девчонку, чтобы избежать шума и не спугнуть основную дичь, а попросту незаметно проследят за ней, когда она будет возвращаться, уверенная, что осталась незамеченной... И не пора ли все-таки уходить, пока еще не поздно? Проклятая погода, время даже по солнцу не определишь... А может, кстати, девчонка просто нашла какое-нибудь укрытие и решила "переждать там дождик" – который, кстати, легко может затянуться на сутки или больше – совершенно не заботясь о том, что человек, который ее тут дожидается – это вовсе не одноклассник, которого можно "продинамить", не придя вовремя на свидание? Что тут, черт побери, все куда серьезнее? Даже после того, что она пережила недавно, до нее, возможно, это все еще не дошло... Семнадцать лет, что она понимает? Даже если она уже усвоила, на что способны враги, он-то – свой, "подождет – не развалится"...

Внезапно Игорь – не увидел, не услышал, но, скорее, что-то почувствовал у себя за спиной. Движение воздуха, запах пота и сырой ткани, изменившийся звук капель – на чем там строится интуиция опытного солдата? Но отреагировать он уже не успел. Холодная рука, протянувшаяся сзади, с силой зажала ему рот и нос, прижимая затылком к коре дерева. Игорь отчаянно дернулся руками к кобуре, понимая, что ему перережут горло или свернут шею раньше, чем он успеет выхватить оружие – хотя, если он все же нужен им живым...

– Шшш, тихо! – услышал он над ухом знакомый насмешливый голос, и маленькая холодная ладонь соскользнула с его лица.

– Они рядом? – прошептал он, тут же сориентировавшись.

– Нет. Все спокойно, – Елка вышла из-за его спины вперед, довольно ухмыляясь. Ее камуфляж был в пятнах свежей грязи – не иначе, где-то ей приходилось залечь или пробираться ползком. – Просто хотела тебе продемонстрировать, что я отвечаю за свои слова и, когда надо, действительно могу подобраться аккуратно.

– Что за идиотские шутки?! – разозлился он. – Вот пальнул бы в тебя сейчас...

– Не пальнул бы, – безапелляционно заявила девушка. – Извини, если напугала, но, надеюсь, в следующий раз ты будешь лучше думать, что говоришь.

– Обидчивая какая, – проворчал он, еле вспомнив, какие его слова, произнесенные несколько часов назад, спровоцировали эту мелкую месть. – Я, вообще-то, извинился.

– Я тоже, – осклабилась Елка.

– И, между прочим, если бы не дождь, ничего бы у тебя не вышло. Его шум заглушает звуки, а мокрые листья не хрустят под ногами.

– Я это учла. В смысле, что дождь. Так ты хочешь препираться или хочешь узнать, что я разведала?

– Ты видела их?

– Да. Их человек восемь – точнее не могу сказать, подбираться ближе было опасно. Дракулу не видела. Хорошо разглядела троих. Экипировка стандартная для десантуры, то есть это не опущенцы местные, тут ты был прав...

– Ты в таких деталях разбираешься?

– Поживи пару лет во фронтовой зоне, и не в таком разбираться будешь. Тут сейчас

любая бабка калибр миномета на слух определяет. Так вот – самое интересное не это. Я почему задержалась – смотрела, куда они дальше пойдут. Так на блокпост они не пошли. Повернули обратно, не доходя. Так что если бы мы, как ты предлагал, позади них топали, то прямо нос к носу бы и встретились.

– Я не имел в виду, что мы должны идти точно по их следам. Просто дать им уйти вперед и ловить нас там, где нас нет.

– Так вот, они идут назад. По крайней мере, эти. Про тех, что полезли на холм, не знаю.

– Интересно, с чего бы, – пробормотал Игорь. – Впечатление, что они не хотели светиться на блоке – но с чего бы вдруг, если опущенцы на их стороне?

– Они мне не докладывали, – с усмешкой пожала плечами Елка. – Вообще настоящие фидоры опущенцам не доверяют. Предателей никто не ценит, шлак он и есть шлак. Может, тут какие-то тайны, которые местным знать не положено – но это тебе лучше знать, когда вспомнишь, конечно... Но это, конечно, не значит, что тебе стоит опущенцам в руки попадать. Фидорам ты зачем-то живой нужен, а эти грохнут просто ради развлечения.

– Угу, – согласился Игорь, – но если они по блокпостам ориентировку на меня не разослали, то это несколько облегчает ситуацию. Хотя скорее все же разослали, или разошлют еще, когда поймут, что не взяли по горячим следам. Уже как минимум чтоб случайно не грохнули... Ну ладно, если эти развернулись – хорошо, но мы ведь назад к городу не пойдем?

– Нечего нам там делать, – подтвердила Елка. – Уходить надо тут, через лес и горы. На открытой местности нам без шансов.

– Значит, план прежний – обойдем блок поверху, – он поднялся.

– Погоди, – буркнула Елка. – Это ты тут прохлаждался, а я вверх-вниз по горам... малость передохнуть надо.

– Да, конечно, – смутился Игорь. В самом деле, она ведь не машина – тем более, третий день без еды...

Он снова сел на землю, прислонившись спиной к дереву. Елка сделала то же самое с другой стороны ствола – ну да, оптимальная позиция, обеспечивающая им обзор на 360 градусов...

– Автомат опусти так, чтоб вода в ствол не натекала, – посоветовал он ей.

– Да уж догадалась... – буркнула девушка. – Чертов дождь, вот ведь некстати.

– Бывают вещи и похуже дождя, – заметил Игорь.

– Ну да. "Град", например, – невесело скаламбурила она.

– Не только. Снег.

– Да уж лучше снег, он хотя бы под одежду не заливается, – проворчала Елка.

– Зато на нем следы остаются нагляднее некуда. А когда его много, по нему еще идти тяжело.

– Тоже верно. Не лучшее мы выбрали время, чтобы бегать от врагов, – насмешливо констатировала она. – Хотя – когда вообще лучшее время для войны? Летом в жару в полной выкладке тоже кайфа мало... уж ты-то знаешь.

– Солдатам приходится думать не о комфорте.

– Уж лучше бы люди больше думали о комфорте. Тогда бы им не пришла в голову такая глупость, как воевать!

– Когда враг нападает на твою землю, выбирать не приходится. Ты ведь сама не жалуешь тех, кто под фидоров прогнулся.

– Так я о том и говорю, что враг – дурак. Мало того, что сволочь, так еще и дурак, который себе же хуже делает. Что, фидорам земли, что ли, мало? Знаешь такую страну – Бангладеш? 170 миллионов человек. Территория – пятачок крохотный, едва на карте найдешь. И ничего, не бухтят. А у фидоров сколько на каждого?! Отпустили бы нас с миром, и всем было бы хорошо. Мы бы с ними даже торговали к взаимной выгоде. Туристический бизнес опять же. Так

ведь нет. Фидорам не надо, чтоб выгодно. Им надо непременно опустить, принудить, унизить. Целая нация насильников, блин. Выродки. Все они выродки, не только такие, как Дракула и те, кто ему приказы отдает. Девяносто шесть процентов их эту войну поддержало, по опросам. Девяносто, блин, шесть процентов.

Елка помолчала, словно ожидая, не станет ли Игорь возражать, но, не дождавшись ответа, продолжила: – И что в итоге? Их поганая Федерация разваливается на куски. Они-то думали – если нас задавят, то всех напугают, и от них уже никто бежать не осмелится. Ну и добились своего – напугали, да! Так, что все от них рванули в ужасе. НАТО им не нравилось? Вот будет им теперь НАТО со всех сторон. Величия долбаного хотели, понтов на мировой арене? Вот их теперь обложили санкциями, презирают и клянут во всем мире, и еще будут судить за преступления против человечества, можешь не сомневаться. А что нас они не хотели отпускать, так не просто потеряли, а теперь мы их враги навсегда. Навсегда, понимаешь? Никогда уже между нами не то что дружбы-братства, а и мира уже не будет. То есть какие-то формальные бумажки, конечно, подпишут – после того, как мы вышибем их со всех наших земель, и им придется признать нашу независимость. Но как по-твоему – я когда-нибудь прощу им то, что со мной сделали? А сколько теперь таких же, как я – и сколько еще будет, пока мы их не разобьем? И с нашим поколением это не кончится. Мы и каждое следующее учить будем – никогда, никогда, никогда не прощайте этих тварей, не верьте им, не заключайте с ними никаких договоров, не покупайте у них даже спичечного коробка! Разве только для того, чтобы их же поджечь. И не мочитесь на них, когда они будут гореть.

– Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, – произнес Игорь, – но все когда-нибудь слабеет, даже ненависть.

– Если моя ненависть когда-нибудь ослабеет, мне достаточно будет просто взглянуть на собственную грудь. Хотя не думаю, что мне это понадобится. У меня хорошая память. Лучше, чем хотелось бы некоторым.

– А вот я, как видно, забыл всех, кому мне следовало бы мстить, – невесело усмехнулся Игорь. – И не уверен, что хочу их вспоминать.

– Могу подсказать, – откликнулась Елка. – Любой фидор. Конкретные фамилии не важны.

– Вот и им, небось, про нас то же самое говорят.

– Не мы начали эту войну.

– А им говорят, что мы. Мы же отделились.

– Не мы начали убивать! Не прикидывайся идиотом, который этого не понимает. Ты на чьей стороне вообще?

– На нашей, – вновь усмехнулся он. – Просто я солдат, а не проповедник. Для того чтобы убивать врага, мне не требуется верить, что он – Абсолютное Зло. Мне вполне достаточно, что он враг.

– Значит, пойдешь убивать, кого прикажут? Не задумываясь, за правое дело или нет?

– Что для одного правое, для другого, стоящего напротив – левое, – скаламбурил Игорь. – Не бывает Абсолютного Добра и единой справедливости для всех. Надо просто выбрать свою сторону и служить ей. А проблемы другой стороны – это уже не твои проблемы.

– Очаровательная позиция, – хмыкнула Елка.

– Ее плюс хотя бы в том, что она абсолютно устойчива к пропаганде, – констатировал он. – Враги могут пускать в ход какие угодно аргументы, доказывая, что правы они, а не мы. А мне попросту нет до этого дела. Я убиваю врагов не потому, что они не правы, а потому, что они враги. Потому, что они не на нашей стороне. Вот и вся логика и мораль. А если каждый раз задумываться, что противника, в которого я стреляю, дома ждут жена и дети – войну не выиграешь. Точнее – если горевать из-за этого.

– Ты только что сказал, что хотел бы не помнить тех, кому должен отомстить. Значит, ты

не такая бесчувственная машина?

– Да, личные чувства накапливаются у всех, кто воюет, но, на самом деле, хорошему солдату они только мешают. С каким бы знаком они ни были – хоть жалость, хоть ненависть... Война – это работа, и лучше всего ее делает тот, кто работает спокойно, как на учениях. Как при стрельбе по мишеням. Разве к мишеням испытываешь какие-то чувства? Никаких, кроме желания поразить их. Но это не ненависть – это просто желание поразить мишень.

– Я... мне доводилось общаться с нашими добровольцами, – откликнулась Елка. – Они рассуждают совсем по-другому. Они борцы за свободу, а не хладнокровные убийцы!

– Не понимаю, почему одно должно исключать другое, – пожал плечами Игорь. – А молодая горячность – это да, это дело известное. Но такие, к сожалению, обычно погибают в первых же боях.

Какое-то время они сидели молча. Дождь то слегка ослабевал, то возобновлялся с прежней силой. Холодные капли стучали по голове, противно стекали за шиворот, добирались до кожи сквозь прорехи в одежде.

– Надо идти, пока не стемнело, – сказал в конце концов Игорь.

– Не думаешь, что в темноте нам будет легче миновать блокпост?

– Думаю, что в темноте нам будет легче нарваться на растяжку.

– Хм, логично, – согласилась Елка. – Думаешь, они там есть?

– Если блок ставили не полные лохи, склоны над ним наверняка заминированы.

– И ты хочешь там идти?!

– Если знать, куда смотреть и на что обращать внимание, пройти можно.

– Ты что – сапер?

– Нет... кажется. Обезвреживать профессионально поставленные мины я не умею – по крайней мере, не помню, чтоб я такое умел. Но там, скорее всего, любительшина, – хотя она-то как раз опасна своей непредсказуемостью, подумал он про себя, но озвучивать это не стал. – Растяжки обычные. Просто под ноги смотреть надо, и все.

– "Скорее всего", говоришь? – с сомнением переспросила Елка. – Может, лучше все-таки через верх, через просеку? Ночью если...

– А кто тебе сказал, что там не заминировано? Здесь-то, просто посреди леса, ставить такое смысла нет – во-первых, мало кто ходит, во-вторых, если кто и пойдет, это может оказаться свой с тем же успехом, что и чужой. А на всяких выделяющихся рубежах – очень даже запросто.

– Да уж, утешает. Ну ладно, пошли.

Они вновь зашагали по склону среди деревьев, не поднимаясь и не спускаясь; Игорю по-прежнему приходилось опираться на девушку. Из-за проклятого дождя, вдобавок к прочим его прелестям, месиво из грязи, гнилой листвы и мха под ногами сделалось скользким, и Игорю приходилось идти с особой осторожностью, чтобы не подвернуть заново уже поврежденную – или, напротив, здоровую – ногу. Елка тоже шагала уже без прежней бодрости и несколько раз спотыкалась в своих чересчур больших ботинках. Один раз, перебираясь через бегущий вниз по склону мутный ручеек, они чуть не грохнулись оба, но все же совместными усилиями сумели устоять на ногах, хотя у Игоря перехватило дыхание от резкой боли в сломанных ребрах. Три километра пути, казалось, растягиваются на все десять. В лесу, похоже, уже начинало темнеть, и Игорь со злостью подумал, что ошибся в расчетах – надо было тронуться в путь раньше. Но склон все заметнее заворачивал влево, одновременно становясь круче, и впереди между деревьями замаячил широкий просвет.

– Почти пришли, – подтвердила Елка. – Постой тут, я гляну, как там впереди.

– Про растяжки не забывай, – напомнил Игорь, снимая руки с ее плеча. – Под ноги внимательно смотри. И вообще, любой бугорок или взрыхленная земля...

– Знаю, – коротко буркнула девушка и осторожными, практически беззвучными шагами двинулась вперед.

На границе открытого пространства она пригнулась, затем и вовсе легла на землю и проползла еще пару метров. Некоторое время она лежала, очевидно, разглядывая блокпост внизу. Затем чуть отползла назад и дважды махнула Игорю широким загребающим движением – "давай сюда".

Стараясь двигаться столь же аккуратно (насколько позволяла его нога), он подобрался к ней и опустился на землю рядом, упираясь в грязь локтями и морщась от боли в ребрах.

Отсюда открывался вид на "торец" холма – то место, где его поверхность круто заворачивала на обратную сторону. Крутизна склона здесь действительно сильно возрастала, и грунт, регулярно смываемый дождями, плохо держался, во многих местах обнажая темно-серую каменную основу. Очевидно, поэтому здесь не росли деревья – лишь трава, ныне совершенно пожухлая, и невысокие кустики отдельными группами (кажется, шиповник, или, во всяком случае, что-то колючее, определил Игорь, приглядываясь к ближайшим таким кустам). Три-четыре упрямых деревца все же тянули вверх свои пока еще тонкие стволы, но их дальнейшую судьбу можно было понять, взглянув вниз, где валялся корнями вверх более крупный ствол, упираясь переломанной верхушкой в верхнюю часть бетонной облицовки, одевшей нижнюю, практически отвесную часть холма над дорогой (вполне вероятно – срытую искусственно); высота этой стены была около шести метров. Дорога, узкое шоссе (одна полоса в каждую сторону), протискивалась между этим холмом и соседним, выглядевшим почти как зеркальное отражение своего собрата. В самом узком месте между холмами левая, ближняя к беглецам обочина была бетонирована до самой стены, а там, где бетон кончался вертикальным срезом, перпендикулярным дороге, из широкой трубы в этом срезе с шумом изливалась вода, давая начало (или, возможно, продолжение) уже знакомому ручью. Обычно, вероятно, поток лишь струился по дну трубы, но сейчас из-за дождя хлестал сильнее, образуя буруны грязной пены. Игорь с неудовольствием подумал, что именно эту воду они пили и еще, очевидно, будут пить.

Блокпост был оборудован именно на этой бетонной площадке, где, вероятно, раньше располагался пост дорожной полиции или еще какое-то одноэтажное сооружение. Ныне оно было обложено мешками с песком и огорожено бетонными блоками, протянувшимися поперек дороги с обеих сторон и справа доходивших до разделительной линии, так что доступной для проезда оставалась лишь одна полоса. Но и эту полосу, в свою очередь, перегораживал самодельный шлагбаум с противовесом из автобусного колеса, опутанный колючей проволокой. На крыше постройки ближе к дороге размещалась деревянная будка под обшитой железом кровлей, также обложенная мешками; оттуда выглядывал ствол крупнокалиберного пулемета, направленный на дорогу. Патрульных видно не было – очевидно, непогода загнала их в помещение. Сидит ли кто-то за пулеметом, в таком ракурсе тоже было не разглядеть.

– Ну так, – оценил фортификацию Игорь, – на три с плюсом, мирняк на легковушках пугать. А я бы их, к примеру, через эту самую трубу подорвал, если бы было чем – или сверху ПТУРСом жахнуть, крыша там явно хилая, а пулеметная точка вообще смех один... Но понаблюдать все же надо. Хорошо бы проехал кто-нибудь...

Но мокрая дорога оставалась пуста в оба конца, насколько хватало глаз – что, впрочем, в разоренном войной краю ничуть не удивляло. Игорь принялся внимательно изучать склон, насколько позволяли тусклый уже свет и пелена дождя. Было ясно, что снизу склон просматривается и простреливается весь, без мертвых зон, если не считать отдельных кустиков, которые могли прикрыть от взгляда, но, конечно, не от пули и до которых надо было еще добраться. Впрочем, сам бы он минировал в первую очередь именно подходы к таким кустикам...

– Х-холодно как, блин, – тихо пожаловалась Елка, дыша на сжатые в кулаки пальцы. – Или это мне с голодухи кажется?

– Нет, – понял Игорь, глядя на пар из ее и своего рта, – действительно температура падает. Вот черт, только этого не хватало. Значит, нельзя больше медлить.

– Я могу потерпеть холод, если надо.

– Да при чем тут ты! Сейчас весь этот дождь начнет превращаться в снег! И тогда и мы растяжек не увидим, и нас на белом фоне будет видно отлично.

Действительно, их камуфляж хорошо подходил для осеннего леса, но никак не для заснеженного открытого пространства. И словно в подтверждение слов Игоря на его мокрый рукав приземлилась первая снежинка – тут же, впрочем, растаявшая, но это только начало...

– Значит, план такой, – решительно произнес он. – Кусты видишь? Так вот туда мы не идем. Именно потому, что такой маршрут напрашивается. Видишь проволоку? Вон там, травой прикрыта, но трава уже вся полегла... (Елка проследила за его пальцем, указывавшим на подножие ближайшего куста, и кивнула.) Так вот она там не одна такая. А нам надо пробираться по скальным обнажениям. Вон туда, выше, потом так, так и так. Там склон круче, и весь путь как на ладони, зато в голый камень мину особо не закопаешь. Хотя смотреть внимательно все равно надо.

– Стоит им там внизу голову задрать... – усомнилась Елка.

– Да, – согласился Игорь. – Если они там сейчас не пьют водку, не едят и не играют в карты, кто-то из них может сидеть перед окном, выходящим сюда, и пялиться вверх на склон. Но это скучное занятие, а от сидения в такой позе быстро затечет шея. Так что, скорее всего, они смотрят в основном на дорогу, а сюда если и бросают взгляды, то мельком. При этом окно все в каплях дождя, в бинокль через такое хрен что увидишь, а невооруженным глазом далековато будет детали разглядывать. Плюс у нас все-таки камуфляж. Главное – не поддаваться искушению проскочить поскорее. Движение – первое, что привлекает внимание. Поэтому – короткими переползаниями. Метр проползла – замерла. Потом следующий метр. И даже если стрелять начнут – не вздумай вскакивать и бежать. С такого расстояния, да еще под непривычным углом вверх, они все равно не попадут, тут снайпер нужен, а не гопота с калашами... Плохо будет не то, что стреляют, а то, что нас вообще обнаружили. А побежишь – как раз на мину или растяжку напорешься. Ползем по одному, так незаметнее, хоть и займет больше времени. Я первый, а ты смотри и запоминай маршрут. Поползешь точно след в след. Но не раньше, чем я доберусь до того края. Чтоб тебе не оказаться на виду, если что. В этом случае сразу уходи назад, конечно же.

Готовность идти первым не была чистым благородством. У него больше шансов вовремя заметить ловушки, чем у нее. А если бы, допустим, первой поползла она и подорвалась, совсем не факт, что ему удалось бы благополучно скрыться, когда опущенцы с блокпоста поднимут переполох и запросят подкрепление. Хотя, конечно, совсем не обязательно они это сделают – ну, найдут на склоне труп какой-то девки, но это еще не значит, что где-то рядом находится особо разыскиваемый беглец, о котором им могли даже не сообщить из-за идиотской секретности и плохого взаимодействия... может, они даже вообще поленятся в такую погоду и время суток лезть на кручу и проверять, кто там подорвался – все равно, мол, он уже мертв, пусть до завтра валяется... Но, так или иначе, Игорь принял решение – он пойдет первым независимо от того, увеличивает это или уменьшает риск для него лично.

Стараясь поменьше травмировать ребра справа, он выполз из-под деревьев на открытое пространство и развернулся ногами вниз, неуклюже перебираясь на кручу. Крутизна была такой, что ему предстояло ползти боком, по-крабьи, дабы сохранять устойчивость и не покатиться вниз – но со скованными запястьями и свободными локтями так было даже удобнее. Да и снизу, пожалуй, он в таком ракурсе еще менее заметен.

Однако "удобнее" еще совсем не значит "удобно". Он полз, оскользаясь на мокрой жухлой траве и холодной грязи и то и дело застывая неподвижно (раз-два-три – замри, раз-два-три – замри...), пока сочившаяся по склону ледяная вода заставляла коченеть его пальцы, затекала в рукава и продранные штанины. Но еще хуже было то, что в потоках дождя возникало все больше белых точек. Это были даже не мягкие снежинки, а мелкие шарики ледяной крупы,

колким холодом жалившие его лицо и руки, скакавшие и катившиеся по траве и камням.

Первую растяжку он заметил на полпути к скальному обнажению. Проволока была натянута в траве под таким углом, чтобы о нее с равным успехом зацепился пробирающийся по склону как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Игорь осторожно обполз ее снизу, хотя сверху было бы ближе – но в этом случае достаточно было поскользнуться на склоне, и... Поскольку он не мог сделать жест одной рукой, указывая Елке на опасность, ему пришлось лечь лицом в мокрую ледяную траву и несколько раз махнуть обеими руками над головой, тыча указательными пальцами в сторону проволоки. Он надеялся, что в сгущающемся сумраке девушка разглядела и поняла его жест.

Затем он пополз дальше, снова поднимаясь вверх, к скале – и тут фазовый переход, которого он опасался, свершился окончательно. В считаные секунды вся масса лившего с неба дождя превратилась в белую крупу. Игорь, вопреки собственным наставлениям, невольно ускорился, перебирая локтями и коленями так быстро, как мог – и, когда он уже почти добрался до камня, его нога вдруг соскользнула, другая тоже потеряла опору, и он, оставляя скрюченными пальцами борозды в земле, съехал почти на метр вниз.

И увидел в считаных сантиметрах от своего лица промоину, а в ней – грязно-зеленый бок противопехотной мины.

Если бы он не поскользнулся, то через секунду надавил бы на нее коленом. Да и сейчас мог бы нажать локтем – если бы дождь не размыл грунт, куда она была закопана вполне профессионально.

Он замер неподвижно, перестав даже дышать. Не потому, что был шокирован – на войне осознание, что ты только что чудом избежал смерти, не является таким уж уникальным переживанием. К этому привыкаешь относиться просто как к факту – избежал, вот и ладушки, поехали дальше. Просто необходимо было убедиться, что он действительно избежал опасности и не потревожит никакой усик или проволоку, способную активировать взрыватель на расстоянии. Бывает и так, что рядом с одной миной ставят вторую в качестве сюрприза для пытающегося обезвредить первую сапера.

Но, кажется, на этот раз ему действительно повезло. Очень медленно и осторожно он отполз назад, а потом вновь старательно просигналил Елке – вокруг мины. Он старался осматривать каждый клочок почвы, куда собирался перенести вес, но снежная крупа уже засыпала землю, и он понимал, что во многом полагается на удачу. И все-таки наконец он выполз с грунта на твердую и шершавую поверхность скалы.

Твердую, шершавую, холодную, мокрую и скользкую. Дождевая вода на глазах превращалась в наледь, пока еще тонкую и сразу таявшую даже под его закоченевшими руками. Но что будет, пока он доберется до противоположного края... а главное – каково потом придется Елке... Может, и впрямь лучше было перебираться через гребень холма? Но теперь он практически не сомневался, что просека тоже заминирована, и заминирована основательно – просто "смотреть под ноги" не поможет. Может даже, преследователи повернули назад потому, что были уверены – здесь беглецам не прорваться. Хотя – он ведь вроде нужен им живой, а не подорвавшийся? Ну а что им, с другой стороны, делать – в мегафоны, что ли, кричать "сдавайся, там мины"? А может, он и сам должен был знать об этих минах, если бы не потерял память...

Ладно, сейчас ему остается только продолжать ползти. И надеяться, что по этим камням ему удастся добраться до леса на другой стороне холма. Ему, а за ним и Елке.

В сухую погоду держаться на каменном склоне было бы нетрудно. Теперь же ему приходилось нашаривать ногами неровности и вцепляться пальцами в каждую трещину. Скоро его пальцы были ободраны до крови, но из-за холода он не чувствовал боли. К тому моменту, когда он все-таки добрался до противоположного края первого скального участка, мышцы предплечий ныли, как после комплекса упражнений на перекладине. А ведь предстояло преодолеть еще два таких участка – если только он не подорвется на полосках мягкой земли

между ними... Справится ли девушка? Она, конечно, весит меньше, ей должно быть легче держаться на скользкой поверхности, но ведь и силы у нее меньше. Может, подать ей знак, чтобы бросила эту затею и возвращалась? Он повернул голову назад. Отсюда он хорошо видел ее фигурку, застывшую в ожидании на краю леса, но уже не мог различить черт лица. Если он станет махать ей руками – мол, иди обратно – она, пожалуй, даже и не поймет, что он имеет в виду, расценит это, как указание на очередную мину. Или... сделает вид, что не поняла. Насколько он успел ее узнать – вот это скорее всего.

Он сполз с каменной поверхности на грунт и тут же оказался локтями и коленями в ледяном ручье, промывшем себе дорогу в мягкой почве между каменными выступами. Поспешно перебравшись через него, Игорь растянулся на более сухой земле (весьма, впрочем, относительно сухой и уже заметаемой снегом), давая отдых мышцам. И тут вдруг снизу донеслось тарахтение; он на миг напрягся и тут же сообразил – ну да, электричества нет во всем районе, на блоке запустили дизель. Посмотрев вниз, он и в самом деле увидел свет в окнах блокпоста. Это хорошо – при взгляде из освещенного помещения на темнеющую улицу, да еще сквозь пелену снегопада, они точно не разглядят ничего, кроме собственных отражений в стекле. Естественно, нормальную караульную службу так не несут, часовой должен торчать снаружи в любую погоду, внимательно осматривая окрестности, а не прятаться в теплом помещении – но что взять с опущенцев, думают, что поставили мины и больше беспокоиться не о чем...

Но мины – это все-таки проблема. Надо было все-таки выйти на полчаса раньше! А теперь, под этим снегом и при этом освещении, путь, как он и опасался, превращается в русскую рулетку. До следующей скальной поверхности всего-то метра четыре, но совсем не факт, что он доберется туда одним куском. Надежда только на то, что они не утыкали минами и растяжками весь склон, который все-таки слишком большой. Скорее всего, взрывные устройства ставили только по периметру. Тогда одну границу он благополучно миновал, и беспокоиться надо будет только при пересечении второй, ближе к лесу с той стороны...

Он несколько раз сжал и разжал пальцы, подышал на них, стараясь вернуть им чувствительность, а затем пополз дальше.

Ему удалось благополучно добраться до очередного выхода скалы. Что ж, пока его расчет оправдывался. Но теперь вновь предстояло карабкаться по скользкому камню, и здесь крутизна была такой, что он уже не мог передвигаться на локтях и коленях – приходилось распластываться на камне плашмя, игнорируя боль в ребрах и всякий раз дожидаясь, пока лед растает под пальцами, прежде чем перенести на них вес тела. Находить надёжную опору для ног было сложнее, но совершенно необходимо – будь его запястья свободны, он бы еще мог преодолевать некоторые участки, держась на одних руках... Если он сорвется, то, конечно, не скатится вниз до самого блокпоста. Всего лишь съедет на пузе до более пологого участка, покрытого землей. Но как раз в этой-то земле запросто может быть закопана мина.

Сместившись вправо в очередной раз, он понял, что никак не может нашарить точку опоры для правой ноги на гладкой каменной плите. Присмотревшись, он увидел правее и выше сеть косых трещин, еще не заметенных снегом, и полез туда. Ему пришлось растянуться враскоряку, чтобы дотянуться туда ("еще немного, и сяду на шпагат", подумал он про себя), но, когда он уперся наконец ногой в край трещины и стал переносить туда вес, перебрасывая руки в новую позицию, каменный край обломался под его ботинком, и Игорь, обдирая уже порванные штаны и кожу под ними, заскользил вниз, тщетно пытаясь уцепиться за обледенелую скалу. Вместе с ним вниз с шорохом посыпался целый град мелких камней, и Игорь успел подумать: "Хорош же я буду, если они там внизу заденут какую-нибудь проволоку!" В следующую секунду резкая боль рванула его за запястья – цепь наручников зацепилась за почти незаметный каменный выступ, остановив дальнейшее падение. Игорь замер, ожидая, что сейчас выкрошится и этот камень или что снизу долбанет взрыв. Но не произошло ни того, ни другого.

Переведя дыхание, он посмотрел вниз, туда, куда сошла вызванная им минилавина. Что

ж, кажется, прямо под скалой взрывающихся сюрпризов нет. А значит, он может сползти туда и спокойно продвигаться дальше, упираясь ботинками в землю, а не корячиться в лягушачьей позе на голой каменной плите. Хотя вес упавших камней меньше веса человека, так что полной гарантии нет...

Все же ему повезло и на этот раз. Он благополучно добрался до третьего каменного обнажения. Отдыхая, он разглядывал высившуюся над ним кручу. Можно и теперь выбрать легкий (хотя и более длинный) путь и двинуться понизу, в надежде на то, что склон минировали даже не по периметру, а в одну линию сверху вниз – ведь всякий, пытающийся обойти блокпост, все равно должен был бы пересечь эту линию, не так ли? И он уже это сделал, что, впрочем, было наглядным ответом на вопрос, почему одной линии мало. Всегда найдется профи или везунчик, который благополучно минует или перешагнет мины – но, может быть, ему не столь повезет во второй раз... Так что надежнее лезть туда, где поставить мину просто негде – даже если это обледенелая круча, откуда запросто можно сверзиться.

И он полез. Полез, карабкаясь под углом к правой верхней части скалы, где в трещине угнездилось молодое деревце. Высоты в нем было метра четыре, но Игорь надеялся, что его ствол достаточно прочен, чтобы послужить мостом через последний опасный земляной участок.

Эта каменная поверхность оказалась самой трудной – то ли потому, что была круче предыдущих, то ли потому, что он уже почти выбился из сил, а его пальцы превратились в какие-то ободранные замороженные крючки. Он полз, стараясь не обращать внимания на боль в руках, мышцах и избитом теле, оскользаясь и вцепляясь в ледяную скалу чуть ли не зубами, а сверху сыпал и сыпал снег, рождая у него ощущение, что массы этих снежинок достаточно, чтобы скинуть его вниз. Он не смотрел вниз, но чувствовал, что забрался уже на такую кручу, падение откуда окончится плохо, даже если внизу нет взрывных устройств. Как водится, реализация оказалась сложнее плана – впрочем, если бы температура не упала ниже нуля, проползти по этим скалам и впрямь было бы заметно легче...

И все-таки ему удалось добраться до дерева. Минуту он отдыхал, вцепившись обеими руками в основание гладкого, тоже успевшего уже покрыться наледью ствола, затем втащил себя выше и, наконец, поднялся в полный рост, держась за тонкий ствол. Хватит ли теперь сил наклонить его вправо, туда, где склон заворачивал, вновь переходя из крутой "торцевой" в более пологую заднюю сторону холма? Игорь навалился на деревце (без особого успеха – на высоте человеческого роста ствол был еще слишком крепким, чтобы гнуться или ломаться), затем несколько раз толкнулся вперед всей массой, как делал бы, пытаясь высадить дверь плечом. Ствол скрипел и качался, взмахивая тонкими ветками, с которых сыпался снег. Затем раздался треск, и один из корней вырвался из каменной щели у него под ногами; вниз по склону посыпались мелкие камешки вперемешку с землей, а ствол рывком накренился именно так, как хотелось Игорю. Теперь, перехватывая ствол скованными руками, он добрался до самого края скалы, заставляя дерево клониться все ниже; наконец, когда опоры для ног уже не оставалось, Игорь рывком забросил ноги на дерево, обхватив ствол крест-накрест, как при переправе над рекой по натянутому канату. Дерево вновь заскрипело, сгибаясь и проседая еще ниже. Перебирая руками (насколько позволяла цепь) и ногами и отворачивая голову от лезущих в лицо веток (впрочем, тонких и гибких, а потому не сильно мешавших лезть все выше), он добрался практически до верхушки; теперь ствол согнулся так, что мужчина повис почти горизонтально. Прямо под ним была присыпанная снегом широкая полоса земли между скалой и каменистым гребнем, уходившим вниз и вперед, над которым уже высились деревья нормального леса.

Эта полоса Игорю не нравилась. Особенно некая прямая линия, угадывавшаяся под снегом практически прямо под ним. Это могла быть и просто упавшая ветка, присыпанная снегом. А могла быть и проволока. Прыгать прямо на нее, конечно, не обязательно – но может сдетонировать и если спрыгнуть рядом. А главное, здесь мог быть сюрприз, которого он благополучно избежал с другой стороны: одна растяжка ставится на виду, чтобы тот, кто ее

заметит, пошел обходить – и наступил на мину, закопанную рядом.

Длины ствола не хватало, чтобы переправиться через опасный участок. Оставалось только раскачаться и прыгать спиной вперед в надежде долететь до гребня (приземление на который вряд ли будет приятным). Он рывком расцепил ноги, позволяя телу свободно качнуться вниз, а затем сделал несколько махов, набирая амплитуду; дерево гнулось, скрипело и трещало, и последний звук Игорю совсем не нравился, поэтому уже на третьем махе он разжал руки, уже в воздухе вскидывая левую ногу, чтобы не приземлиться на травмированную лодыжку. Если бы не эта необходимость, он бы, возможно устоял на ногах – но, конечно, не смог удержаться на одной и сразу же после удара в подошву ботинка грохнулся задом на твердый склон, чувствительно ушибив копчик, а затем завалился на спину, и ребра справа вновь пронзила перехватывающая дыхание боль, от которой на глаза навернулись слезы.

Тем не менее, похоже, он все еще был жив.

Он пролежал на каменистом ребре склона еще несколько секунд, давая боли притихнуть, а перенапряженным мышцам расслабиться (только судороги сейчас и не хватало!), с трудом разогнул непослушные окровавленные пальцы (кажется, он содрал ногти на двух из них) и, наконец, неуклюже, словно старик, поднялся в полный рост, отыскивая взглядом уже едва различимую в сумерках фигурку по ту сторону склона. Нет, девушке не одолеть такой маршрут! Вряд ли она могла приобрести альпинистские навыки на своем хуторе... Тем более что льда и снега за это время стало больше, и скоро станет совсем темно.

Игорь несколько раз размашисто махнул раскрытыми ладонями над головой – назад, прочь, уходи! Но Елка, похоже, истолковала этот знак прямо противоположным образом. Он увидел, как она легла на склон и поползла в его сторону – как он и учил ее, делая частые остановки. Хотя, возможно, в этом уже не было особой нужды – вряд ли эти внизу еще могут что-то разглядеть на склоне... впрочем, это позволяет экономить силы. Затаив дыхание, он смотрел, как она движется там, где он обнаружил растяжку и мину – с такого расстояния он уже не мог сказать, правильно ли она ползет. Но, как видно, девушка хорошо разглядела и запомнила его знаки. До первого скального обнажения она добралась благополучно, но затем что-то пошло не так. Игорь не видел, что именно, но девушка застряла на месте, едва выбравшись на каменную поверхность. "Должно быть, там уже слишком скользко", – подумал он. Особенно, вспомнил он, в ее берцах, которые на несколько размеров больше, чем надо, и болтаются на ноге, как их ни шнуруй! Трудно придумать худшую обувь для лазанья по горам, где нога должна чувствовать каждый маленький выступ и твердо на нем держаться!

Игорь увидел, как девушка сползает со скалы обратно туда, откуда пыталась начать подъем. Должно быть, поняла, что у нее нет шансов. Только бы не попыталась искать более легкий маршрут самостоятельно – сейчас, в сумерках и в снегу, она точно нарвется! Игорь хотел, чтобы она вернулась назад, и в то же время чувствовал досаду. Он останется без проводника (и без автомата), а все, что он знает – что надо идти на юго-запад (без компаса, солнца и звезд). Вот ведь идиот – надо было не тратить время на философские споры о Добре и Зле, а расспросить ее о дальнейшей дороге...

Но Елка снова замешкалась, съежившись у основания скалы. Он не мог различить, что она там делает. Может быть, у нее нервный срыв? Приступ паники? Или даже помутилось сознание от голода и холода? В конце концов, женщины есть женщины, даже в камуфляже и с автоматом...

Однако, пока в голове у него мелькали эти мысли, девушка вновь распрямилась и опять полезла вверх по камням. На сей раз она двигалась куда уверенней – и, похоже, перемещалась по скале ловче и быстрее, чем Игорь до нее. Она уже почти полностью преодолела первую каменную поверхность, прежде чем он не столько разглядел сквозь сумрак и снег, сколько догадался, что именно она сделала: сняла ботинки, подвесила их на шнурках к поясу и теперь лезла вперед, цепляясь за неровности заснеженной и обледенелой скалы пальцами босых ног.

Игорь рефлекторно поежился, представив себе эти ощущения – ему вполне хватало окоченевших рук, которые он никак не мог согреть...

Елка четко следовала его маршрутом – забралась на второй скальный выступ, проползла часть пути по его поверхности, затем спустилась вниз там, где он сам сполз на пузе. Наконец она полезла на последнюю скалу, и Игорь уже прикидывал, сможет ли она перебраться по дереву, как сделал он сам – оно осталось наклоненным, и взобраться на него теперь было совсем просто, но Игорю очень не понравился треск, который он слышал. Конечно, девушка весит меньше ("в полтора раза", как сказала она сама), но выдержит ли уже надломившийся ствол?

И тут нечто – то ли боковое зрение, то ли еле различимый далекий металлический звук, то ли просто интуиция – заставляло его резко перевести взгляд на блокпост, о котором он уже и думать забыл, неотрывно следя за девушкой (непростительная ошибка на вражеской территории!) В тот же миг в пулеметной будке вспыхнул прожектор, и луч косо мазнул вверх по склону, остановившись прямо на скале с распростертой на ней фигуркой.

Игорь тут же рухнул на землю, прячась за гребнем, на котором только что стоял. Луч качнулся в его сторону и прошел над ним, ярко осветив деревья на краю леса, а потом вернулся обратно, словно указующий перст доносчика.

Неужели все-таки заметили? Или это всего лишь неудачное совпадение? Кому-то там стало скучно на дежурстве, и он решил посветить по окрестностям? Возможно, они вообще регулярно делают это в темное время суток? Зажрались они тут, суки – ближе к "передку" никто не стал бы так светить в ночи, напрашиваясь на привет от миномета противника, но эти тут, похоже, считают, что им некого бояться, это их все бояться должны... Впрочем, судя по тому, что луч, пройдясь по склону туда-сюда, остановился на одном месте – не похоже, что это просто рутинная проверка...

"Лежи и не двигайся!" – мысленно твердил Игорь, не рискуя крикнуть вслух даже на таком расстоянии от блокпоста. "Это твой единственный шанс!"

Елка, похоже, поняла это и без его телепатических усилий. Осторожно приподняв голову, Игорь четко увидел ее в луче света – застывшую на ледяном камне, вцепившуюся в него пальцами рук и ног. Но в том же луче сверкали миллионы снежинок, продолжавших сыпаться с неба и укутывать землю сплошным пологом. Немало снега нападало уже и на одежду Елки, припорошив буро-желтые пятна осеннего камуфляжа и вновь делая ее малозаметной на так же припорошенной поверхности скалы. Еще можно было, правда, различить след, оставшийся там, где она ползла, но за то время, что она пережидала перед очередным передвижением ("раз-два-три – замри!"), снег начал укрывать и его. Вблизи ее увидели бы сразу, но с расстояния в пару сотен метров сквозь сплошную снежную пелену... но почему, в таком случае, прожектор продолжает светить именно сюда?

Других признаков тревоги, однако, не было. Никто не стрелял и не бежал снизу. Хотя, возможно, это еще последует. Или наряд на посту вызовет подмогу, которая объявится сверху...

Игорь вдруг подумал, что мог бы уйти прямо сейчас, не дожидаясь, чем все закончится тут. Его-то они точно пока что не заметили...

Прожектор светил. Снег падал. Девушка лежала неподвижно, как мертвая, прижавшись к скале, и Игорь вновь подумал, как ей должно быть холодно. Видят они ее или нет? Если нет, то какого черта им надо?

Затем луч вдруг ушел влево. "Только не двигайся! Он может вернуться!"

Елка не двигалась. Луч медленно прошел по склону, и когда Игорь уже почти поверил, что сейчас он уйдет вниз, на дорогу – снова развернулся обратно. "Да какого же хера?!"

И тут он сообразил. Дерево, то самое, которое помогло ему переправиться. Прежде оно торчало вертикально, теперь – под углом. Гораздо более заметный ориентир на голом склоне, чем заметенная снегом лежащая фигурка.

Само по себе наклонившееся дерево еще ничего не доказывает. Это могло произойти и от

естественных причин – валяющийся внизу ствол не даст соврать. Дождь, потом заморозки, лед расширил трещины в камне... Но в принципе – непорядок, и наряд, несущий службу, должен обращать внимание на любое изменение привычного положения дел. Игорь сам взгрел бы караульного, который стал бы рассуждать о естественных законах физики вместо того, чтобы пойти и проверить. Весь вопрос в том, кто там у них старший и насколько серьезно у него поставлена служба. Понятно, что никому не охота на ночь глядя лезть вверх по скользкой круче (между прочим, заминированной, и в такую погоду вполне можно нарваться на свой же "гостинец"), а у опущенцев ответом на приказ вместо "есть!" запросто может быть "да ты чо, братан..." Возможно, в эту самую минуту они как раз спорят, надо ли все-таки проверить или "хрен с ним".

Луч развернулся и осветил склон противоположного холма, но Елка по-прежнему не двигалась с места, понимая, что это все еще может быть уловкой. И действительно, через пару минут луч резко вернулся, словно надеясь застать нарушителя врасплох. Игорь мысленно похвалил девушку за терпеливость, но сколько может продолжаться эта игра? Что, если они теперь так и буду светить всю ночь?

И тут снизу застучал пулемет.

На голову Игоря упала мелкая ветка, срезанная пулей, затем он услышал, как пули звонко рикошетят от поверхности скалы. "Лежи!!!" – крикнул он уже вслух, не боясь, что внизу услышат его за грохотом выстрелов. Пули выбивали каменные осколки в считаных метрах от распростертой на открытом пространстве девушки, и ей, наверное, было чертовски страшно, но чутьем, которое приходит только с боевым опытом, он чувствовал, что враги по-прежнему не видят ее. Просто лупят вслепую для очистки совести и чтобы "вспугнуть дичь", если таковая все же окажется. Что, конечно, вовсе не исключает вероятности случайного попадания. Пуля, как известно, дура... По тому, как ложились пули, похоже было, что стрелок задался целью окончательно срезать очередью дерево, но не мог попасть даже в него. Наконец пулемет смолк, очевидно, израсходовав боезапас.

Прожектор продолжал гореть, и Игорь ждал новых выстрелов. Но их все не было, и Игорю представился диалог, происходящий сейчас между командиром наряда и стрелком:

"Ну что, попал в кого-нибудь?"

"Да хер там!"

"Ну и хорош переводить патроны, снайпер хренов!"

А затем прожектор погас. Елка, однако, продолжала лежать неподвижно, и Игорь вновь мысленно похвалил ее. Это тоже ловушка, они сейчас включат эту штуку снова...

Но они все не включали, хотя уже совсем стемнело – так, как темнеет зимой, когда из-за белизны снега кажется светлее даже ночью. Ну да, сообразил Игорь, электричество-то от дизеля, а солярка тоже берется не из воздуха, поэтому они не могут себе позволить слишком долго жечь мощный прожектор. Так что на сей раз шоу, по всей видимости, действительно закончилось.

И тут до него дошло, что девушка может не двигаться вовсе не из-за стоического терпения.

В темноте, особенно после яркого света прожектора, он мог лишь смутно различить ее засыпанный снегом силуэт. По его собственным впечатлениям, мертвый или серьезно раненый не удержался бы на этой круче и свалился бы вниз. Но кто знает, может, она там уже примерзла – тем паче что стало, кажется, еще холоднее...

– Елка! – шепотом позвал он.

Никакой реакции.

– Елка! – окликнул он чуть громче. – Ты живая там?

Когда он уже почти уверился, что ответа не будет, девушка вдруг шевельнулась. И поползла вверх, нашаривая голыми руками и босыми ногами опору под снегом.

Через несколько минут она добралась до дерева и встала на колени, уцепившись за ствол.

При нынешнем угле наклона дерева так было удобнее.

– Ты не ранена? – теперь, когда их разделяло всего несколько метров, девушка должна была слышать даже тихий голос.

Она молча покачала головой.

– Внизу, скорее всего, заминировано, – продолжал он. – Видела, как я перебирался? Лезешь по стволу, потом раскачиваешься и прыгаешь. У тебя руки свободны, тебе даже проще будет. Сможешь?

Она все так же молча кивнула.

– Только автомат сначала мне брось, чтоб не упал и по спине не бил. Докинешь?

– А ты поймаешь? – она впервые подала голос.

– Поймаю, – заверил Игорь. – Лучше снизу вверх кидай, так удобнее. И проверь, чтоб на предохранителе стоял.

– Да уж догадаюсь, – буркнула Елка. Держась за накрененный ствол дерева, она добралась до края скалы, встала в полный рост, сняла с плеча "калашников" (Игорь тем временем встал ниже по склону, чтобы не мешали ветки) и, дважды качнув, бросила. Она немного не докинула, но Игорь, наклонившись вперед, поймал автомат обеими руками за ствол уже у земли и тут же положил, готовясь ловить саму Елку.

Девушка полезла на дерево, перебирая руками и ногами (ее берцы действительно болтались, подвешенные на шнурках к ремню). Ствол наклонился еще ниже и вновь угрожающе затрещал.

– Быстрее! – полушепотом крикнул Игорь. – Может сломаться!

Елка разжала ноги и с гимнастической ловкостью во время маха перехватила руки, разворачиваясь лицом к нему. Сочтя, как видно, амплитуду недостаточной, она предпочла качнуться еще раз – и в тот самый момент, когда она готова уже была разжать пальцы, корень, еще удерживавший дерево в скале, не то лопнул, не то выскочил, и ствол рывком повалился вниз. Елка успела выпустить его, но прыжок сорвался, и она полетела на землю явно без шансов достать до безопасного гребня.

Игорь вновь рухнул за гребень еще до того, как ее ноги коснулись земли. Он был не из тех, кто в шоке стоит и смотрит, как гибнет товарищ – такие на войне долго не живут. А живут те, кто понимает – если товарища уже не спасти, надо заботиться о себе. И понимает это не только на уровне медленного разума, но и на уровне быстрых рефлексов.

Но вместо грохота взрыва он услышал лишь насмешливый голос:

– Да не дергайся ты, герой... все в порядке.

Следом появились две руки и ухватились исцарапанными пальцами за гребень. Игорь, хотя и уязвленный ее тоном, поспешно поднялся и ухватил девушку двумя руками за запястье, помогая влезть наверх. Первый же взгляд через ее плечо показал ему, что далеко не все в порядке. Елка благополучно перелетела через растяжку и не наткнулась ни на какой другой "сюрприз", но поваленное дерево все еще держалось на скале каким-то последним корешком, и его ветви нависали прямо над проволокой. А этот корешок, очевидно, постепенно поддавался под тяжестью, поскольку дерево опускалось все ниже...

Не тратя время на объяснения, Игорь изо всех сил рванул девушку за руку, буквально выдернув ее в воздух, а затем рухнул вместе с ней на землю по ту сторону гребня. В падении он еще успел подумать, что сейчас будет больно (защитить ребра не было уже никакой возможности), а также что, если это все же не растяжка, а просто припорошенный прутик, он лишь дает чертовой девчонке еще один повод для насмешек.

И вот тут бахнуло. Даже прежде, чем они успели грохнуться наземь.

Каменистый гребень защитил их от осколков, но они успели ощутить в падении удар преодолевшей препятствие взрывной волны, и в первые секунды не слышали ничего, кроме звона в ушах. Елка, однако, тут же вскочила, оглядываясь по сторонам, подхватила автомат и,

сжимая его в руке, побежала вперед, вглубь леса – все так же босиком по снегу, и берцы лишь раскачивались на шнурках и били ее по бедрам. Вряд ли это было следствие шока, скорее, вполне разумное решение – если бы она снова надела эти слишком большие ботинки, то все время спотыкалась бы на бегу. А вот мчаться так сломя голову было не самым разумным – никто не гарантировал, что мин и растяжек не может быть и здесь, на подходе к склону. Но она не слышала окликов Игоря (да что там – он сам себя не слышал!), и ему ничего не оставалось, как побежать за ней, стараясь попадать след в след.

Уносить ноги поскорее им действительно следовало. Теперь на блокпосту уж точно подняли тревогу, и даже обнаружив, что взрыв вызван всего лишь упавшим деревом, непременно осмотрят все вокруг и найдут их следы. Вопрос только в том, как быстро враги туда доберутся. Может быть, следы уже успеет занести снегом, а может, и нет. И как отрываться от погони в последнем случае – большой вопрос. Но в любом случае лучше как можно больше увеличить дистанцию между собой и противником.

К тому моменту, как слух Игоря восстановился, они уже углубились в лес достаточно, чтобы не опасаться бессмысленных в глуши мин. Елка сперва бежала по склону, держась на одной высоте – как видно, она не хотела спускаться слишком близко к блокпосту – затем стала заворачивать направо, все круче вниз. Наконец они оказались на ровной земле; это была уже не узкая ложбина с ручьем на дне, зажатая между двумя склонами, а заросшая лесом долина, за которой, впрочем, угадывалась в темноте новая гряда холмов или невысоких гор. Наверняка вдоль долины тоже текли какие-нибудь ручьи, но сейчас их видно не было – как не было видно и каких-либо дорог или просек; шоссе осталось далеко позади – сейчас они двигались прочь от него перпендикулярным курсом. Снега здесь нападало уже выше чем по щиколотку. Девушка, наконец, остановилась, повесила автомат на плечо и принялась обуваться. Игорь подошел и встал рядом, переводя дыхание.

– Как твоя нога? – вспомнила она о нем, затягивая шнурки.

Удивительное дело, но о своем растяжении он вспомнил только сейчас. Во время бега он не то чтобы не чувствовал боли, но не обращал на нее внимания.

Зато теперь обратил.

– Бывало и лучше, – поморщился он. – Но бывало и хуже. Еще вчера. Ничего, думаю, смогу идти уже без твоей помощи, тем более по ровному. А ты как, не замерзла?

– А ты как думаешь? – фыркнула она. – У меня хобби такое – загорать под снегом на ледяных скалах? Там на склоне совсем закоченела, честно говоря. Особенно когда лежала и ждала, когда в меня влепят пулю. Но ничего, теперь согрелась.

– Ноги не отморозила? – настаивал Игорь. – Все пальцы чувствуешь?

– Чувствую, чувствую... заботливый выискался... Ладно, пошли.

Они двинулись дальше уже шагом. Снег продолжал валить, и Игорь чувствовал его холодные прикосновения не только лицом и руками, но и сквозь штанины, порванные еще раньше, а после ползанья по скалам превратившиеся практически в лохмотья – зато была надежда, что их следы заметет раньше, чем их обнаружит погоня. Персонал блокпоста не вправе покидать охраняемый объект, значит, весь вопрос в том, как быстро организуют преследование те, кому они доложили... если, конечно, всё вообще не ограничилось традиционным "да хрен с ним!", но на это лучше не закладываться. Еще безусловным плюсом такой погоды была ее полнейшая непригодность для вертолетов. Ни один пилот не рискнет сейчас поднять машину в этой каше не то что для поисков с воздуха (бессмысленных в ночном лесу даже и в лучших метеоусловиях), но даже для высадки десантной группы, которая занялась бы тем же на земле. На открытой местности – да, можно полагаться на приборы даже при близкой к нулю видимости, но в горах это слишком опасно. Так что лучше уж терпеть холод и снег, лезущий во все дыры...

Елка вдруг резко свернула вправо, а затем даже стала забирать назад – хотя вроде бы

никаких непреодолимых препятствий впереди не просматривалось.

– Следы путаешь? – спросил Игорь.

– Нет, – качнула головой она. – То есть, может, и это тоже, но это не главное. Просто там впереди ельник.

– И чем это плохо? – удивился он.

– Это хорошо. Мы там заночуем. Но там мы не найдем еды, а лично меня уже достало спать на голодный желудок.

– А здесь разве найдем? – он недоуменно посмотрел по сторонам, на вздымающиеся в вокруг толстые стволы старых деревьев, покрытые бугристой корой. Кое-где, насколько он мог разглядеть в темноте, она обросла мхом, кое-где вовсе отвалилась, обнажив голую древесину. Наверное, даже днем при солнце выглядел этот лес неприветливо, словно (еще одно забытое воспоминание откуда-то из детства) в сказочных фильмах, где герой-солдат забредает в заколдованную чащу. Какая здесь может быть еда? Даже если здесь растет какая-нибудь брусника, ночью в снегопад ее замучаешься искать и откапывать...

– Старый лес, – ответила Елка, – много больных и мертвых деревьев, – в подтверждение своих слов она похлопала по ближайшему стволу, лишившемуся коры. – Раньше тут боролись с вредителями, но в последние годы, сам понимаешь... Вон погляди, как все личинками источено.

– Надеюсь, ты не личинками нам предлагаешь питаться? – скривился Игорь. – Я еще не настолько оголодал.

– Нет, – усмехнулась она. – Хотя всякие аборигены их едят с удовольствием. Но это в тропиках, там личинки жирные.

– На то они и дикари, – проворчал он.

– Ты креветок, небось, ешь? Чем насекомые хуже? Такие же членистоногие.

– Пауков еще предложи, раз они на крабов похожи, – поморщился Игорь. – Ну ладно, если не эту пакость, то что ты здесь рассчитываешь найти?

– Грибы.

– Какие грибы зимой?!

– Зимние, – лаконично ответила она, продолжая шагать вперед и осматривать стволы по сторонам. – Если где-нибудь заметишь поваленное дерево... ага, кажется, вон там справа!

Игорь посмотрел туда, куда она указывала, и действительно различил вдали за деревьями косую белую полосу – поваленный ствол, уже присыпанный сверху снегом. Они прошли туда, и Елка, прогулявшись в сторону корней, торжествующе ткнула пальцем:

– Вот. Неужели никогда не видел прежде?

В нижней части ствола, почти у самых корней, из-под снега виднелись крупные плоские шляпки грибов (не то бурые, не то рыжие – в темноте было не разобрать), росших на мертвом дереве в несколько ярусов вплотную друг к другу.

– Видел... наверное, – согласился Игорь, – но никогда не думал, что грибы, растущие на деревьях, можно есть, да еще в сыром виде.

– Эти – можно. Зимний опенок, он же зимний гриб, он же фламмулина. Растет на мертвых и больных деревьях, но сам пригоден в пищу. Обычно его, конечно, варят или маринуют, но шляпки можно есть и сырыми. Хотя слишком не налегай – может и понос прохватить с непривычки.

– Фламмулина – это что, по-латыни? – он удивленно взглянул на девушку.

– Да, но в другие языки тоже вошло. Что уставился? Думаешь, если я на хуторе жила, так только коз пасти и умею?

– Вот как раз коз не очень, – не удержался Игорь, – единственную и ту потеряла.

– Зато ты воевать умеешь хорошо, – тут же парировала Елка. – Так, что в плен попал.

– Да не огрызайся ты, я просто пошутил!

– А я с некоторых пор шутки плохо понимаю, – отрезала девушка и выломала шляпку из

середины грибного скопления, где почти не было снега. Несколько секунд пыталась согреть ее между ладонями, потом аккуратно – словно на аристократическом приеме, а не в лесу после нескольких дней без пищи – откусила с краю. "Откусишь с одного края – вырастешь, с другого – уменьшишься", – всплыло в памяти Игоря тоже откуда-то из детства, но откуда именно, он вспомнить не мог – кажется, какой-то мультик...

– Мне с детства всякая живность нравилась, – продолжила Елка нормальным тоном, прожевав. – Бывало, целые дни в лесу проводила, ну и на хуторе у нас тоже... Я вообще-то биологом хотела стать. Книжки всякие читала, в институт готовилась. В этом году бы поступила... если бы не все это дерьмо.

– Поступишь еще, – ободрил ее Игорь. – Война когда-нибудь кончится.

– Да, конечно... не знаю только, когда я теперь смогу нормально думать об учебе и науке. А не о том, как убивать фидорских тварей.

– Не всю же жизнь об этом думать. Тем более – тебе. Для этого мужчины есть.

– А с этими мужчинами делали то же, что со мной?!

– С некоторыми делали и вещи похуже, – серьезно ответил Игорь и поспешно добавил: – Я, конечно, не себя имею в виду.

– Вот то-то и оно, что не себя. За других всегда легко решать... Кстати, напомни мне, мужчина – кто из нас кого вытащил с горящего завода?

– Ладно, ладно, – проворчал он, с сомнением отламывая гриб, но Елку было не унять:

– А кстати, откуда ты знаешь, что с тобой такого не делали? К тебе что – память вернулась?

– Нет пока... но *такое* я бы помнил, – ответил он, почувствовав холод ужаса в животе.

– А вот совсем не факт. Память имеет свойство блокировать травмирующие воспоминания. Это даже книжек читать не надо, это в каждом втором американском триллере разъясняют. Что, если Дракула и тебя трахнул, у фидоров же это любимая тема – рассказывать, как они всех в зад отымеют. Фидоры – они и есть фидоры. Целая нация уголовников... тем более что в армии почти как на зоне – далеко не всегда можно наивную девчонку с улицы прихватить, а боевые товарищи всегда под рукой, так что они там, небось, через одного по этой части доки. Опять же, если им от тебя чего надо, и чтоб ты живой при этом остался, ну там завербовать, к примеру, так лучший способ – снять такое на камеру и угрожать, что все это увидят, если не будешь сотрудничать, все твои знакомые и подчиненные... Ну и вот теперь твое подсознание не дает тебе об этом вспомнить. Поэтому ты память и потерял, а не из-за контузии. Контузия – только предлог.

– Чушь полная! – горячо возразил он, но затем все же со страхом добавил: – Ты ведь не хочешь сказать, что... видела... что-то подобное?

– Ну вообще-то... по правде говоря... – Елка замолчала, глядя на него сочувственно, и некоторое время сосредоточенно жевала, а затем вдруг торжествующе осклабилась:

– Ну и кто из нас теперь шуток не понимает? Видел бы ты свою физиономию! Но согласись, было бы забавно, если бы оказалось, что твоя память скрывает не какие-то там военно-героические секреты стратегического значения, а *вот это*!

– За такие шутки... – процедил Игорь. В этот момент он готов был ее ударить.

– Что? – невинно поинтересовалась она. – Я всего лишь заставила тебя на миг почувствовать себя на моем месте. Совсем чуть-чуть. Без собственно... физического процесса. И ты уже вон как желваками заиграл. Сразу забыл, как только что учил меня всепрощению. Вот ведь какая штука интересная. Если женщину изнасилуют, то "расслабься и получай удовольствие" и вообще сама виновата. Не раздувай трагедию, подмойся и живи дальше. А если мужика – ужас-ужас, конец света! Тебе не кажется, что это странная логика?

– Я никогда не говорил, что ты сама виновата, – пробурчал он. – Но разница все-таки есть – для мужчины это в любом случае противоестественно...

– А для женщины, значит, естественно быть изнасилованной?! И вообще, кто тебе сказал, что "естественно" – значит "хорошо"? Когда комар сосет твою кровь, это совершенно естественно. Но ты убиваешь комара.

– Послушай, что ты от меня хочешь? – не выдержал Игорь. – Чтобы я извинился перед тобой за весь мужской пол?

– Нет, – серьезно ответила девушка. – Это уже ничего не изменит. Ешь свой гриб, не век же нам тут торчать.

Он откусил от шляпки, почти не почувствовав вкуса. Что-то холодное и скользкое... но голод, приглушенный было прочими проблемами, тут же пробудился снова, и Игорь торопливо заработал челюстями. Жаль, конечно, что приходится есть холодным – это неэффективно, организм тратит на разогрев пищи чуть ли не больше калорий, чем получает – но хорошо хоть не вообще промерзшим... Несмотря на волчий аппетит, он старался тщательно жевать и согревать мякоть гриба во рту прежде, чем глотать – не хватало теперь только заработать ангину... (Из тумана всплыло еще одно детское воспоминание: он ест мороженое зимой на улице в надежде заболеть и не пойти на контрольную – кажется, по математике. Не сработало, он получил двойку и взбучку от отца – ни лица, ни имени которого он по-прежнему не мог вспомнить. Помнил только боль от ударов.)

Они съели еще несколько грибов, и несколько скользких шляпок распихали по карманам (хотя Елка предупредила, что они будут ломаться и крошиться). Сытым Игорь себя не почувствовал, согревшимся тоже (после холодной еды ему скорее казалось наоборот), но надо было идти дальше. Какое-то время они брели по все более глубокому снегу в прежнем направлении, затем Елка резко свернула влево, и где-то через полчаса они вышли к ранее обещанному ельнику. Еще минут пятнадцать они шагали между елок, которые девушка окидывала придирчивым взглядом, пока, наконец, не остановилась, кивнув на высокую разлапистую ель:

– Вот под ней мы и заночуем. Надо наломать лапника и сделать стенку из снега вокруг. Только с разных деревьев ломай, не все в одном месте, чтоб в глаза не бросалось.

Ломать голыми руками холодные колючие ветки и сгребать снег было, конечно, не самым приятным занятием, но в конечном счете им удалось соорудить нечто среднее между шалашом и снежным домом. Часть лапника пошла на обустройство пола вокруг ствола старого дерева, из остальных ветвей соорудили стены, воткнув их в снежный бруствер и переплетя колючими отростками с нижними ветвями центральной ели; те, в свою очередь, стали крышей, которую постепенно конопатил продолжающийся снегопад. Девушка проскользнула внутрь, раздвинув вкопанные ветки; у Игоря возникло желание пошутить на тему "Елка под елкой", но на сей раз он решил воздержаться, не желая спровоцировать очередную пикировку. Вместо этого он еще раз внимательно огляделся по сторонам и прислушался – никаких признаков погони, хотя, конечно, ночью в снегопад ее можно не замечать, пока она не окажется в считаных метрах; впрочем, то же верно и в обратную сторону. Идеальным их убежище не было, но после того, как снег заметет натоптанные вокруг следы, будет вполне возможно пройти рядом и не заметить – если противник все же решится преследовать их ночью. А утром их здесь уже не будет... Он влез под елку и закрыл за собой проход ветками изнутри. Беглецы оказались в полной темноте.

Внутри, разумеется, было ничуть не теплее, чем снаружи, так что оба съежились на лапнике по обе стороны от ствола. Елка пыталась согреть окоченевшие кисти под мышками, Игорь, которому мешали наручники, сунул руки между бедрами.

– Ничего, – пробормотал он, подбадривая не то ее, не то себя, – надышим – будет теплее.

– Знаю, – ответила Елка из темноты.

Он пошевелился, пытаясь устроиться поудобнее. Еловые ветки кололи щеку и ухо. Грибы совершенно не утолили голод – есть хотелось, казалось, еще сильнее, чем раньше. И курить, конечно же.

– Почувствуй себя новогодним подарком, – проворчал он, желая отвлечься. – Лежим тут под елочкой...

– Пусть только попробуют, – откликнулась девушка. – Получить нас в подарок, в смысле.

– Не получат, – согласился Игорь. – Плохим мальчикам подарки не положены.

– Тебя тоже в детстве грузили всей этой чушью про Деда Мороза?

– Не помню. Наверное. Всех грузили.

– Никогда не понимала, зачем это родителям. Внушать детям, что подарки приносит какое-то потустороннее чудище. Чтобы дети любили не их, а его.

– Чудище?

– Конечно. Дух зимнего леса, холода и смерти. Это уже потом его скрестили с христианским святым Николаем. Который, впрочем, тоже вранье. Новый год – вообще праздник сплошного вранья. Никогда его не любила.

– Кажется, я тоже, – медленно произнес Игорь, чувствуя, что в тумане его прошлого проступает очередной фрагмент из детства. – Наша семья жила бедно, я никогда не получал в подарок то, что хотел. И жутко завидовал другим пацанам, и не понимал, за что мне такая несправедливость. А главное – какой смысл вести себя хорошо, если это не вознаграждается.

– Вот-вот. А если бы родители объяснили тебе, что дело не в Деде Морозе, а просто у них самих нет денег...

– То это просто перенесло бы проблему на следующий уровень, – не согласился Игорь. – Я бы задался вопросом не почему Дед Мороз не помогает мне, а почему их бог не помогает им.

– Разницы между одной и другой верой действительно никакой, и меня поражает, как люди этого не понимают. А твои родители, значит, были верующими? При социализме?

– Кажется, да. Мы жили в маленьком поселке, там это не считалось зазорным.

– Но ты – нет.

– Знаешь, как говорят – в окопах нет атеистов, – усмехнулся он. – Выходит, бог убивает одних верующих. Невыгодный союзник.

– Вот-вот. Чем ужаснее страдания людей, тем охотнее они верят в доброго бога, который, по их мнению, их же и насылает. Или, по крайней мере, может, но не хочет предотвратить. Не понимаю и никогда не пойму. Вся эта религия – не только христианская, кстати – это, по сути, просто стокгольмский синдром. Знаешь, что это такое?

– Знаю, не такой уж я тупой солдафон. Это когда жертва становится на сторону мучителя. Тебе, как я понимаю, это не грозит, – добавил он с усмешкой.

– Из всех вещей во вселенной эта последняя, которая могла бы мне грозить, – отрезала Елка. – Ладно, – добавила она после паузы, – давай уже спать, что ли.

Игорь заснул почти мгновенно, как всегда засыпает солдат, получивший такую возможность – вне зависимости от комфортности "спальни" (и эта, кстати, была еще далеко не худшей) и даже от степени усталости. Устал ты или не слишком – пользуйся возможностью поспать, пока она есть, неизвестно, когда она появится снова... Вот и сейчас кто-то уже толкал его и кричал, что холода наступают, и надо во что бы то ни стало удерживать объект, иначе их тут всех заморозит. И Игорь вскочил, схватил винтовку и побежал по обледенелому бетонному полу к ближайшему окну какого-то огромного нежилого помещения, которое и было объектом и которое он должен был оборонять в одиночку. Перебегая от окна к окну, он стрелял по наступающим Дедам Морозам, которые несли холод из леса. Его винтовка была почему-то закамуфлирована под новогоднюю елку; в качестве игрушек на ней болтались ручные гранаты, а когда он припадал к прицелу, иголки кололи ему лицо. Тем не менее он слал пули точно в цель, и один Дед Мороз за другим валился в снег, разбрызгивая кровь и мозги; с каждым попаданием становилось чуть теплее; к тому же ствол винтовки нагревался от стрельбы, и от него валил пар. Наконец последний бородатый упал, но было все еще холодно – и Игорь сообразил, почему. Резко развернувшись, он выстрелил в Деда Мороза, подобравшегося с тыла и уже почти

пролезшего в окно.

"Плохой мальчик, – обиженно сказал Дед Мороз. – Очень плохой мальчик."

Игорь выстрелил в него еще дважды, заставляя заткнуться.

И тут, наконец, в помещении стало разливаться приятное тепло. Игорь обхватил руками и прижал к себе горячую винтовку – или елку, которая каким-то образом была и тем, и тем одновременно и при этом перестала быть колючей. Кажется даже, она обвила его своими ветками...

Он проснулся и понял, что лежит в обнимку с Елкой, которая дышит ему в грудь. Их ноги по-прежнему разделял ствол дерева, но выше их тела прижимались друг к другу. Ничего сексуального в этом, разумеется, не было – всего лишь рефлекторное стремление согреться во сне. Снаружи уже рассвело; тусклый свет пробивался сквозь заснеженные ветки, образовывавшие крышу и стены их импровизированного убежища. Пока Игорь раздумывал, стоит ли будить девушку или дать ей еще поспать, Елка, должно быть, почувствовав некое изменение его позы, проснулась сама. Едва открыв глаза, она вдруг резко отпрянула, нашаривая рукой автомат.

– Спокойно, – усмехнулся он. – Это всего лишь я. Если ты каждое утро будешь так на меня реагировать...

Несколько секунд она пристально всматривалась в него, должно быть, не окончательно еще проснувшись. Затем бросила быстрый подозрительный взгляд на свою одежду, словно проверяя, все ли пуговицы застегнуты.

– Да не трогал я тебя, – вздохнул Игорь. – Ты сама прижалась ко мне во сне. И правильно сделала, так теплее.

– Каждое утро – безусловно, не буду, – угрюмо произнесла Елка. – Чего я точно не собираюсь делать, так это просыпаться каждое утро в твоем...

Договорить она не успела. Прямо за стенкой их шалаша раздался хриплый лай.

Беглецы застыли. Затем Елка беззвучно перекатилась на живот в позицию для стрельбы, разворачивая ствол в сторону звука, и сняла предохранитель. Игорь, однако, предостерегающе коснулся ее руки, а затем прижал палец к губам: не стоит поднимать стрельбу раньше времени, тем паче вслепую сквозь ветки. Пока это всего лишь собака – сперва надо выяснить, где хозяева этой псины... Быстро вытащив из кобуры пистолет, он слегка раздвинул стволом вкопанные накануне ветви (с иголок посыпался снег) и прильнул глазом к образовавшемуся отверстию.

Пес, со своей стороны, тоже потянулся носом к открывшемуся проему, но затем отпрянул, словно почувствовав угрозу и продолжая при этом гавкать. Он был довольно крупный, но совсем не походил на овчарку или добермана, каких использовали бы охотники на людей. Это была беспородная псина грязно-рыжего окраса, притом явно переживавшая не лучшие времена: шерсть свалялась и висела клочьями, а левом боку заметен был обширный лишай. Тем не менее на шее темнел потертый ошейник.

– Дворняга какая-то, – сообщил Игорь Елке. – Не служебная собака. И других рядом нет. Все равно, нечего ей тут гавкать и привлекать внимание... как бы ее шлепнуть по-тихому...

– Погоди! Все бы тебе шлепать, – девушка раздвинула ветки, а затем решительно полезла наружу. Игорь, держа пистолет наготове, выбрался следом.

Снегопад закончился, но и солнца не было видно, хотя небо выглядело не так мрачно, как накануне – в основном его затягивали облака, но кое-где голубели просветы. Вокруг лежал глубокий снег, нетронутый, если не считать цепочки собачьих следов, терявшейся между елями. Увидев людей, псина попятилась еще дальше, не переставая лаять и одновременно заискивающе помахивая хвостом.

– Где твой хозяин? – мрачно осведомился Игорь, оглядываясь по сторонам. Никаких признаков человека поблизости не было, что, разумеется, ровным счетом ничего не доказывало.

– Она бродячая, – возразила Елка, опускаясь на корточки, чтобы оказаться на одном

уровне с собакой. Та, наконец, перестала лаять и потянулась носом к девушке, продолжая вилять хвостом.

– Ошейник же, – возразил Игорь.

– Ну и что, что ошейник? Знаешь, сколько теперь таких бегает? Хозяев убили, или сами уехали, бросив все. Она, наверное, людей вообще давно не видела. Думает, мы ей поможем, еды дадим...

– Щас! – осклабился Игорь, вновь поднимая пистолет. Раз хозяина нет, звука выстрела никто не услышит. – Она сама еда. И шапка.

– С лишаем и кучей других болячек?

– Хм... – недовольно проворчал он. – Все равно, не хрен тут...

– Она беременная, – продолжала Елка. – Пока еще не очень заметно.

– И что? Мне полагается расплакаться от умиления? Пусть бродячие псины плодятся и размножаются?

– Ни к чему тратить на нее патроны, – возразила девушка. – И оставлять такой след. Да и стрельбу кто-нибудь все-таки может услышать.

– Можно и прикладом по башке отоварить. И под елку затащить.

– Зачем? Что она тебе сделала? Она уже даже не лает.

Собака, глядя на девушку, просительно поскуливала.

– Ну так хотя бы прогони ее, если ты такая жалостливая, – проворчал Игорь. – Не хватало еще, чтобы это блохастое отродье за нами увязалось.

– Уходи, – велела Елка собаке, выпрямляясь. – У нас ничего для тебя нет. Иди прочь, ну! – она махнула рукой. – Прочь!

Псина отбежала на несколько шагов и снова остановилась, должно быть, надеясь, что люди передумают.

– Уходи! – еще раз крикнула Елка и наставила на нее автомат. На сей раз собака развернулась и побежала в лес – как видно, она уже хорошо знала, что может сделать эта железная палка в человеческих руках. Теперь было заметно, что собака хромает.

Завтрак беглецов состоял из нескольких глотков воды, еще остававшейся в бутылках (и не такой холодной, как снег вокруг) и остатков грибов, которые удалось выгрести из карманов (хотя, как и предупреждала Елка, после сна они превратились в сплошное месиво). Наскоро проглотив все это, они побрели по снегу, на каждом шагу проваливаясь почти по колено. Было ясно, что такими темпами за день они не уйдут далеко.

– Лыжи бы сейчас, – вздохнул Игорь. – Но сделать их нечем.

– По крайней мере, у тех, что идут за нами, те же трудности, – ответила Елка.

– Вот не факт. У них как раз могут быть лыжи.

– Если это десант, высаженный с вертолета, когда снега еще не было...

– Они всегда могут задействовать местные ресурсы. Или организовать поисковые группы, или просто конфисковать все, что им надо.

Из-за облаков выглянуло солнце, осыпав снег серебряными искрами и расчертив его длинными голубоватыми тенями.

– Елка, – удивился Игорь, оценив их направление, – ты сбилась с курса? Мы же идем обратно!

– Не совсем, – невозмутимо ответила девушка, – развернулись где-то на сто сорок градусов. Ельник нам был нужен, чтобы переночевать, а сейчас мы снова идем в старый лиственный лес.

– За грибами, что ли? – усмехнулся Игорь.

– Нет. Там впереди бурелом должен быть. Ты же не хочешь, чтобы нас на лыжах догнали? Вот через него ни одному лыжнику не прорваться.

До бурелома они добрались часа через полтора. Пока они шли, облака почти развеялись,

и солнце ярко сияло с безупречно синего неба – вот только такая погода несла не тепло, а холод. Утром, когда беглецы только выбрались из своего елового шалаша, снаружи было лишь немного холоднее нуля, теперь же их непокрытые головы и руки щипал мороз, который, похоже, все усиливался. Приходилось периодически тереть носы и уши и поглядывать друг на друга, чтобы не пропустить первые признаки обморожения. Игорь даже завидовал длинным волосам своей спутницы, которые, конечно, уступали меховой шапке, но явно выигрывали у его короткой стрижки. А щетина, пробившаяся на его щеках, еще никак не годилась на роль полноценной бороды, способной хоть как-то согреть лицо.

И вот, наконец, они вышли к границе бурелома. Похоже, его созданию некогда поспособствовал не только штормовой ветер, ворвавшийся в проход между очередными холмами, но и затяжной ливень, размывший склоны, откуда стали валиться старые деревья. В результате поваленные стволы громоздились и на склонах, и внизу, словно длинный язык, вытянувшийся между холмами. Все это произошло, очевидно, уже достаточно давно; теперь гниющие стволы, навалившиеся друг на друга, поломанные ветки, груды мусора, нанесенного годами дождей и весенних ручьев, и пробивавшаяся между мертвыми деревьями молодая поросль действительно представляли собой баррикаду, непреодолимую ни для лыжников, ни для пеших путников – если только последние не совсем сумасшедшие или не находятся в отчаянном положении. Окинув взглядом этот пейзаж, Игорь подумал о своей лодыжке. Карабкаясь через эти стволы, и здоровые-то ноги переломать недолго – особенно учитывая, что снег, придавший бурелому менее мрачный вид, на самом деле замаскировал опасные места.

– Не думаю, что лезть туда – это хорошая идея, – проворчал он.

– Вот и те, кто идут за нами, так не подумают, – ответила Елка, – а следы в этом нагромождении веток и сучьев толком не проследишь. Даже если они дойдут сюда, то решат, что мы перелезли завалы по короткому пути и полезли на холм либо слева, либо справа, – она дважды махнула рукой. – А мы пойдем прямо, между холмами, по самому невыгодному пути. Ни один нормальный человек, желающий поскорее унести отсюда ноги, так не поступит – поэтому они потеряют наш след.

– Мы тут целый день будем корячиться, чтобы преодолеть всего пару километров.

– Зато не замерзнем, – подбодрила его Елка.

Игорь хотел было напомнить ей о своих травмах, которые мешали лазить через обледенелые поваленные стволы (да и чертовы наручники в этом деле не помогали), но смутился. Получается, что он, здоровый мужик, собирается ныть и жаловаться перед девчонкой – которой, между прочим, тоже изрядно досталось. Правда, у нее руки-ноги в порядке. Но разве он хотел бы махнуться с ней физическими повреждениями, не говоря уж о моральных? Определенно нет!

– Ладно, – буркнул он, – полезли. Постарайся ничего себе не сломать и не вывихнуть.

– Ты тоже, – невозмутимо ответила она. – Не слишком хочется снова тащить тебя на себе.

И они полезли через бурелом. Где-то через поваленные деревья можно было легко перешагнуть, где-то приходилось осторожно перебираться, нащупывая ногой опору под снегом (или рукой – торчащий сук) и проверяя, насколько мертвая древесина надежна, прежде чем доверить ей вес тела, где-то обходить нагромождения веток и заросли кустарника и подроста или же проламываться прямо сквозь них. Иногда гнилая древесина все-таки ломалась и проседала под их весом, иногда они спотыкались о спрятанную под снегом корягу – но без травматических последствий; если каждому из них и довелось упасть пару раз, то на мягкий снег, а не на торчащий острый сук. Несколько раз они видели на мертвых стволах выглядывавшие из-под снега рыжие шляпки, но грибы уже промерзли насквозь и не выглядели привлекательной пищей, несмотря на голод. Игорь не забывал регулярно оглядываться по сторонам, помня, что теперь они находятся практически на открытой местности, где кроны деревьев не прикрывают их от взгляда сверху – но так и не заметил никаких признаков врага или

хотя бы случайного свидетеля. Холмы вокруг выглядели совершенно безлюдными, словно в тысячах миль от цивилизации – или через тысячи лет после ее гибели. Ни один дымок не поднимался в небо, ни один самолет, военный или гражданский, не чертил белый след в вышине. Ну да, ну да – рисковать никому не охота, вольготно в небе над Зопой себя чувствуют только натовцы, да и они стараются лишний раз не маячить без необходимости. Тут ведь, если звезданут с земли, даже непонятно, кому потом претензии предъявлять... Оно, конечно, по тому месту, откуда ракета взлетела, боевые товарищи подбитого отработают так, что мало не покажется, без всяких дипломатических нот. Но кого они там грохнут? Пехотинца с пустой трубой, которая уже ничего не стоит, а уж его жизнь – и подавно. А сколько миллионов долларов стоит "Бородавочник" или "Апач"? То-то и оно. Невыгодная сделка.

Наконец, приобретя несколько новых царапин и лишившись еще пары выдранных клочков одежды, но не получив никаких более серьезных повреждений, беглецы выбрались из бурелома. Солнце уже низко висело над холмами, но до темноты оставалась еще пара часов.

– Нам надо найти убежище до темноты, – озабоченно сказал Игорь. – Ночь на морозе на открытом воздухе мы не выдержим.

– Найдем, – спокойно ответила девушка, шагая вперед.

Долина перед ними распахивалась вширь, но лес измельчал – на смену могучим букам, вязам и дубам с вкраплениями сосен пришли заросли осины и тонкие стволы молодых берез.

– Старая вырубка, – пояснила Елка. – По-хорошему, здесь должны были новые деревья посадить. Но фидоров уже тогда волновала только выручка от экспорта леса, а не что тут будет через пару поколений, так что все заросло вот этим мусором.

– Береза – мусор? – удивился Игорь.

– Такая – да. Ну, с хозяйственной точки зрения, конечно. В природе-то, естественно, никакого мусора и сорняков не бывает – все живое просто части экосистемы, которые не хуже и не лучше друг друга.

– И человек нужен лишь в качестве пищи для червей, – усмехнулся Игорь.

– А также вшей и кучи других паразитов, – спокойно согласилась Елка. – Ну и как симбионт, конечно, тоже – для множества видов бактерий, в частности. Знаешь, сколько их в тебе? Если бы все ткани твоего организма стали невидимыми, твое тело все равно было бы видно и сохраняло прежние очертания – за счет бактерий на коже и внутри. И именно они, а не собственные клетки, являются первым рубежом обороны организма от патогенов.

– То есть мои границы защищают наемники, – констатировал Игорь, – и лишь если они не справляются, в дело вступает регулярная армия патриотов. А что, вполне разумно – наемников ведь не жалко. Главное только, чтобы они не переметнулись на сторону противника. Но ведь микробы этого не умеют? Предательство – это чисто человеческое изобретение.

– Угу, – мрачно кивнула Елка. – есть чем гордиться.

Они вышли на берег неширокой речки. Вдоль берега она уже подернулась льдом, из которого торчали сухие стебли камыша и осоки, но дальше чернела открытая вода. Впрочем, речка явно была не более чем по пояс в самом глубоком месте, и ее легко было бы перейти вброд – но только не в такую погоду. Елка свернула вдоль берега налево, вниз по течению, и пошла, внимательно глядя под ноги – а затем повернула под углом от берега обратно в лес.

– Куда мы идем? – не выдержал Игорь.

– Видишь? – она указала на снег впереди. – Заячьи следы.

– Надеешься подстрелить зайца? – ему по-прежнему не хотелось производить лишний шум, но при мысли о мясе рот тут же наполнился слюной. Даже если его придется есть сырым.

– Для этого его сперва найти надо. Но это необязательно.

– Что необязательно?

– Стрелять. Если найдем место, где следов много, можно поставить силки. Глядишь, за ночь наш завтрак прибежит к нам сам. Вот как раз в таком осиннике их должно быть много.

– Силки? Много раз слышал это слово, но никогда не видел... во всяком случае, не помню такого. Это какая-то петля, в которую кладут приманку? Где мы тут возьмем морковку?

– Нет, приманка не требуется. Просто свесить петлю с низкой ветки над заячьей тропой, желательно там, где из-под снега торчит трава и всякие прутики, маскирующие ловушку. Заяц бежит, попадает головой в петлю и душит сам себя.

– Не только люди, выходит, такие идиоты, – хохотнул Игорь. – Ну а петля? Из чего ее делать?

– Лучше всего – из тонкой проволоки. Можно из лески.

– Но у нас ведь нет ни того, ни другого?

– Поищем в доме.

– В каком доме?!

– Вон в том.

Игорь оторвал взгляд от заячьих следов и посмотрел, куда она показывала. Действительно, вдали и в стороне от их курса сквозь густую чащу осинника проглядывал некий приземистый прямоугольный силуэт. Никаких деталей с такого расстояния разглядеть было невозможно.

– Там кто-нибудь живет? – спросил он настороженно.

– Когда-то жили лесорубы. Но это было много лет назад.

– А если там сейчас кто-нибудь окопался?

– В хлипком сарае посреди безлюдного леса? Вряд ли. Воевать здесь не с кем, разве что с зайцами.

– В таком случае, почему мы туда не идем?

– Всему свое время. Сначала найдем хорошее место для ловушки, пока еще светло.

Игорь продолжал подозрительно коситься в сторону сооружения в зарослях, но все же последовал за девушкой, идущей по заячьему следу.

Вскоре им попались и другие следы, под углом пересекавшие первые, но к тому времени, когда Елка, наконец, нашла устроившее ее место, солнце уже скрылось за холмом, и лес затопили тени. В небе, тем не менее, все еще ярко золотились редкие облачка с рыхлыми раздерганными краями – но этот последний свет умирающего дня уже совсем не согревал землю, и холод для людей, не имевших ни шапок, ни перчаток – да и одежду с прорехами – становился уже совсем нестерпимым. Так что к оставшемуся позади жилищу лесорубов они возвращались чуть ли не бегом, проваливаясь в скрипучий снег – который сейчас, впрочем, был им скорее союзником, чем врагом, демонстрируя, что к дому не ведут ничьи следы – даже заячьи.

Но на подходе и без этого стало ясно, что никакая засада или остановившаяся на ночлег диверсионная группа их внутри не поджидает. Дом, а точнее говоря – бурый от ржавчины строительный вагончик без колес, оброс осиной со всех сторон; тонкий ствол тянулся и прямо перед дверью, не позволяя ее открыть. Очевидно, в последний раз ее открывали задолго до войны. Удивительное дело, но стекла в маленьких окнах по большей части уцелели, хотя и покрылись многолетней грязью; лишь одно из них выдавила проросшая внутрь ветка. Ближе к цивилизации в таком брошенном вагончике непременно расколотили бы все окна и расписали стенки граффити – но в эту глухомань, похоже, никто не добирался с тех самых пор, как ушли лесорубы.

Игорь все же обошел вагончик со всех сторон, продираясь сквозь заросли, но не обнаружил никаких сюрпризов; разбитое окно выглядело единственной проблемой, но он понадеялся, что помещение вагончика разделено внутри, и можно будет закрыться в непродуваемой части – а может, там найдется и что-нибудь, чем можно заткнуть дыру. Оставалось проникнуть внутрь. Он навалился всем своим весом на деревце, мешавшее открыть дверь; оно накренилось, но не желало ни ломаться, ни выкорчевываться. "Помоги мне!" –

прохрипел он. Елка уперлась ладонями в его спину, помогая толкать. На сей раз из-под снега послышался глухой хруст, и дерево рухнуло, вырванное с корнем; оба человека тоже повалились в снег, и Игорь едва удержал вскрик, когда его ребра вновь отреагировали на подобное обхождение. Елка тут же вскочила и принялась отряхиваться; за ней поднялся Игорь, все еще морщась, и, втянув одну руку в рукав – он не хотел, чтобы влажные пальцы, и без того израненные накануне, примерзли к железу – дернул сквозь материю за ручку, опасаясь, что дверь окажется закрытой. Но дверь отворилась, хотя и с жутким противным скрипом, и беглецы вошли внутрь.

Они оказались в комнатке, служившей одновременно прихожей с вбитыми в стену крючками для одежды и кухней – закопченная дровяная плита у стены, непокрытый, грубо сколоченный квадратный деревянный стол посередине с задвинутыми под него с каждой стороны табуретками, два водруженных друг на друга шкафчика (двери верхнего были приоткрыты, демонстрируя пустое нутро). На столе все еще стояла пустая водочная бутылка и пара вскрытых и ржавых высоких консервных банок (из одной торчала алюминиевая вилка). Все это было невероятно грязным, на столе и полу вокруг образовались какие-то концентрические бурые разводы, и причиной тому было не только разбитое окно, но и, как понял Игорь, бросив взгляд вверх, ржавая крыша, просевшая под тяжестью снега (очевидно, не только нынешнего, но и многих предыдущих снегопадов) и прохудившаяся в нескольких местах. Сейчас, правда, эти прорехи закрывал снег, но все равно, спать на таком полу под этой угрожающе провисшей крышей хотелось меньше всего. Еловый шалаш на этом фоне выглядел не в пример уютнее.

Впрочем, для сна, очевидно, предназначалась другая часть вагончика, отделенная от первой перегородкой с дверью. Там окно было целым, а если уцелела и крыша, то, возможно, там беглецов ожидало почти настоящее жилище, и даже с кроватями. Однако, прежде им идти туда, Игорь быстро обследовал кухню – распахнул дверцы ящиков, даже заглянул в закопченное нутро плиты. Увы, ему не удалось обнаружить ничего полезного – ни еды (каких-нибудь консервов или галет, все еще пригодных в пищу столько лет спустя), ни инструментов или оружия – даже консервного ножа, которым вскрывали эти банки. Очевидно, лесорубы, бросив казенный вагончик, забрали все мало-мальски ценное из личных вещей. Ни лески, ни проволоки нигде тоже не завалялось. На плите лежал коробок с несколькими спичками, но они давно отсырели и пришли в полную негодность.

– Ладно, – пробурчал Игорь, подходя к двери в перегородке, – посмотрим, что там.

Перекосившаяся дверь поначалу не поддалась, но он дернул сильнее, и она распахнулась. И тут же из полумрака помещения, которое никто не открывал уже много лет, на него вывалилась темная фигура, в первый миг показавшаяся ему карликом, и ткнулась головой ему в пах. Игорь рефлекторно отпрыгнул; Елка, стоявшая позади, не удержала короткого вскрика, тут же, впрочем, сорвав с плеча автомат. Но стрелять было уже не в кого. Фигура в гнилой черной телогрейке повалилась на пол, и обтянутый кожей череп, еще сохранивший остатки волос, глухо стукнулся виском у ног Игоря. Пустые ямы глазниц уставились на пришельцев; отпавшая нижняя челюсть обнажила щербатые желто-бурые зубы, похожие на гнилые пеньки (нескольких не хватало). Никаким карликом мертвец, конечно, не был – просто все эти годы со дня своей смерти он сидел, привалившись к двери с той стороны.

– М-да, – пробормотал Игорь, а затем, перешагнув через труп, решительно вошел внутрь.

– Что там? – спросила Елка, явно не спеша следовать за ним. – Там... еще есть?

– Да, – констатировал Игорь. – Еще двое.

В спальне, едва освещенной светом из единственного грязного окна, вдобавок завешенного какой-то тряпкой, стояли две двухъярусные кровати, занимавшие почти все пространство маленького помещения. На нижней слева и на верхней справа также лежали мумии в телогрейках и ватных штанах – типичной рабочей одежде социалистических времен. Воздух в помещении был тяжелым и затхлым, но трупного зловония спустя столько лет уже

практически не чувствовалось – хотя помещение и оставалось закупоренным достаточно плотно, чтобы никакая живность не проникла внутрь и не обглодала трупы до костей. Потолок тоже выглядел надежнее, чем в кухонном отсеке.

– Это что – лесорубы? – Елка, наконец, заглянула в спальню – брезгливо, но без страха.

– Тебе виднее, – усмехнулся Игорь, осматривая мертвецов. – Ты знала про этот дом.

– Я не знала, что тут... внутри.

– Во всяком случае, на бойцов они не похожи. Даже на опущенцев. Да и умерли они явно задолго до войны. И ран я тоже не наблюдаю. Ни огнестрельных, ни ножевых. Я не судмедэксперт, конечно, но одежда вроде целая...

– Тогда от чего они умерли?

– Может, замерзли, – пожал плечами Игорь. – Или, наоборот, угорели. Один вон почуял неладное, пытался выбраться, но не успел. Хотя... скорее всего, от паленой водки. Решили отметить окончание сезона – ну вот и отметили.

– И никто их даже не хватился?

– А кому они нужны? Сезон кончился, работы свернули. А публика, которая в такие артели нанимается... у них часто ни семьи, ни друзей. Собутыльники не в счет.

– Что-то не сходится, – заметила девушка. – Если они тут соображали на троих и все тут и остались, то как-то тут слишком пусто. Ну может всякие пилы-топоры и в другом месте хранились, но все равно, какие-то личные вещи должны быть здесь...

– Угу, – согласился Игорь, деловито обшаривая карманы верхнего мертвеца. – Ну-ка проверь того, что на полу – есть у него что при себе? Деньги, документы, сигареты?

– Ты предлагаешь мне копаться в этой дохлятине?! – возмутилась Елка.

– Ой-ой, какие мы нежные... Можно подумать, ты на своем хуторе коз не резала и кур не потрошила.

– Резала, – спокойно подтвердила она. – И свиней кастрировала. С тех пор как отец уехал, а брат воевать ушел. Но это не то же самое.

– Конечно, нет – всего-то по карманам пошарить. Вскрывать его и проверять, не проглотил ли он золотую монету, я не предлагаю – хотя, конечно, если бы был шанс, что проглотил... – он перешел к трупу на нижней койке, а затем, поскольку девушка лишь по-прежнему стояла и смотрела – к тому, что на полу. Закончив поспешный обыск, он разочарованно выпрямился: – Ни шиша. У всех троих, – особенно ему обидно было, что не нашлось курева, ибо деньги социалистических времен уже никакой ценности не представляли. А ведь такие типы просто обязаны были быть курильщиками! – Значит, что?

– Мы не первые? Кто-то побывал здесь уже после их смерти и все обчистил?

– Да не "кто-то". Здесь четыре койки. И четыре табуретки на кухне.

– Был еще один, непьющий? Который увидел, что его товарищи умерли, хладнокровно обобрал их и ушел, оставив их гнить тут? Одного даже бросил умирающим, раз тот дополз до двери...

– Может, и так. Только я думаю – он не просто увидел. Он им эту самую выпивку и поставил. А что? Как раз артель работу закончила и деньги получила. Зачем делить на четверых, если можно на одного? И документы заодно прибрал, чтобы, если их все-таки найдут, замаялись идентифицировать. Хотя – у такой публики могло и вовсе никаких документов не быть... Ну и все прочее тоже – лишней папиросы и то не оставил. Чего добру пропадать.

– Да уж. Нравы социалистического братства, которое так нравится фидорам.

– Да люди при любых "измах" одинаковы. Просто при некоторых лицемерия больше.

– Ладно, – сказала Елка, – я пойду ставить силки, а ты вытащи этих и набери топлива для плиты.

– И чем его поджигать? Спички на кухне не годятся.

– Зажигалкой.

– У тебя есть зажигалка? – удивился Игорь.

– Все время в кармане была, – пожала плечами Елка. – Досталась вместе с этими шмотками.

– И ты молчала?! – возмутился он. – Мы тут уже два дня мерзнем, а оказывается, давно могли костер развести!

– Чтобы его заметили все, кто нас ищет? Знаешь, с какого расстояния виден ночью огонь, а днем дым?

– Это смотря как жечь. Можно замаскировать костер так, что будет практически незаметно со стороны.

– Предпочитаю не рисковать. Мне, знаешь ли, уже хватило горячего приема у Дракулы. Теперь я уж лучше померзну.

– А вот лично я больше мерзнуть не собираюсь. Давай сюда свою зажигалку.

Девушка взглянула на него с сомнением, словно он был ребенком, желающим поиграть с огнем – или с какой-то очень дорогой и хрупкой вещью. И это выражение на ее лице – лице девчонки, смотрящей на мужчину вдвое старше нее – неожиданно не рассердило его, а рассмешило:

– Давай, давай! Не съем я твой трофей. Ты же хочешь вернуться в уже теплое помещение?

Елка нехотя протянула ему просимое – и это действительно оказался не обычный пластмассовый ширпотреб, а дорогая модель Zippo в серебристом корпусе с откидной крышкой.

– Такая баксов двести стоит, – оценил Игорь уважительным тоном старого курильщика. – Небось, отжали у кого-нибудь, суки... А пачки сигарет там вместе с зажигалкой случайно не было?

– Была. Я эту дрянь сразу выкинула, разумеется.

– Твою ж мать! – не сдержался он.

– И следи за своим языком, – холодно потребовала Елка. – Ты не в казарме.

– А где я – на светском балу? – он со злой усмешкой обвел рукой окружающую обстановку – комнату заброшенной ржавой бытовки с тремя истлевшими трупами. Девушка, как видно, сочла ниже своего достоинства вступать в спор, повернулась и пошла к выходу с видом "я все уже сказала".

У него вдруг возникло иррациональное опасение, что она сейчас уйдет и не вернется. Не потому, что что-то случится с ней в лесу (что, впрочем, тоже не исключено), а просто потому, что она решила бросить его здесь, и силки – только предлог (потому и зажигалку отдала так неохотно). Она ведь говорила, что ей нужна тонкая проволока или леска, но они так и не нашли здесь ничего подобного...

– Ты что – нашла проволоку? – крикнул он ей в спину.

– Обойдусь без нее, – ответила Елка, берясь за дверную ручку.

– Каким образом?

Девушка повернулась и двумя пальцами оттянула в сторону длинную прядь из своего "хвоста".

– Прочность человеческого волоса, – изрекла она лекторским тоном, – сопоставима с прочностью стальной проволоки того же диаметра.

– А резать чем? Осколком от бутылки?

– Ножом, разумеется.

– Тоже трофей? – понял Игорь.

– А ты его даже не заметил у меня за поясом, когда я задирала футболку? Меньше надо было на сиськи пялиться.

– Ну знаешь! Во-первых, ты мне их сама показала...

– А смотреть надо не на то, что тебе показывают, а на то, что тебе нужно увидеть.

-... а во-вторых, ты сама прекрасно знаешь, что я смотрел на твои ожоги, а не на сиськи. В которых, между прочим, нет ничего выдающегося, – мстительно добавил он.

– Я была бы просто счастлива, если бы Дракула и его банда считали так же, – холодно ответила она и вновь повернулась к двери.

– Елка! Погоди. Пойдем лучше вместе.

– Мальчик боится оставаться один с покойниками?

– Да тьфу на тебя! Ты можешь хоть минуту не собачиться?! Я же о твоей безопасности думаю! Мало ли на кого ты можешь нарваться...

– Во-первых, я вооружена, и получше, чем ты. А во-вторых, – добавила она после короткой паузы, – о моей безопасности беспокоиться уже поздно. Хуже, чем то, что было, мне уже не сделают, – с этими словами она вышла.

Игорь внезапно почувствовал что-то вроде благодарности – ему действительно не хотелось снова выходить на мороз (который, впрочем, пока еще царил и в бытовке – но в закрытом помещении всегда кажется теплее, чем снаружи). Так что он предпочел не возиться со сбором веток в округе (если не считать той, что себе на беду сама вломилась в окно). Вместо этого он разломал на топливо табуреты. Одежда мертвецов расползалась под пальцами и совершенно не годилась по своему прямому назначению, однако Игорю удалось заткнуть этим тряпьем разбитое окно. Разведя огонь, он вновь поспешил туда, готовый выдернуть затычки, если окажется, что дымоход забился, и дым пойдет в помещение. Однако дым, похоже, исправно уходил в трубу.

Теперь надо было что-то делать с трупами. Елки все не было, а Игорю, который начал уже согреваться, теперь еще меньше хотелось выходить на холод и устраивать там даже и очень условные похороны в снегу. Ухмыльнувшись, он решил проделать кое-что иное. Возможно, это было и ребячество, но ему захотелось посмотреть на реакцию девчонки.

Вскоре после того, как он закончил, уже совсем стемнело, но девушка все не возвращалась, и Игорь начал беспокоиться. И тут вдруг откуда-то бухнуло, затем еще и еще. Игорь напрягся, но тут же расслабился. Канонада явно доносилась издалека, и били определенно не по этому лесу, где, надо полагать, и не было никаких достойных целей. Он слышал сами выстрелы – работала, как он определил на слух, ствольная артиллерия – но не взрывы там, куда прилетало – то место, очевидно, находилось слишком далеко.

Елке, очевидно, этот далекий обстрел никак не мог повредить, и едва ли даже мог ее напугать ("у нас тут любая бабка калибр миномета на слух определяет", вспомнилось Игорю), но где же она, в таком случае? Он не был уверен, есть ли смысл идти на поиски в темноте, и все же в конце концов подошел к двери. В этот момент канонада, наконец, смолкла, и во внезапно наступившей тишине Игорь услышал приближающийся скрип шагов по снегу снаружи. Стараясь ступать беззвучно, он быстро отступил в спальню. Строго говоря, это могла быть и не Елка...

Дверь отворилась с неизменным скрипом, и внутрь шагнула одинокая фигурка в камуфляже – тут же уткнувшись взглядом в подготовленное зрелище. В полумраке, озаряемом лишь отсветами огня в плите, сидели все три мертвеца, привалившись друг к другу у стены под крючками, на которые когда-то они вешали свою одежду. Средний обнимал костяными руками за плечи двух других, а между его ног в лохмотьях ватных штанов торчала поставленная на пол бутылка.

– Это еще что за Хэллоуин? – раздался знакомый сердитый голос.

– Бу! – отозвался Игорь из спальни, и, чувствуя, что "сюрприз" не удался, все же спросил, как собирался: – Так кто из нас боится покойников?

– Я не боюсь. Я спрашиваю, почему ты не вытащил их наружу!

– Зачем нам привлекать внимание? Мало ли какое зверье тут может шастать. А закапывать их в снег – лишняя морока.

– Никакой хищник не позарится на обтянутые кожей скелеты.

– Может, и не позарится, зато нас учует. И зверье бывает не только четвероногое.

– Уж это точно, – мрачно согласилась девушка. – Но ты что, предлагаешь нам так и спать в такой... компании? Это пока тут еще холодно, а когда они совсем оттают...

– То ничего не будет. Все, что могло сгнить, там уже давно сгнило, как ты только что справедливо заметила... Кстати, а кто это долбил сейчас, ты в курсе?

– Кто-кто... Это называется перемирие по-фидорски. Долбят, суки, по нашим позициям из Зопы, причем прикатывают свою арту в какое-нибудь село, а если им ответка прилетит, обвиняют наших в обстреле мирных жителей... Каждый день практически такой концерт, вчера вот из-за погоды не было, потому что ориентиров не видно ни шиша, а они наводятся по старинке, у них же вся техника – совок дремучий...

– Выходит, наши позиции уже близко?

– Ну как сказать... близко было на бумаге, да забыли про овраги...

Беглецы уселись на полу у распахнутой плиты, вытягивая к огню руки и ноги. Свои пластиковые бутылки, наполнив их снегом, они тоже поставили поближе к теплу – оттаивать. Деревяшки трещали в топке, впервые за много лет согревая ржавый мавзолей неизвестных лесорубов, и на стенах каплями заблестел оттаявший иней. Рыжие отсветы пламени играли на волосах Елки, вновь распущенных и все еще длинных – она срезала лишь несколько прядей слева и справа, что можно было заметить, если присмотреться, но не бросалось в глаза. Покойники скалились из темноты, и девушка все же старалась не смотреть в ту сторону.

– Хорошо, – удовлетворенно произнес Игорь, чувствуя, что наконец согрелся окончательно. – Для полноты счастья не хватает только твоего зайца.

– Надеюсь, к утру будет и заяц.

– Не боятся они канонады?

– А что им... где-то далеко гром грохочет, подумаешь.

– Зимой?

– Так они в школе не учились, не знают, что зимой гроз не бывает. Им главное, что тут по лесу теперь никто не шастает.

– Заяц – это хорошо... – продолжал мечтать Игорь. –Там ведь не только мясо, но и шкурка. Шапку бы сделать... хотя, наверное, одного зайца на шапку не хватит? А на две и подавно. Ну тогда рукавицы... только как их сделаешь-то? Даже если ты шить умеешь, у нас ни ниток, ни иголки... или есть еще какие-то трофеи, о которых я не знаю?

– Нет, больше ничего, – покачала головой Елка. – Думаешь, эти бандиты в карманах швейные принадлежности таскали? Ты еще скажи – гигиенические прокладки!

– На войне, знаешь ли, портных нет, – заметил он. – Чинить одежду приходится самостоятельно. Так что могли и таскать, хотя, конечно, не обязательно прямо в кармане... Ну а документы? Тоже нет? Нам могли бы пригодиться на очередном блокпосту – если, конечно, удастся избавиться от этих чертовых наручников...

– Нет, не было документов.

– Ну да, ну да... ДРГ в рейде документы с собой не берут. И знаков различия не носят.

– Суки трусливые. Трусливые и подлые, как все фидоры.

– А думаешь, наши всегда такие плакатные герои? Бывают, знаешь ли, такие деликатные задания...

– Вот почему словом "деликатное" люди всегда именуют какую-нибудь мерзость?

– По-твоему, разведчик в тылу врага делает мерзость?

– Ну... – смутилась Елка, – нет, конечно, но Дракула и его банда занимались чем-то похуже, чем просто разведка. Ты так и не можешь ничего про них вспомнить?

Игорь задумался в очередной раз, а затем раздраженно потряс головой:

– Ни хрена. Сплошной туман. Ни как они меня поймали, ни почему не шлепнули. Но, так

или иначе, если они и планировали какую-то операцию, теперь она уже не состоится.

– Если Дракула все-таки выжил, он может собрать новую банду. Мало ли среди фидоров отморозков.

– Может, и соберет... а оперативная обстановка к тому времени изменится. И я, может, к тому времени все-таки вспомню, что должен рассказать нашим.

Некоторое время они сидели молча, наслаждаясь теплом и думая каждый о своем; затем Елка начала клевать носом, но, похоже, упорно не желала сдаваться сну первой и всякий раз вскидывалась, бросая быстрый взгляд на своего спутника, словно проверяя, заметил ли он ее слабость. Не заметить было трудно, и Игорь велел ей не валять дурака и отправляться спать по-нормальному. Девушка нехотя согласилась и ушла в спальню, заняв ту из нижних коек, на которой прежде не лежал труп. Игорь с усмешкой отметил про себя, глядя через открытую ради тепла дверь, что она даже во сне не пожелала расстаться с автоматом и намотала его ремень на запястье.

Наконец и он сам почувствовал, что засыпает; подбросив в огонь последние ножки табуретки, он закрыл дверцу топки, иронически отсалютовал покойникам и тоже отправился в спальню, где выбрал верхнюю койку наискосок от Елки (нижняя была бы, конечно, удобнее, но ему тоже не хотелось ложиться на тюфяк, на котором прежде гнил мертвец). Предварительно проверив, не развалится ли старая конструкция под его весом – нет, вроде прочная – он влез наверх и почти мгновенно провалился в глубокий сон.

Разбудил его вопль.

Это был истошный тонкий крик женщины или ребенка, полный ужаса и отчаяния. Игорь резко сел в полной темноте, еще ничего не соображая, и тут же треснулся головой о низкий потолок бытовки. Мысленно матюгнувшись, он тут же подумал – Елка! Однако в следующую секунду сообразил, что кричат не рядом, а где-то там, снаружи, в ночном лесу. Впрочем, если Елка вышла на улицу, по нужде или зачем-то еще, и там...

Додумывал эту мысль он уже в воздухе, прыгая с койки вниз. Он вовремя сообразил поджать пострадавшую ногу, оберегая ее от удара об пол, так что приземлился благополучно и рванулся вперед – чтобы тут же споткнуться во тьме о чью-то ногу. Беспомощно взмахнув скованными руками, он грохнулся на пол в дверном проеме, заплатив за это новым взрывом боли в ребрах.

– Ты чего? – раздался спокойный голос Елки сзади, а вовсе не из ночного леса.

– А... ты разве... кто это кричит? – растерянно пробормотал он. Вопль к этому времени уже прервался, и у Игоря мелькнула мысль, что это вообще мог быть просто сон. Тогда, конечно, насмешкам чертовой девчонки не будет предела!

– Это? Заяц. Попался, наконец.

– Заяц?! – изумился Игорь. – Вот уж не подумал бы...

– Никогда не слышал, как они кричат? Похоже на ребенка, да. Ты там цел?

– Более-менее, – проворчал он, неуклюже поднимаясь с пола. – А ты чего ноги в проходе растопырила, если знаешь, что это всего лишь заяц?

– Не "всего лишь заяц", а наша еда, – напомнила девушка. – Он и меня разбудил, хотела за ним идти... но теперь понимаю, что слишком темно еще. Замучаюсь его искать, надо рассвета ждать. Хреново без фонарика жить, конечно.

– Можно факел соорудить... хотя, конечно, сквозь этот осинник его будет видно за километры...

– Именно. А вот печку заново растопить не помешает.

Действительно, огонь давно погас, и в вагончике снова было холодно. Игорь принялся отламывать в темноте ножки стола.

– Все-таки не понимаю, зачем ломать мебель, если вокруг полно деревьев, – неодобрительно заметила Елка, не столько разглядевшая, сколько догадавшаяся по звукам, чем

он занимается.

– Нам она все равно не пригодится, – пожал плечами Игорь и, ухватив стол за одну из ножек, с размаху шарахнул его другой ножкой об пол. Послышался треск. – Посуды у нас нет, и не будем же мы класть еду прямо на эти грязные доски.

– Ну да. А после нас – хоть потоп.

– Мне казалось, ты любишь природу, – усмехнулся он. – Должна жалеть деревья, а не эту никому не нужную рухлядь.

– Природе ничего не будет от нескольких сломанных веток. Осина новая вырастет. А вот уничтожать плоды чужого труда мне всегда казалось... противоестественным.

– Сама говорила – естественно еще не значит хорошо, – он окончательно отломал первую ножку и принялся за вторую.

– Но и еще не значит плохо, – возразила девушка. – От естественного можно отклоняться как вверх, так и вниз. Скажем, животные едят друг друга, это естественно. Мы не едим друг друга, и это отклонение вверх. А вот убивать друг друга не потому, что голодны, а просто ради удовольствия от убийства и мучительства – это отклонение вниз. И всякое удовольствие от разрушения, в общем-то... даже когда речь о неодушевленных предметах. Кто-то делал, старался. А ты пришел и сломал. Вот, типа, какой ты крутой.

– Да при чем тут крутизна?– возмутился Игорь. – Просто не хочу выходить на мороз и ломать там заснеженные ветки голыми руками, – он уложил отломанную ножку одним концом на вторую, а другим – на пол и прыгнул сверху, ломая длинную деревяшку пополам. – И вообще, можно подумать, я тут шедеврами искусства печь топлю...

– А вот я не знаю, как бы ты и с шедеврами обошелся, в каком-нибудь, скажем, захваченном вражеском городе, – непреклонно ответила Елка. – Ты просто свою довольную рожу сейчас не видишь. А мне этот блеск в глазах, знаешь ли, с детства знаком. С тех пор, когда... меня доставал один хулиган, обожавший ломать мои игрушки.

– Ты мою рожу сейчас тоже не видишь, – парировал он. – темно слишком.

– Ну, вечером видела, когда еще не совсем темно было...

– И вообще, если тебе не нравится, как я решаю проблему отопления – можешь идти на мороз за дровами сама.

– Ладно, ладно, – проворчала Елка, собирая волосы в хвост. – Начал ломать, так уж доламывай, чего уж теперь.

– Вот то-то же, пацифистка. Сама-то с фидорами что сделать мечтаешь?

– Это совсем другое. Они заслужили. Насилие по отношению к насильнику – это совсем не то же самое, что делает он сам. Это просто восстановление справедливости. А вот их произведения искусства я бы уничтожать не стала. И даже их мебель ломать без необходимости. Глупо мстить ни в чем не повинным предметам.

– Я никому не мщу, я просто топлю печь, – напомнил Игорь, щелкая зажигалкой.

– А я уже не про тебя, я вообще.

Чернота за окнами меж тем уже начинала сереть, и Елка заявила, что идет за зайцем. Когда она вышла, Игорь подошел к окну и наблюдал за фигуркой девушки, пока та не затерялась в предрассветных сумерках среди деревьев. Елка ушла вовсе не туда, откуда они пришли накануне и где, по ее словам, она собиралась ставить силки. Впрочем, рассудил Игорь, это логично – раз уж они ничего не могут поделать со своими следами на снегу, не стоит, по крайней мере, ходить к своему убежищу по прямой. Лучше петлять, как те же зайцы.

Он вышел наружу справить нужду и поспешил вернуться обратно в тепло. Вопреки всплывшей в памяти старой хохме, облегчение мочевого пузыря не привело к облегчению на душе. Сколько ни путай следы, а пройти по ним все же можно, и вагончик отнюдь не был надежным убежищем. Другого варианта не было – им необходимо было провести ночь в тепле, они бы не выжили без спальных мешков на морозе. Но это должны понимать и те, кто их ищет.

И прочесывать окрестности в поисках любых одиноких домиков, сторожек, сараев и всего такого прочего, способного послужить убежищем беглецам. Обозначен ли этот вагончик на каких-нибудь военных топокартах? Не факт, но и не исключено. На спутниковых снимках он вполне может быть различим. Летом в "зеленке" – нет, а вот зимой заросли тонкой осины не способны укрыть его по-настоящему. Вполне возможно, разумеется, что преследователи давно потеряли их след и вообще не ищут их в лесу, а проверяют более цивилизованную местность. Тем более что там-то, по нынешним временам, всяких заброшенных строений хоть отбавляй. Но, во-первых, опять-таки, не факт, а во-вторых, все зависит от того, какие силы брошены на поиски. Если он действительно сильно нужен врагу, фидоры могли задействовать множество поисковых групп, чтобы обшаривать и населенные, и дикие районы. Всю площадь, куда за это время беглец мог добраться чисто физически. В конце концов, она не столь уж велика – они знают, что уходить он может только пешком. Если бы ему и удалось раздобыть транспорт, на дорогах блокпосты...

Он продолжал всматриваться в постепенно светлеющий осинник, пока не заметил мелькнувший вдали между тонкими стволами силуэт. Человек был один и шел не к вагончику, а мимо; Игорь подумал, что это, скорее всего, Елка, возвращающаяся по "заячьей петле", но решил не расслабляться. Он следил за мелькающей фигурой, пока та не скрылась в мертвой зоне, не просматриваемой из маленьких окон ни с одной, ни с другой стороны.

Через некоторое время фигура показалась снова – уже гораздо ближе и с другой стороны, шедшая в обратном направлении. Это был человек в осеннем камуфляже с автоматом, висевшим на плече в изготовленной к стрельбе позиции – и по прическе Игорь действительно узнал Елку. Никакого зайца у нее, однако, не было.

– И где же наш завтрак? – осведомился Игорь, когда девушка, с усилием дернув скрипучую дверь, появилась на пороге.

– Сожрали без нас, – мрачно ответила Елка, входя и захлопывая дверь. На мертвецов она уже даже не взглянула. – Я нашла только кровь на снегу и собачьи следы. Тот крик не только мы слышали. Надо было все-таки сразу идти, не ждать рассвета – хотя, наверное, все равно бы не успела...

– Собачьи? Может, волчьи?

– Не исключено, но, по-моему, для волчьих мелковаты все-таки. Хотя волки тоже разные бывают. До войны в этих местах волков не было, их перебили давно, но теперь, конечно, могли появиться. Но скорее все-таки бродячая собака. Я же говорила, их теперь много по лесам бегает.

– Надо было грохнуть ту псину, зря ты ее пожалела.

– Вряд ли это она, далековато от того места. Тут своих хватает.

– Ну ладно, – вздохнул Игорь, – может, это даже и к лучшему, что завтрак накрылся. Значит, нас тут ничто не задерживает, и надо уходить прямо сейчас, пока окончательно не рассвело.

– Погоди, – произнесла Елка нехарактерным для нее просительным тоном, – дай хоть погреться, там сейчас натуральный колотун.

Игорь вспомнил, как она одета – под дырявой курткой одна только футболка, и слишком большие ботинки без носков. И, само собой, ни шапки, ни перчаток, как и у него самого.

– Ладно, – решил он, распахивая дверцу плиты, – греемся, но недолго. Нельзя нам тут засиживаться.

– Что-то не так?

– Просто интуиция.

– Я бы ей на твоем месте так слепо не доверяла, – усмехнулась Елка, присаживаясь на корточки у огня. – Ты со своей интуицией в плен попал.

– Зато жив остался.

Они просидели, вытягивая руки к огню, минут десять. Затем Елка решительно поднялась

первой:

– Ну ладно, идем.

Она направилась к двери, но Игорь прежде выглянул в окно и застыл всматриваясь.

– Поздно.

В предрассветных сумерках между деревьями, словно белые призраки, двигались силуэты в зимних маскхалатах.

Девушка, уже взявшаяся было за ручку, отдернула руку и поспешно вернулась к окну, встав боком у края, так, чтобы ее трудно было заметить снаружи. Игорь уже занял такую же защитную позу по другую сторону окна.

– Может, это еще не сюда... – произнесла Елка почти жалобно и тут же оборвала себя: – Нет, сюда, конечно, куда же еще.

Действительно, враги быстро приближались, направляясь прямиком к вагончику. Наверняка они уже видели следы на снегу – но, возможно, пока считали, что их самих еще не заметили. Девушка решительно сдернула с плеча автомат.

– Дай мне, – негромко сказал Игорь.

– Нет. Тебе неудобно в наручниках.

– Ничего. Упру в край окна...

– Забыл уговор? Я командую.

– Девочка, это уже не игрушки!

– Я, блин, заметила, – процедила она, глядя на приближающиеся фигуры.

– Тогда хотя бы подпусти поближе, – обреченно выдохнул Игорь, вытаскивая из кобуры пистолет.

Но Елка уже разбила стволом стекло и ударила длинной грохочущей очередью. Наступающие тут же попа́дали на землю. Игорь, не разбираясь, кто из них ранен, а кто просто залег, сам рухнул на пол среди осколков и горячих гильз, силой увлекая девушку за собой в ожидании ответного огня. Эти ржавые стенки защитят разве что от мелкашки, автоматные очереди прошьют такой вагончик насквозь...

Но враги не стреляли.

– В чем дело? – он недоуменно приподнял голову. – С такого расстояния ты вряд ли попала хоть в одного!

– Они не будут стрелять, – ответила Елка. – Ты нужен им живой.

В следующий миг она вскочила и выпустила, на сей раз, две короткие очереди в окно – влево и вправо, а затем нырнула обратно на пол.

– Обползти пытались, – пояснила она и так понятное. – Объяснила им, что они неправы.

– И что дальше? – мрачно спросил Игорь и сам же ответил: – Сейчас они отползут назад и окружат нас вне зоны прицельного огня. А там или запросят подкрепление, или будут брать измором, или тупо попрут сразу со всех сторон. Да вообще, через эти окна нет кругового обзора, с торца можно наступать вообще безопасно. А у нас всего один магазин – второй ты ж уже почти высадила.

– Да, – согласилась Елка. – Поэтому у тебя несколько минут.

– На что?

– Вылезти через окно сзади и оказаться за окружением прежде, чем они его замкнут.

– Да. Все равно погонятся, но оставаться – точно хана. Идем.

– Нет, – помотала головой Елка, – ты иди, я прикрою, – она снова быстро приподнялась, выстрелила в окно и нырнула обратно.

– Геройских фильмов насмотрелась? – возмутился Игорь.

– Простой расчет, – спокойно ответила девушка, выдергивая опустевший магазин и вставляя на его место второй. – Им нужен ты. Нашим тоже. И с твоей ногой ты еще бегаешь не ахти. Надо дать тебе время убраться, пока я буду сдерживать их.

– И что потом?

– Уведу их по другому следу, оторвусь и нагоню тебя.

– Как ты оторвешься от здоровых мужиков?

– Им нужен ты, – повторила девушка. – Когда они поймут, что я не ты, они бросят преследование.

– А если тебя возьмут, минимум, для допроса?

– Я живой не дамся. Это мы уже проходили. Если не дождешься меня до конца дня – уходи один на юго-запад. Всё, – прикрикнула Елка, видя, что он опять собирается возразить, – времени нет! Встречаемся на вершине холма, – она махнула рукой, указывая направление, хотя с пола вагончика холм не был виден. – Того, что ближе.

– Но ведь это мы опять идем назад? – сообразил Игорь.

– Поэтому они вряд ли будут искать нас там.

– Если бы не следы на снегу...

– Следы путай, как сумеешь, не прись по прямой! Все, пошел!

Это была та самая ситуация, о которой он размышлял в первое утро их бегства. Спасаться самому или спасать Елку. Но в данном случае она просто не оставила ему выбора – спорить и в самом деле некогда, и не может же он тащить ее силой, а тем более – заставить уходить первой! А остаться здесь вместе с ней, имея из оружия только пистолет с восемью патронами, и дожидаться, пока их обложат со всех сторон – это не просто верная хана, а верная бессмысленная хана для них обоих. Шансов ускользнуть по одному все-таки больше, чем если прорываться вдвоем. Поэтому он лишь бросил: "Ты тоже не задерживайся здесь" и, низко пригибаясь, перебежал на другую сторону вагончика, к заткнутому тряпьем окну. Защищая руки этим тряпьем и собственными рукавами, быстро выломал оставшиеся куски стекла и, ухватившись за ствол росшего снаружи дерева, головой вперед вылез в окно.

Оказавшись на снегу среди обступивших бытовку осин, он увидел следы, веером расходившиеся от вагончика между деревьями в разные стороны. Не иначе, Елка постаралась еще вечером, протаптывая их – вот, стало быть, почему она так задержалась. Умно – теперь преследователям и в самом деле непросто будет понять, по какому следу идти (в то время как большинство этих следов, конечно – всего лишь петли, выводящие обратно к вагончику). Игорь мгновенно выбрал одну из этих траекторий (левую, но не самую левую) и, стараясь ступать точно след в след – ботинки у них были одного размера – поспешил прочь от вагончика, бросая быстрые взгляды по сторонам. Нет, противник еще не успел обойти с флангов. Позади него вновь коротко простучал автомат Елки – а затем, когда Игорь уже уверился, что ответа по-прежнему не будет, вдруг застрекотала ответная очередь. Игорь резко пригнулся, понимая, что вагончик, все еще остающийся межу ним и стрелком – никакая не защита. Разумеется, когда ты слышишь выстрел, нагибаться и прятаться уже поздно – "свою пулю не услышишь", она летит быстрее звука. Но это не значит, что надо подставляться под следующие.

Его не зацепило, и вообще, по всей видимости, пули, прошив вагончик, ушли куда-то в другую сторону – он не слышал ни свиста, ни треска и шороха сбитых веток. Но почему они стреляют? Неужели как-то поняли, что его уже нет в вагончике? Или он не так уж сильно нужен им живым – то есть предпочтительно, но вовсе не обязательно? Или они вообще не за ним охотятся? Что, если это не поисковая группа, а просто какой-то случайный отряд, шедший через лес и даже не знающий о поисках важного пленника? Хотя, конечно, с чего бы им тогда лезть в эти глухие заросли...

Ладно. Об этом будем думать потом. Сейчас главное – оторваться. Если Елка и ошиблась в расчетах, один с пистолетом он ее уже не спасет, даже если вернется. А у него все еще есть миссия, которую он не может вспомнить, но которую должен выполнить.

Он еще раз оглянулся, а затем побежал – настолько быстро, насколько позволял снег, сперва по-прежнему по следу Елки, а затем, когда тот стал все сильнее заворачивать влево – уже

по снежной целине. Еще несколько раз он слышал позади стрельбу, но уже не мог определить на слух, кто это стреляет. Очевидно, Елке с ее последним магазином могли принадлежать лишь короткие очереди на 3-4 выстрела. Во всяком случае, перестрелка оставалась на том же месте, и Игорь мог надеяться, что его все еще не преследуют. Хотя, конечно, нападающие могли и разделиться, и если одна группа разбирается с тем, кто отстреливается из вагончика, а вторая тем временем продолжает погоню...

В затяжных перерывах между выстрелами он пару раз слышал и крики, но был уже слишком далеко, чтобы разобрать слова. Впрочем, что там разбирать, и так ясно – кричат "сдавайтесь, если хотите жить"... Видимо, все-таки он им нужен живым, раз они до сих пор не подползли с торца и не забросили в окно гранату. Но долго ли еще Елке удастся пудрить им мозги – и главное, что будет, когда им надоест ждать... А надоест им, очевидно, через несколько минут после того, как она выпустит последний патрон. То есть предпоследний, если последний она оставит для себя... Проклятье. Если она все еще там, все еще отстреливается, если это не враги лупят по пустому вагончику, боясь подойти и проверить, то у девчонки нет шансов, ей не выбраться. Некоторая надежда была бы, если бы Елка последовала за ним спустя пару минут – но она предпочла обеспечить ему как можно большую фору. А теперь бытовка уже точно окружена, и шансов на прорыв никаких. А он уже почти поверил, что эта история закончится хорошо для них обоих...

Позади раздалось еще несколько быстрых выстрелов, сливающихся друг с другом – видимо, стреляли несколько человек сразу – а затем, после короткой паузы, одинокий щелчок. Неужели всё?! Игорь надеялся, что услышит продолжение. Но продолжения не было...

Он выбрался из осинника к подножию холма, заросшего более серьезным лесом, и, хотя подъем был пока еще пологим, вынужден был остановиться передохнуть. Сплюнул в снег мокроту, дыша тяжело и хрипло. Дыхалка у него уже не та, все-таки не врут врачи про вред курения, черт бы их побрал... Лодыжка ныла, но уже не так, как пару дней назад – а вот ребра все еще отзывались болью на каждый глубокий вдох, они заживут еще не скоро...

Ничто, кроме его хриплого дыхания, не нарушало тишины. С момента, когда он услышал последний, одиночный выстрел, прошло уже минут пятнадцать, и незачем обманывать себя надеждами. Все кончено. Видимо, у нее все-таки хватило духу это сделать. А может, фидоры добили раненую – в самом деле, не тащить же им ее с собой.

Это война, напомнил себе Игорь, как наверняка делал уже много раз в своем скрытом в тумане прошлом. Здесь в любой момент могут убить кого угодно. Здесь жертвуют жизнью даже не ради близких друзей, а ради какого-нибудь совершенно незнакомого парня. Который даже спасибо тебе не скажет, который даже не узнает, кто его спас, кто подарил ему несколько драгоценных минут или секунд, отвлекая огонь на себя...

Но ей даже не исполнилось семнадцати. И она не была солдатом. Она просто в неудачный день пошла искать козу...

Я не тащил ее с собой, сердито напомнил себе Игорь. Никто не мешал ей вернуться на свой хутор – пусть даже там остался один сарай, ведь жила же она там прежде. Но ей непременно хотелось поучаствовать в войне, чтобы отомстить. Ну а уж если сама лезешь в мужские игры, то не жалуйся! И не рассчитывай на снисхождение. Он ведь, между прочим, предупреждал ее, что надо уходить. Сама судьба, оставившая их без завтрака, делала им прозрачный намек и давала шанс. Но нет, принцессе хотелось погреться! И в итоге эти самые десять минут задержки и стали роковыми.

Сама виновата, она сама виновата, зло твердил он себе, шагая вверх по заснеженному склону, продираясь через густой подлесок. Звучало не особо убедительно и уж тем более вряд ли справедливо по отношению к девушке, пожертвовавшей собой, чтобы спасти его – чем бы она при этом ни руководствовалась. Но лучше такое самовнушение, чем без всякой пользы винить и терзать себя...

Уже давно рассвело, но в лесу было довольно сумрачно, ибо небо вновь затянула беспросветно-серая низкая облачность. Что было, однако, куда лучше солнца и ясного неба, означавших мороз; теперь же, напротив, теплый фронт вновь отвоевывал позиции у холодного, хотя дувший вдоль склона сырой ветер особенно теплым и не казался. Вершина соседнего, более высокого холма уже терялась в облачной мути, и Игорь обдумывал, опустятся ли облака настолько низко, чтобы погрузить в туман и ту вершину, на которую он сейчас поднимался по кривой траектории. С точки зрения ухода от преследования это было бы, безусловно, неплохо, и даже если снова посыплется снег – пусть заметает следы и еще больше портит видимость. Но вот встретиться там на вершине без четких ориентиров...

"Брось, – оборвал он себя, – встречаться больше не с кем, и ты это знаешь. Ты остался один."

Поднимаясь по диагонали, он оказался, наконец, на подветренной стороне холма, где промозглый ветер почти не чувствовался, и воздух, казалось, потеплел сразу на несколько градусов. Впрочем, Игорь скоро понял, что, несмотря на подъем вверх, и в самом деле становится теплее, и это не иллюзия, вызванная физическими нагрузками – это подтверждало изменившееся ощущение снега под ногами. Тот был уже не сухим и рассыпчатым, не морозно-скрипучим, как накануне, и не подернутым затвердевшим настом, как с утра, а липким, мягко похрустывающим под берцами. Из такого хорошо лепить снежки, снеговиков и снежные крепости... возможно, удастся вылепить и снежный дом на ночь, если он не сможет найти пристанища получше. Впрочем, было и что-то тревожное во всем этом, и оно не было связано с врагами – но Игорь никак не мог сообразить, что именно. Он определенно знал это раньше, проходил на каких-нибудь тренингах, но, в отличие от умения обращаться с оружием, эти воспоминания никак не хотели вернуться. Какие-то его недавние мысли зацепили их, словно больной зуб, но не смогли вытащить наружу. Игорь попытался снова прокрутить в голове то, о чем он только что думал. Дом в эскимосском духе... нет, не дом... снежная крепость... снеговик... снежный ком... лавина! Большое количество недавно выпавшего снега в сочетании с резкой переменой погоды повышают риск лавин. Особенно на подветренном склоне, где он находится прямо сейчас – а лес хотя и снижает риск по сравнению с голым склоном, но полной гарантии не дает. Эти холмы не тянут на настоящие горы, но и простыми кочками их не назовешь... и может быть, тот самый бурелом, через который они пробирались – результат не ветра и дождей, а как раз сошедших по склонам лавин?

Игорь поднял голову в направлении вершины – и не увидел ее. Вместо этого сверху на него надвигалась белая муть, и он почувствовал мгновенный испуг: вот оно! Но уже в следующий миг понял, что это никакая не лавина, а всего лишь подгоняемое ветром облако, перевалившее вершину и ползущее вниз по склону. Все, как он и хотел – облачность спустилась совсем низко и скоро скроет беглеца от любых возможных преследователей.

Действительно, не прошло и получаса, как его накрыло сплошное белесое марево. Казалось, что температура снова резко упала на десяток градусов, хотя это была лишь обычная иллюзия, возникающая при высокой влажности. Периодически потирая уши и согревая нос теплым дыханием изо рта, Игорь шагал в густом тумане от дерева к дереву, постепенно поднимаясь все выше. Теперь он помнил об опасности лавины, но исходил из того, что толстые стволы старых деревьев выдержат удар (по крайней мере, их не свалило за все предыдущие зимы), и главное – успеть вовремя укрыться за таким стволом, если сверху раздастся подозрительный шум. Но все было тихо – лишь иногда из тумана доносился мягких "плюх", в первый раз заставивший Игоря настороженно замереть, однако вскоре он понял, что это такое: с той или иной ветки срывался комок подтаявшего снега, явно не способный вызвать катастрофические последствия.

Когда он заметил цепочку следов в снегу, у него мелькнула мысль, что он сбился с пути и вышел на свой собственный след (возможно, описав уже полный круг вокруг вершины, хотя по

ощущениям до этого было еще далеко), однако он тут же понял, что это не так. Следы вели вниз, и оставили их явно больше одного человека.

Игорь в очередной раз быстро огляделся по сторонам, но по-прежнему не увидел ничего, кроме клубящегося, подгоняемого ветром тумана (он же – облако), в который уходили призрачными тенями силуэты деревьев. Слух тоже не доносил никаких звуков, способных выдать идущих по зимней местности отряд – не скрипел снег под ногами, никто не кашлял, не сморкался, не харкал густой слюной курильщика. И тем не менее, следы были свежие, с резкими, не успевшими подтаять краями. Эти люди – мужчины в армейских ботинках, кто же еще – прошли здесь, быть может, не больше получаса назад. И если бы не туман... впрочем, в этом случае он бы, скорее всего, заметил их раньше, чем они его.

Второй поисковый отряд? Или подмога, вызванная первой группой? Те, конечно, давно уже вошли в вагончик – но нашли там только одно тело вместо двух, и притом не то, которое их интересует... А может быть, конечно, и так, что эти наверху просто услышали выстрелы и пошли проверить, что там происходит. В любом случае, если они наткнутся на его следы...

Но сейчас они находятся снизу, под ним. А значит... он может устроить им то, чего опасался сам. Спустить на них лавину!

Он принялся сгребать снег и пихать его ногами вниз по склону. Однако никакой лавины не получалось; комья, перевернувшись пару раз, останавливались и застревали в липком снегу. В конце концов Игорь слепил ком побольше и покатил его вручную прямо по следам, толкая, пока ком не набрал достаточную массу и скорость, чтобы продолжить путь вниз уже самостоятельно. Игорь довольно распрямился, дуя на закоченевшие пальцы, ком прокатился еще с десяток метров, с хрустом подминая под себя тонкие сухие стебли подлеска, благополучно проломился сквозь более плотные кусты, но затем все-таки ударился о полускрытый в тумане мощный сосновый ствол и развалился на куски. Игорь разочарованно понял, что зря теряет время. Отдельным комом ничего не добьешься, тот рано или поздно – причем скорее рано, чем поздно, учитывая густоту здешнего леса – уткнется в препятствие. Чтобы спустить настоящую лавину, надо, чтобы оторвался снежный пласт по всей длине на широком участке, а это у него никак не получалось.

Ну ладно. Тогда неплохо бы выяснить, откуда притопали эти типы. Просто перевалили через вершину холма (сам бы он предпочел обойти таковую, а не топать вверх-вниз), или как раз там они и базируются? Почему бы и нет. Это не господствующая высота, соседний холм выше, но посадить сюда, скажем, парней с "Иглами", чтобы посматривали за небом, или еще каких наблюдателей или корректировщиков – дело вполне реальное. Елка считала эту вершину безопасной, раз назначила там встречу, но откуда ей знать, кто тут окопался за последнее время...

Игорь вернулся к тому месту, откуда покатил ком, пошел вверх, ступая по следам чужаков. Вблизи, конечно, всякий заметил бы, что отпечатки его ботинок развернуты в противоположную сторону, но издали казалось, что это одна общая цепочка следов. Разумеется, он понимал, что если на вершине и в самом деле оборудована позиция, то эта братия не снялась оттуда всем личным составом, а оставила кого-то приглядывать за хозяйством. Однако он рассчитывал, что в тумане сумеет подобраться достаточно близко, чтобы оценить обстановку, оставаясь при этом незамеченным. Есть много примет, которыми выдает себя человеческое жилье – даже хорошо закамуфлированный блиндаж и даже при близкой к нулю видимости. Запахи, к примеру, причем зимой они особенно заметны. Дыма, еды, курева – а он как раз подбирается с подветренной стороны...

Словно в ответ на мысль о куреве его взгляд зацепился за характерную ямку справа (с его точки зрения – слева) от следов. Ну точно – кто-то из них бросил в снег бычок. Игорь поспешно наклонился и вытащил окурок. Зажрались, суки – тут еще курить и курить... Не думая о брезгливости, он зажал холодный и мокрый бычок губами и полез в карман за зажигалкой (чертовы наручники, до чего же неудобно!).

В правых карманах зажигалки не оказалось. Он обследовал и карманы с левой стороны, но так же безрезультатно.

Дыр в карманах не было, так что, похоже, он отдал зажигалку Елке. Да, теперь он вспомнил – когда он растопил плиту, она требовательно протянула руку за своим трофеем, а он машинально вернул таковой, думая в этот момент о другом. Вот же черт! И дело уже даже не в бычке (хотя курить, конечно, хотелось ужасно, особенно теперь, когда он уже чувствовал табачный запах прямо под носом) – просто он опять остался посреди зимнего леса без возможности развести огонь. Точнее, в принципе такая возможность есть – вытряхнуть порох из гильзы и высечь искру, но это на самый крайний случай, патроны в единственной обойме – на вес золота. (Глупая поговорка, на самом деле. Патроны в его ситуации гораздо ценнее бесполезного золота, которым даже врагов не подкупишь – они и золото возьмут, и тебя грохнут.)

"Ты жалеешь о пропавшей зажигалке больше, чем о погибшей девчонке", – сказал он себе и тут же подумал, что это вовсе не так. Просто Елке все равно уже не помочь, а вот зажигалка ему бы еще пригодилась. Война быстро отучает от глупой патетики. С тела погибшего товарища надо брать все, что еще может понадобиться живым. Особенно когда ты на вражеской территории.

Игорь вынул изо рта окурок, жадно понюхал его, а затем сунул в карман в надежде все же использовать потом, если, конечно, не удастся раньше добыть нормальные сигареты. Затем вытащил пистолет и, стараясь двигаться как можно тише, зашагал дальше по следам на вершину холма.

Подъем становился все более пологим, а деревья вокруг редели; как Игорь и ожидал, вершина оказалась лысой, хотя, если ее и расчищали искусственно, то было это, очевидно, давно – с тех пор она уже успела зарасти кустами и многолетней травой, чьи голые стебли торчали из-под снега. Возможно, каким-то из этих стеблей предстояло со временем стать деревьями... Игорь некоторое время наблюдал из-за последнего высокого ствола, затем, так ничего и не заметив в тумане, двинулся дальше, пригибаясь до высоты кустов. Но как он ни старался проявлять осторожность, а на блиндаж наткнулся неожиданно.

Точнее – чуть было вовсе не прошел мимо, по-прежнему шагая по следам. Но следы, как оказалось, шли вовсе не от блиндажа, а в стороне от него. И скорее интуиция, чем зрение, помогла ему распознать в некой скрытой туманом прогалине среди кустов справа очертания искусственного сооружения.

Он замер, припав на колено и сжимая пистолет. Теперь он уже различил занесенные снегом бревна. Никаких запахов или звуков оттуда, однако, не доносилось. И приглядевшись, под какими углами торчали бревна, Игорь понял – почему.

Блиндаж был разрушен, по всей видимости – прямым попаданием. И, конечно, не этим утром, когда здесь все было тихо, и не накануне вечером, когда стрельба шла не отсюда и не сюда. Уже и запах гари успел выветриться, так что, может, дни, а может, и месяцы назад. Стало быть, отряд, по чьим следам Игорь поднялся на вершину, и в самом деле не квартировал здесь, а просто проходил мимо.

Ну что ж. Это упрощает дело. Остается лишь осмотреть разбитый блиндаж на предмет трофеев – хотя едва ли там найдется что полезное...

Игорь подошел к развалинам. Ну да, хорошо так прилетело, грамотно. Арте зачет. Не только фидоры тут, выходит, "концерты" устраивают. Откуда били, интересно... или это все-таки с воздуха отработали? Он окинул взглядом обугленную дыру, пробитую в бревенчатом настиле, затем все-таки отыскал вход и, пригнувшись, спустился по укрепленным досками земляным ступенькам, уже заваленным снегом. Внутри, как он и ожидал, не оказалось ничего интересного. Все выгорело, посреди черной сажи громоздилась куча снега, нападавшего через пролом. Для очистки совести он все же обошел блиндаж по кругу, опасливо косясь на еще державшиеся

обугленные бревна над головой. Нет, совсем ничего полезного – даже какого-нибудь помятого котелка, только какие-то совсем бесформенные обломки. От находившихся внутри во время удара едва ли осталось много, но, видимо, товарищи, предавшие их останки земле, все же нашлись.

Игорь впервые задумался, зачем он вообще поперся сюда. Разведать вражескую точку – это, конечно, дело полезное, особенно если потом удастся донести эту информацию до своих. Но – лезть на рожон в одиночку, не имея ничего, кроме пистолета с единственной обоймой (да еще в этих проклятых наручниках!), рискуя собой и своей миссией, которую он все не может вспомнить, но которая определенно более важна – когда можно было просто обойти вершину вокруг...

Но Елка назначила встречу здесь, не зная, что здесь творится. И он не хотел, чтобы, если она все-таки выбралась, она напоролась в тумане на врагов.

Что за глупости, сердито сказал он себе. Она не могла выбраться. Он сам слышал ее последний выстрел.

Повернувшись, он полез из блиндажа наверх.

– Чо, уже вернулись?

Прямо над ним, загораживая выход, из тумана возник какой-то тип в камуфляже, бронежилете и с автоматом. Впрочем, автомат висел у него на плече, а сам субъект с благодушной неспешностью застегивал штаны. Надо полагать, только что справлял нужду под каким-нибудь кустом и пока еще не разглядел в тумане и тени хода в блиндаж лица Игоря.

Первым импульсом Игоря было стрелять, пока этот кретин не успел понять, что к чему. Но он тут же сообразил, что лучше не поднимать шума. Это явно не одинокий засранец, отбившийся от остальных из-за поноса. Поблизости есть и другие. Отстроившие новый блиндаж взамен разбомбленного – и, возможно, замаскировавшие его лучше, чем предыдущий. И даже если основной отряд ушел вниз, на хозяйстве явно остался не только этот недоумок, не знающий азов караульной службы. Пока он еще принимает Игоря за своего, заманить его вниз и в полумраке блиндажа по-тихому свернуть шею...

– Мыгы, – неразборчиво промычал Игорь, отвечая на вопрос часового (или кем там был этот тип) и делая шаг назад и вниз по ступенькам. Но недоумок, хоть и с опозданием, все же задался очевидным вопросом:

– Э, а ты чо там делаешь ваще?

– Подь сюды, – негромко прохрипел Игорь простуженным голосом, все еще надеясь, что столь примитивная маскировка позволит ему сходить за своего еще хотя бы несколько секунд. Его лица в тени навеса стоявший наверху караульный, похоже, пока еще не разглядел. – Глянь чо тут...

Но часовой все-таки почуял неладное:

– Э, а ты кто ваще? – он сдернул с плеча автомат и вместо того, чтобы, как надеялся Игорь, самому полезть вниз по ступенькам, резко отступил назад, на безопасное расстояние: – А ну вылазь!

Теперь вариантов не осталось. Игорь тоже мог отступить еще дальше, и остатки навеса закрыли бы его от автоматчика – но это, разумеется, подарило бы ему лишь полминуты, пока сюда не сбегутся остальные. Поэтому он снова полез наверх, возмущенно говоря: "Да ты чо, братан, своих не узнаешь?", но при этом держа опущенными не только голову, но и скованные руки, сжимавшие пистолет, и сутулясь так, чтобы рукава максимально прикрыли кисти. Ему нужно было еще три секунды, чтобы выстрелить наверняка... еще две секунды...

– А ну стой там! Стой, кому...

Игорь вскинул лицо и руки и нажал на спуск. У него не было времени целиться, но он знал по голосу, где находится враг. Пуля должна была войти часовому снизу вверх в подбородок и выйти через затылок.

Глухой щелчок. И это все. Осечка!

"Пиз...ц", – понял Игорь с обреченным спокойствием. Он не успеет сделать больше уже ничего – ни передернуть затвор и выбросить подведший патрон, ни отскочить, потому что у этого гада палец уже напрягся на спусковом крючке, и автомат смотрит прямо в грудь.

Но часовой почему-то медлил. Его лицо (Игорь впервые разглядел его, мордатый дядька лет пятидесяти) внезапно обрело удивленное выражение, глаза под густыми сивыми бровями округлились:

– Ты?!

Еще какая-то фигура возникла из тумана за спиной мордатого. Тонкая рука выскользнула сзади, и острое лезвие десантного ножа стремительным движением перечеркнуло его шею слева направо.

Мордатый удивленно булькнул и выронил автомат, инстинктивно пытаясь зажать рану рукой. Но кровь хлынула между его пальцами на грудь и изо рта на подбородок.

– Елка! – потрясенно выдохнул Игорь, разглядев появившееся над плечом все еще стоявшего на ногах часового лицо.

Девушка молча прижала к губам палец свободной от ножа руки. Игорь торопливо шагнул наверх ей навстречу.

Но мордатый все еще не был мертв. Он уже понял, конечно, что обречен, и не мог ни кричать, ни подобрать выпавшее оружие. Но кое-что он сделать еще смог, и Игорь, устремившийся к брошенному "калашу", заметил это слишком поздно – а Елка из-за спины врага заметить и вовсе не могла.

Умирающий сунул руку в подсумок и вытащил оттуда гранату. У него еще хватило сил выдернуть чеку, после чего граната упала в снег.

– Ложись! – гаркнул Игорь, уже понимая, что в метре от гранаты это не очень поможет. Большинство осколков, конечно, уйдут вверх, но и параллельно земле прилетит очень даже запросто, плюс удар взрывной волны сам по себе. Сам он еще успел бы спастись, скатившись кубарем по лестнице в блиндаж, но Елка...

Игорь бросился наверх, перепрыгнув оставшиеся ступеньки, схватил все еще державшегося на ногах мордатого и повалил его в снег животом на гранату, а сам рухнул сверху.

Грохнуло.

Игорь откатился с теперь уже окончательно мертвого тела туда, где в снегу – лицом вниз, накрыв голову руками – лежала Елка. Автомата при ней, как он успел заметить, больше не было.

– В порядке? – он тряхнул ее за плечо.

Девушка поспешно подняла голову.

– Да! А ты?

– Тоже.

– Тогда бежим! – она пружинисто вскочила на ноги.

Предложение было своевременным – из тумана уже донесся чей-то возглас: "Хряк, что там за херня?" Но Игорь сперва поспешно огляделся в поисках "калаша" мертвеца и обнаружил, что ствол торчит из-под трупа хозяина. Дернув за ствол, он вытащил перепачканное кровью оружие и тут же сплюнул короткое ругательство, обнаружив, что взрыв не только разнес в щепки деревянный приклад, но и повредил ствольную коробку. Вновь быстро зыркнув по сторонам, Игорь отыскал в снегу свой пистолет и побежал вслед за Елкой – прочь от блиндажа, в сторону, противоположную той, откуда взывал к покойному Хряку его сослуживец.

Они снова бежали – сперва в тумане, потом – вниз по склону, уже ниже уровня облаков – так быстро, как могли, с учетом снега, неудобной обуви Елки и все еще дававшего о себе знать растяжения Игоря. Но, несмотря на все эти проблемы, им повезло – какое-то время они еще слышали позади перекрикивавшиеся голоса и даже автоматную очередь, выпущенную, очевидно, "в молоко", но затем все стихло, и не было уже никаких признаков погони. Похоже,

враги, сколько бы их ни было, не решились на преследование в тумане, опасаясь угодить в засаду – и с теми их товарищами, что прежде ушли вниз (в другом, впрочем, направлении), беглецы тоже благополучно избежали встречи. Тем не менее, они мчались, не снижая темпа, петляя между деревьями и избегая полян и прогалин, пока не рухнули практически без сил на дне какой-то ложбины, заросшей кустарником.

Несколько минут они просто лежали в снегу (сейчас – не обжигающе-холодном, а приятно охлаждавшем сквозь одежду их разгоряченные тела), переводя дыхание, глядя в хмурое небо и не забывая прислушиваться к обстановке вокруг. Но все было тихо. Затем издали донесся гул реактивного самолета, который несколько минут спустя с оглушительным ревом прошел, похоже, прямо над ними – но его не было видно сквозь сплошную низкую облачность. Игорь ожидал грохота разрывов на земле или в воздухе, но никто никого не атаковал, и рев двигателей просто затих вдали.

– Черт, – разочарованно проворчала Елка, – я думала, он по холму жахнет. Я понятия не имела, что они там окопались! Иначе я бы, конечно...

– Да понятно, не оправдывайся, – перебил Игорь. – Лучше скажи, как тебе удалось выбраться? Я уж думал, что – все.

– Ха! – девушка довольно ухмыльнулась. – Для начала усадила под окном одного из жмуриков. Так, что только верхушка черепа виднелась. Они видели, что кто-то сидит, но не могли рассмотреть, тот это, кто им нужен, или нет, и на всякий случай в него не стреляли. Так, лупили вверх для острастки, на понт брали. Кричали, мол, сдавайтесь, ага. Ну а я тем временем "рожок" вытащила и сунула в плиту. Только не в самое пламя, а с краешку, чтоб не сразу раскалился. А сама в окно, за тобой следом. Они окружали уже, но издали заходили и еще далеко были, не заметили. А там и патроны рваться начали. Рожок в печке колбасит туда-сюда, а они, естественно, думают, что это по ним палят. Лежат, головы из снега поднять боятся. Я между двумя из них проползла, они ноль внимания – все на вагончик пялились. Тоже мне профи... ну там расстояние приличное до обоих было, но все-таки...

– Ловко, – восхитился Игорь. – И этого Хряка ты прямо профессионально сняла, он и пикнуть не успел... где ты такому научилась?!

– Я уже говорила – мне уже приходилось резать скотину на хуторе, – невозмутимо ответила Елка. – Единственная разница – ту скотину было жалко.

– То есть людей тебе прежде убивать не доводилось?

– А ты как думаешь? Нет, конечно.

– А там, внизу, в перестрелке?

– Ну... – смутилась Елка, – ты сам сказал – там я вряд ли в кого-то попала.

– Не буду даже спрашивать, что ты чувствуешь после первого раза, – усмехнулся Игорь.

– Сожаление, – холодно ответила она.

– В самом деле?

– Да. Что это был не Дракула.

– Кстати, а ты уверена, что все остальные из отряда Дракулы мертвы?

– Да... наверное. Мне было не до того, чтобы их пересчитывать, знаешь ли. Но живых я не видела.

– Этот тип, Хряк – он узнал меня. То есть он, наверное, был в отряде, когда меня захватили... ты его там не видела?

– Я его лица и здесь не видела, – напомнила Елка.

– Ну, мордатый такой, лет пятьдесят, кожа дряблая... нет, – оборвал сам себя Игорь, – у Дракулы, как я понимаю, достаточно профессиональные бойцы были, а это деревенский опущенец типичный.

– Наверное, тем, кто тебя ищет, разослали твои фотографии.

– Да, скорее всего... Эх, поторопилась ты малость. Мне кажется, еще секунда, и он назвал

бы мое имя.

– Ты недоволен, что я спасла твою жизнь? – холодно осведомилась Елка.

– Нет, ты молодец, конечно, это было очень круто... но, кажется, он раздумал стрелять, как только узнал меня. Я же нужен им живым.

– Ну да, разумеется. Он бы просто позвал всю их толпу.

– Да, конечно... – вынужден был согласиться Игорь. – Спасибо тебе, Елка.

– Не за что, – буркнула девушка. – Ты ведь тоже спас меня, так? Честно, не ожидала, что ты станешь рисковать собой ради меня.

– А, пустяки, – отмахнулся Игорь. – На самом деле мне ничего не грозило. Брони даже низших классов хорошо защищают от осколков.

– Но на тебе нет броника.

– Зато на нем был.

– Я к тому, что ты мог не успеть завалить его на гранату прежде, чем взорвется, – довела до конца свою мысль Елка.

– Ну, в общем, была такая вероятность, – признал он. – Но видишь ли, Елка – не все мужики сволочи.

– Интересная мысль, – усмехнулась она. – Я как-нибудь обдумаю ее на досуге.

– А вот автомат ты напрасно бросила, – заметил он почти извиняющимся тоном.

– Зачем он нужен без патронов? Только лишняя тяжесть.

– Патроны можно найти.

– Ага, купить в сельской лавке. Я рассудила, что если найду патроны, там же найдется и оружие. А ты чего ствол этого Хряка не прихватил?

– Его взрывом покорежило... И мой пистолет еще не выстрелил, – вспомнил Игорь и вытащил пистолет, который на бегу сунул не в кобуру, а просто в карман. В ствол, похоже, набился снег – хреново, сейчас и почистить-то нечем. Но главное – надо извлечь дефектный патрон, если, конечно, проблема именно в нем. Игорь сел, оттянул затвор; патрон упал на куртку и покатился. Игорь поймал его прежде, чем тот упал в снег.

– Аа! – вскрикнула вдруг Елка.

Игорь резко обернулся с пистолетом в руке и тут же задрал ствол вверх, чтобы не направлять на девушку. Никаких признаков опасности вокруг он не увидел, но лицо Елки было искажено страданием.

– С-судорога, блин... – она двумя руками вцепилась в икру согнутой правой ноги.

– Не так! – воскликнул Игорь. – Ногу выпрямить, пятку от себя, носок на себя! – видя, что она замешкалась, он выпустил пистолет и ухватил ее двумя руками за ногу – левой за лодыжку, правой за тупой носок берца – а затем сделал руками движение во встречном направлении. – Вот так! Легче?

– А... да. Все, прошло. Можешь отпускать. Кажется, я слишком много бегала в этих здоровенных ботинках, – сказала девушка, словно извиняясь. – Когда на каждом шагу ждешь, что споткнешься, нога все время напряжена...

– Да понятно, – кивнул он. – Я вообще удивляюсь, как ты в них шкандыбаешь... Ладно, отдыхай пока, сразу после судороги ногу лучше не напрягать. Вроде пока за нами не гонятся.

– Но ты оружием-то не разбрасывайся, – заметила Елка, подавая ему пистолет, снова упавший в снег.

– Угу... – он взял оружие и принялся оглядываться по сторонам. – Черт. Патрон куда-то закатился...

Елка вместе с ним принялась осматриваться и даже копаться покрасневшими пальцами среди торчавших из снега прутьев, но безрезультатно.

– Ладно, черт с ним, – решил Игорь. – Он, видимо, все равно дефектный был...

На всякий случай он проверил работу затворного кожуха и магазина, дергая затвор

вручную; патроны падали в подставленные пригоршней ладони Елки, которая обещала проследить, чтобы теперь уже точно ничего никуда не укатилось. Кожух ходил исправно, оружие приятно пахло маслом. По-хорошему, конечно, стоило бы разобрать пистолет и проверить все детали механизма, но этого он сделать не мог. В этом беда "хай-поинтов" – в отличие от многих других моделей, у них кожух не снимешь без инструментов (зато дальше, правда, все разбирается очень легко – но что толку...) Так что Игорь просто снарядил магазин заново, почистил, как смог, ствол отломанной от куста веточкой и некоторое время сидел, с сомнением держа оружие в руках. Стрельнуть для проверки? Пожалуй, все-таки не стоит поднимать шум и тратить патрон, которых теперь осталось всего семь. Хотя – покажись в кустах какая-нибудь живность, хоть заяц, хоть даже ворона, он бы точно стрельнул. Жрать хотелось чертовски. Но живности не было.

– Ладно, – решительно произнесла Елка, поднимаясь, – дальше идти надо.

Игорь тоже нехотя поднялся, повертел головой, осматриваясь по сторонам и пытаясь сориентироваться. Все эти заросшие лесом холмы выглядели чертовски похоже...

– Я правильно понимаю, что мы снова спустились в ту же долину, где ночевали под елкой? – спросил он.

– Не в ту же. В параллельную.

– Такое впечатление, что мы ходим кругами, – недовольно пробурчал он.

– Мы петляем. Самый короткий путь не всегда самый безопасный. Обычно как раз наоборот.

– Я бы не сказал, что до сих пор наш путь был очень безопасным, – заметил он.

– Мы все еще живы, как ты сам сказал, – пожала плечами Елка. – И мы на свободе. Идем.

И они пошли дальше – сперва по дну ложбины, потом, когда заросли кустарника сделались совсем непролазными, поднялись выше и долго шагали через лес, затем по длинной дуге обогнули подножие очередного холма, перебрались через овраг, по дну которого тек ручей, затем, после недолгого привала, миновали обгорелые останки вертолета, сбитого, вероятно, еще в первые месяцы войны (здесь Елка удовлетворенно кивнула и указала новое направление), затем долго поднимались на пологую возвышенность... Облака за это время разошлись, и снег снова засверкал на предвечернем солнце, но Игоря это не радовало – ясное небо ночью почти наверняка означало новый мороз. Елка, похоже, все-таки простудилась и несколько раз чихала, но все равно шагала впереди, как заведенная, словно не чувствуя усталости, и Игорь невольно подумал не с восхищением, а с завистливым раздражением – "Воздухом она, что ли, питается..." Сам бы он сейчас с удовольствием навернул и ледяной фламмулины, но грибы им больше не попадались. Мысли о еде становились настолько навязчивыми, что слабый, но аппетитный запах сперва показался ему лишь плодом воображения. Однако затем он понял, что это не иллюзия.

– Елка!

– Чего? – она остановилась, глядя на него.

– Чуешь – жареным пахнет?

– Уже не первый год, – усмехнулась она.

– Да нет, я в буквальном смысле! Кто-то жрачку готовит неподалеку.

– Ничего не чувствую, – пожала плечами девушка.

– Да у тебя, небось, нос заложен! – он крутил головой, всматриваясь в просветы между деревьями. – Вон же, видишь? Вон там справа дым поднимается!

– Угу, – после короткой паузы согласилась Елка без всякого энтузиазма. – Черт, это мы, выходит, слишком вправо взяли, – она резко повернулась налево.

– Стой! Ты куда?

– А куда ты хочешь? К фидорам в гости?

– Это не фидоры, – покачал головой Игорь. – На вершине холма – ладно, но вот здесь, просто посреди леса, какой смысл оборудовать позицию?

– Это ты у них спроси.

– И спрошу! – сердито ответил он. – Надо подобраться и посмотреть, кто там. Сдается мне – самое обыкновенное жилье. Вон, жареной курицей пахнет. На позициях такие деликатесы не жрут, все больше тушенку из банок...

– Ну даже если и жилье, что с того? Что они – в чьей-нибудь хате разместиться не могут? Да и вообще, я тебе с самого начала сказала...

– Я помню, что ты сказала. Но проверить надо. Нам нужна еда. Нужна теплая одежда – ночью опять будет морозилка. Медикаменты, опять же – ты вон теперь еще и чихаешь, ко всему прочему... Ты знаешь, где все это взять? Где ты сегодня ночевать планируешь?

– Шалаш в лесу сделаем. Тут валежника много.

– Угу, шалаш... Нет уж, я пойду и проверю. На рожон, конечно, лезть не буду, А ты можешь в лесу подождать, пока я разведаю... Так ты не знаешь, что это за жилье?

– Крупных поселений на этом плато нет. Они там дальше впереди начинаются, – Елка махнула рукой. – Внизу под обрывом, до которого нам еще топать и топать. А это хутор какой-нибудь, типа того, где я жила... Но все равно, слишком опасно туда соваться. Тоже мне, разведчик выискался... в наручниках...

– Вот-вот. Эти наручники мне тоже остое...нили. На хуторе, наверное, найдется, чем их распилить.

– Ты забыл, о чем мы договорились? Я командую. И я говорю, что мы туда не пойдем!

– Ну, отдай меня под суд за невыполнение приказа, – усмехнулся Игорь и решительно повернул направо. Он намеренно не оборачивался, но по похрустыванию снега понял, что девушка все-таки идет за ним.

Это действительно оказался хутор – большой, хотя и одноэтажный, деревянный дом с хозяйственными пристройками, обнесенный крепким дощатым забором в человеческий рост, способным, однако, защитить лишь от четвероногих, а не от двуногих непрошеных гостей из леса. Игорь и Елка вышли к нему сбоку (пока еще оставаясь под прикрытием деревьев); главный вход находился слева от них, и оттуда в лес убегала дорога – скорее всего, грунтовая, хотя под снегом было не разобрать. Игорь сразу обратил внимание, что снег на дороге не расчищен и на нем не видно следов ни колес, ни ног – стало быть, по крайней мере со времени снегопада никто сюда не прибывал и отсюда не убывал. Во всяком случае, по дороге и на машине. Да и сами постройки, когда-то крепкие и добротные, теперь носили следы упадка – забор местами покосился, крыша по меньшей мере одного сарая – того, что был ближе к беглецам – явно нуждалась в ремонте. Изнутри не доносилось никаких звуков (включая собачий лай, которого Игорь опасался). Тем не менее, хутор определенно был обитаем, о чем свидетельствовал не только соблазнивший Игоря запах, но и поднимавшийся из трубы дым. Больше поверх забора ничего было не разглядеть.

Беглецы осторожно двинулись в обход хутора, рассматривая его из-за деревьев, пока Игорь не заприметил высокую ель, показавшуюся ему достаточно удобной, чтобы влезть на нее, несмотря на все его травмы и наручники. Отыскав более-менее удобную позицию между колючими ветками, он некоторое время внимательно разглядывал сверху территорию за забором. Теперь он видел пересекавшие двор цепочки следов, но по-прежнему никаких людей. Не было во дворе и техники, хотя один из сараев запросто мог оказаться гаражом. И все же едва ли в этот гараж загнали, к примеру, артиллерию...

– Ну что там? – нетерпеливо спросила Елка, когда он спустился.

– Как я и говорил, фидоров там нет, – уверенно ответил он. – Те бы гораздо больше натоптали. Я бы сказал, судя по следам, на хуторе живет один-два человека. И... с такого расстояния гарантировать не могу, но, по-моему, это не следы взрослых мужчин.

– Думаешь, какая-нибудь женщина не может встретить тебя с двухстволкой? – усмехнулась Елка.

– По нынешним временам может и с пулеметом, – согласился Игорь, – но это все-таки вряд ли.

– С пулеметом – не знаю, а вот охотничье оружие у живущих в такой вот глуши даже при социализме было.

– Если так, оно нам пригодится, – невозмутимо изрек Игорь. – Раз уж ты бросила автомат, дробовик лучше, чем ничего.

– Мы не будем никого грабить! – возмутилась девушка.

– "Реквизировать для нужд обороны" звучит лучше?

– Нам вообще не стоит встречаться с хозяевами. Раз уж тут нет собак – дождемся темноты и заберемся в какой-нибудь из сараев. Ладно, может, реквизируем курицу, если ты настаиваешь. А на рассвете уйдем прежде, чем нас заметят.

– Неплохой план, если в курятнике заодно найдется все остальное, что нам нужно.

– Может, найдется в других сараях. Главное – не соваться в жилой дом.

– А я все же думаю, что лучше вежливо попросить, чем разыскивать в темноте самим.

Елка хотела что-то возразить, но вынуждена была зажать нос, удерживая очередной чих. Она попыталась сделать это, отвернувшись, но Игорь заметил и понял.

– Вот-вот, – кивнул он. – Я сильно сомневаюсь, что мы найдем в сараях лекарства.

– Ладно, – буркнула девушка. – Пойдем в гости, если ты настаиваешь. Но прежде отдай мне пистолет.

– С чего вдруг?

– А зачем он тебе, если там нет фидоров?

– Вежливой просьбой и пистолетом можно добиться больше, чем просто вежливой просьбой, – осклабился Игорь.

– Вот именно поэтому. Я сказала – никакого мародерства! Это мирные жители. И это наши граждане. Я сама жила на таком же хуторе.

– А шарить в темноте по сараям, значит, не мародерство... Ну ладно, ладно, – он с усмешкой протянул ей пистолет вместе с кобурой. – Довольна? Теперь идем.

– Значит, ты – мой брат, – быстро уточнила Елка легенду, – и мы сбежали от бандитов, которые требовали выкуп. Тут теперь такого дерьма полно...

– Да уж не сомневаюсь.

– Короче, чистый криминал, не политика. Политику и войну не обсуждаем.

– Лично я жажду обсудить только жрачку, одежду и чем распилить наручники, – заверил ее Игорь.

Они вышли из леса и подошли к воротам. Большие створки были заперты изнутри, но калитка, проделанная в правой из них, легко открылась.

Пока они шагали через безлюдный двор, Игорь похвалил свой глазомер – следы на снегу определенно принадлежали женщине. Слишком маленькие для мужчины и в то же время слишком глубокие для мальчишки. Хозяйка, как видно, была довольно грузной. Обратил он внимание и на собачью конуру слева, откуда по-прежнему не доносилось ни звука. А вот зрелище, открывшееся ему дальше справа, чуть было не заставило его вздрогнуть: у стены примыкавшего к дому сарая была сложена высокая поленница, а перед ней торчала из снега колода с воткнутым в нее топором. Зрелище было совершенно естественным для жилища в лесу – вот только и топор, и колода, и снег вокруг были забрызганы кровью, похоже, довольно свежей.

– Курица, – спокойно констатировала Елка, заметив направление его взгляда, – или еще какая-то живность.

– Да понятно, что не человек, – буркнул Игорь, хотя воображение вдруг нарисовало ему иную картину: кому-то отрубили ногу, чтобы лишить возможности бежать и заставить работать на этом хуторе... Он даже удивился, откуда у него такие фантазии.

Они подошли к крыльцу, но подняться на него не успели. Дверь внезапно распахнулась, и оттуда шагнула дородная женщина лет шестидесяти, одетая тепло, но на редкость невзрачно – бордовая кофта с наброшенным на плечи серым платком, длинная шерстяная юбка бурого цвета, толстые колготы с начесом и старые растоптанные боты. В руках она держала ведро, которое тут же и выплеснула широким движением с крыльца вниз, прямо на непрошеных гостей.

Елка и Игорь шарахнулись в разные стороны, продемонстрировав отменную реакцию, так что основная масса грязной воды плюхнулась в снег между ними, но брызги все же окатили их штаны, добавив несколько пятен к камуфляжной расцветке. На мгновение все трое застыли в немой сцене (даже Игорь проглотил готовое вырваться ругательство), не зная, что делать дальше. Первой, как ни странно, опомнилась бабка.

– Ой! – воскликнула она. – Я ж вас не видела! А вы кто такие вообще?

– Я Елена, а это мой брат Игорь, – Елка решительно выступила вперед, явно желая отвлечь первое внимание хозяйки от небритого мужика в наручниках и с побитой физиономией. Впрочем, ее продырявленная камуфляжная куртка и армейские берцы не по размеру тоже выглядели достаточно подозрительно. – Мы в лесу заблудились, вот хорошо, что к вашему хутору вышли, думали уже – замерзнем совсем... Нам очень не хочется вас беспокоить, но нам правда нужна помощь!

– В лесу заплутать, конечно, не мудрено, – покивала хозяйка. – Лес большой. А что ж вас понесло-то туда? Для грибов-ягод вроде как не сезон, – теперь она явно заметила наручники и смотрела на них, хотя Игорь и пытался скрыть их рукавами.

– Я понимаю, что вас беспокоит, – сказал он, поднимая руки. – На меня бандиты наехали, денег требовали. А сестренка мне сбежать помогла. Она у меня боевая. Охмурила охранника, ну и... прямо хоть кино снимай, – ничего более остроумного он на ходу не придумал, но, глядишь, для хуторской бабки сойдет. – Но вы не волнуйтесь, погони за нами нет, никто сюда не заявится. Нам бы только перекусить чего-нибудь и обогреться, и мы дальше пойдем.

– Сестренка, значит? – хозяйка недоверчиво переводила взгляд с одного беглеца на другого, явно не усматривая между ними фамильного сходства. – И на сколько же лет она тебя моложе?

– На пятнадцать, – быстро ответила Елка. (На самом деле на все двадцать, подумал Игорь, хотя он до сих пор не мог вспомнить дату своего рождения.) – У нас матери разные, – добавила девушка для правдоподобия. – Он от первого брака, я от второго. Так можно нам войти? Мы бы вам заплатили за хлопоты, но у нас ни гроша. Но я по хозяйству помочь могу, я с детства привычная...

– Ладно, заходите, чего на пороге стоять, хату студить, – решила хозяйка. – Меня Анной зовут, можете теткой Аней звать.

Они, наконец, вошли в натопленное помещение, и Елка чуть не замурлыкала от удовольствия. Тетка Аня сразу повела их на кухню, но Игорь хотел первым делом решить наиболее раздражавшую его проблему:

– А ножовка найдется тут у вас? Ну, цепь чтобы перепилить.

– Не, ножовки нет, – покачала головой хозяйка. – Обычная пила есть, по дереву, но она стальную цепь не возьмет, зубья слишком крупные...

– А топором перерубить сможете?

– Без пальцев хочешь остаться? – вмешалась Елка, не дожидаясь ответа тетки Ани. – Во-первых, по такой короткой цепи с размаха еще попасть надо. А во-вторых, это ж закаленная сталь! Даже с полного замаха вряд ли выйдет. Топор отскочит, и как раз тебе по руке.

– Вот-вот, – охотно согласилась хозяйка. – Еще, небось, и топор выщербится. Ты уж, Игорь, не обессудь, но коли тебе своих рук не жалко, хоть мой топор пожалей.

– Что – неужто во всем доме никакого инструмента, чтобы снять эти чертовы наручники?!

– У меня тут хутор, а не мастерская, – развела руками тетка Аня. – Вот мой зять бы тебе помог, у него бы все нашлось. Но он тут никогда не жил, а теперь и подавно. Ничего, как-нибудь ложку до рта донесешь... А я прям как чувствовала, что у меня нынче гости будут, – продолжала хозяйка, усаживая их за стол, – курицу вот зарезала... хотя, конечно, что с ней еще делать, ежели она больше не несется... Мне-то одной целой курицы много, а на троих, небось, мало будет, ну да ничего, я сейчас еще картошки поставлю, и хлеб вот берите, утром пекла – уже не такой, конечно, как только что из печки, но все лучше, чем эти магазинные буханки, уж и не знаю, из какой трухи их пекут, ни вкуса, ни запаха... А потом будем чай пить с медом, мед-то тоже свой, лесной, у меня ж тут пасека...

Беглецов не нужно было уговаривать – они набросились на еду чуть ли не с урчанием. Тетка Аня, еще недавно взиравшая на подозрительных незнакомцев недоверчиво, теперь с умилением наблюдала, как они уплетают приготовленные ею яства. Возможно, они напомнили ей членов ее собственной семьи, когда-то собиравшихся за этим столом...

– Так вы тут одна живете? – осведомилась Елка, когда, наконец, почувствовала себя в состоянии не только жевать, но и говорить. Игорю и самому не терпелось узнать ответ на этот вопрос, но он не знал, как задать его, чтобы не пробудить опять подозрения старухи. Но из уст девушки ее, похоже, этот вопрос не насторожил.

– Третий год уже, – печально кивнула тетка Аня. – Муж-то мой два года как помер, хоть и не старый был еще, семидесяти не было... в прежние времена-то спасли бы, у него и раньше бывало, что сердце прихватывало – а сейчас-то ни в какую "скорую" не дозвонишься, ни телефонов, ни самих "скорых" теперь... когда бои тут рядом шли, еще можно было у военных помощи выпросить, хотя им тоже свои раненые важнее, а уж как они ушли, так и вообще выживай, кто как может... Ну а дочка еще до всего этого замуж вышла и в город к мужу уехала. Он-то хороший парень, работящий, автомастерская у него своя была, он уже и расширяться надумывал, работников нанимать – а как бои за город начались, еле они ноги унести успели, дочка-то с мужем. И дом, и мастерская – все в крошево, слава богу хоть сами живы... ребенка вот только потеряли...

– Выкидыш? – понимающе кивнула Елка, догадавшись, что речь идет о нерожденном ребенке.

– Да нет, сами... Ни жилья, не денег, куда ж я, говорит, теперь с пузом... да и вообще, что там дальше будет, непонятно, где уж тут рожать... беженцы они теперь, "внутренние перемещенные лица", так это официально называется... там, на западе...

– А на хуторе, значит, жить не захотели? – уточнил Игорь. – Все-таки крыша над головой и хозяйство...

– Я предлагала, дочка ни в какую. У вас там, говорит, беспредел полный, сегодня наш дом раздолбали, завтра и с твоим то же будет... тьфу, тьфу, говорю, типун тебе на язык... хотя, вообще-то, права она, – добавила старуха, невольно заговорщицки понизив голос. – Тут сейчас кто только не шляется, и сюда тоже забредают... пса вот застрелили, ироды, не понравилось им, вишь ты, что он на них лает... А что ему делать-то, он дом от чужаков охраняет! Тоже вот "шпионов" искали каких-то, весь дом перевернули, золотое колечко мое забрали и вилки серебряные, свадебный подарок... самые шпионские, видать, вещи... ну, хоть похуже ничего не сделали. А если б молодую женщину тут нашли, уж и не знаю, что вышло бы.

"Зато я знаю!" – читалось на лице Елки.

– А что ж тогда вы калитку открытой держите? – спросила она вслух.

– И, – махнула рукой тетка Аня, – от добрых людей незачем запираться, а худых запоры не остановят.

– И давно они приходили? – обеспокоенно осведомился Игорь.

– Да в том году еще.

– А оружия нет у вас? – задал он непраздный вопрос.

– Было ружье мужнино, сын с ним еще на охоту ходил, да я сама его этим иродам сдала со всеми патронами. Кабы они нашли, что я-де "прячу", так уж точно шпионкой бы оформили! Вот с тех пор я совсем одна, раньше хоть с собакой поговорить можно было. Сын в столице на заработках, тоже носу не кажет...

– Тоже, значит, на западе? – уточнила Елка.

– Нет, что там теперь заработаешь? Головную боль одну. На востоке он. Артель у них там, строители.

– Та-ак, – протянула Елка, мигом забыв свое же требование не обсуждать политику. – Значит, вы по-прежнему называете "столицей" главный город фи... наших врагов? Оккупантов и агрессоров, развязавших против нас войну? Устроивших весь этот беспредел? Разрушивших дом и жизнь вашей дочери и зятя, обрекших на смерть вашего мужа и внука? Вообще не признающих за нашим народом права на существование?

– Елка... – предостерегающе произнес Игорь, но девушку было не унять:

– А ваш сын им еще и жилье строит – бандитам, уничтожившим жилье его сестры и ограбившим его мать! Они с ним случайно не теми самыми вилками расплачиваются?

– Ой, ну какое там право на существование, – досадливо поморщилась тетка Аня. – Это все политики, им лишь бы простых людей поссорить. Как будто мы веками вместе не существовали....

– Существовали в качестве их рабов! Людей второго сорта!

– Зато сейчас-то у нас жизнь какая первосортная пошла, – саркастически изрекла старуха, поднимаясь из-за стола. За окнами уже смеркалось, и она, вернувшись с коробком спичек, зажгла керосиновую лампу. – Вот раньше и электричество было, и телевизор, и насос воду из колодца качал. А теперь? Живем, как при царе Горохе. И не знаешь, или на тебя бомба упадет, или бандиты зарежут. И все ради независимости. А что мне в той независимости-то? На хлеб ее намажешь? Шубу из нее сошьешь?

– Вот именно для того, чтобы всякие иди... простые люди так думали, они и ведут против нас войну! Чтобы винили во всех бедах не их агрессию, а нашу независимость! Как же можно не понимать таких очевидных вещей!

– Была единая страна. Зачем было ее рушить? Кому от этого стало хорошо?

– Нам станет хорошо, когда мы выиграем войну!

– Как станет-то? Убитые, что ль, воскреснут? Все, что разрушено, обратно срастется?

– За это они еще заплатят, – зловеще посулила Елка. – В том числе в буквальном смысле, репарациями. Но не только.

– Ты лучше скажи, что нам вообще с ними делить? – не сдавалась тетка Аня. – Мы же по сути один народ!

Елка скривилась так, словно раскусила разом десяток незрелых лимонов:

– Это дешевая демагогия, придуманная их пропагандой...

– А что – нет? – перебила хозяйка. – Предки общие. Язык один. Вера христианская одна, пусть даже патриархи разные. Живем столько лет вместе, роднимся. Вот у зятя моего мать из наших, отец из ихних – его куда теперь? Только всей и разницы, что буквы – у них кириллица, у нас латиница. И вот из-за этой малости друг друга убивать?

– Дело вовсе не в алфавите, – произнесла Елка с усталым раздражением. – Дело в менталитете... образе мысли и системе ценностей, если угодно. Мы хотим свободы, они – рабства. Причем не только для нас рабства, это бы еще полбеды. Для себя самих тоже! И именно поэтому они безнадежны. Именно поэтому мы с ними несовместимы. Несовместимы в принципе, как... – девушка посмотрела на стоящую перед ней чашку с остывающим чаем, – как лед и кипяток. Несмотря на то, что то и другое состоит из одинаковых молекул воды.

– Кстати, обо льде, – Игорь, наконец, нашел повод вмешаться в разговор. – Давайте, действительно, оставим все эти споры политикам и вернемся к нашим конкретным проблемам.

На улице, кажется, мороз опять, а у нас с теплыми вещами совсем беда, особенно у Елены. Так, может, у тебя, тетка Аня, – он по-свойски перешел на "ты", – найдется для нее что-нибудь из старой одежды? И обувь тоже ей по ноге нужна, а мы тебе армейские ботинки оставим – хорошие, почти новые, ты их потом сменяешь на что-нибудь полезное... Ну и я бы тоже от теплых носков, перчаток, штанов, шапки и свитера не отказался. Хотя нет, свитер мне сейчас не надеть, – поправился он, вспомнив про наручники, – ну хотя бы шарф побольше... Даже если какие молью поеденные, сойдет.

– Ну зачем же молью? – обиделась хозяйка. – Нормальные вещи подберу, из дочкиных, когда она еще девушкой была – ей-то все равно уже без надобности, даже и не налезут на нее сейчас, раздобрела она после замужества, а у Еленки-то фигурка тоненькая, как раз впору придется. А тебе, Игорек, из мужниного. Он, правда, ростом поменьше тебя был, не такой статный красавец, ну да ничего, шерстяное тянется хорошо. У него, правда, что свитера, что шарфы табачищем пропахли, небось и до сих пор не выветрилось, ну тут уж не обессудь.

– Так, может, после него и курево осталось? – спросил с надеждой Игорь.

– Нет, как он помер, всю эту отраву я выбросила, – строго поджала губы тетка Аня. – Всю жизнь его отвадить пыталась, может, и прожил бы подольше, да где там... Хорошо хоть детей от этой напасти уберегла. А ты, выходит, тоже дымишь? Ой, дурное это дело, не доведет тебя до добра. И охота ж людям свои же деньги тратить, чтобы свое же здоровье гробить...

– Вот кончится война, может, брошу, – усмехнулся Игорь. – А сейчас у нас более неотложные проблемы со здоровьем имеются. У тебя какая-нибудь мазь от ожогов найдется? И противовоспалительное. И от простуды что-нибудь. Ну и эластичный бинт тоже не помешает...

– Серьезно вам досталось, похоже, – озабоченно покачала головой хозяйка. – У меня тут не аптека, но кой-чего, конечно, найдется... аспирин уж точно есть, и мази какие-то были, все довоенное еще, сейчас-то вообще ничего не достанешь, кроме того, что сама приготовишь, ну да я натуральным средствам больше доверяю, чем всей этой химии... а вот бинты самые обычные только...

– Вы простите, что мы так врываемся со всеми нашими просьбами, – сказала Елка, – тем более, покушаемся на ваши припасы, но.... – ей вдруг пришла в голову свежая мысль, и она сунула руку в карман: – А вот, кстати, это вам за хлопоты, – она положила на стол зажигалку. – Игорь говорит, она двести долларов стоит. А нам просто дайте пару коробков спичек взамен.

– Я пошутил, – громко произнес Игорь, недовольный такой расточительностью. – Это китайская подделка, она и пяти баксов не стоит.

– Игорь, не жадничай, – строго сказала Елка, одарив его неприязненным взглядом. – В конце концов, это мой тро... моя зажигалка.

– Тоже, что ль, куришь? – спросила тетка Аня с видом крайнего неодобрения.

– Нет, – помотала головой девушка, – так же не терплю этого, как и вы. Но огонь бывает нужен не только курильщикам.

– Ну ладно, гости дорогие, – хозяйка поднялась из-за стола и взяла лампу, – идемте тогда, пока совсем не стемнело, подберем вам, что нужно.

Она провела гостей по темному коридору и открыла скрипнувшую дверь справа:

– Вот мужнина комната, а там вон дверь чулана. Ты, Игорек, поищи там, чего тебе надобно, как совсем темно станет – свечку зажжешь, вон она на столе, и спички рядом с кроватью, муж всегда их там держал, только осторожно, пожару не наделай. А мы с Еленкой пойдем по-женски потолкуем.

Игорь бросил на нее быстрый подозрительный взгляд, вновь пожалев, что отдал пистолет Елке. Понимает ли та, что добрая тетка Аня может быть вовсе не так проста? Что вот сейчас она ловко разлучила своих гостей, а о том, что в доме больше никого нет, они знают только с ее слов? Что все это может оказаться ловушкой? Хотя, конечно, судя по следам на снегу, мужчин на хуторе нет – но, быть может, они прибудут позже? Возможно, это и паранойя, но он прекрасно

помнил, какой из городов хозяйка считает столицей. А Елка слишком уж горячо обозначила их собственную позицию.

И все же он позволил старухе увести девушку прочь. Пока что действительно лучше ограничиться вежливыми просьбами, иначе сама же Елка ему и помешает... А кроме того, не исключено, что старуха сама их боится (и именно поэтому не хотела избавлять его от наручников) и готова откупиться от незваных гостей всем, что им нужно – лишь бы они убрались с миром. Побоища в собственном доме она, видимо, не захочет. "Не наделай пожару", да. А вот после того, как они уйдут... тут возможны варианты.

После того как обе женщины удалились, Игорь быстро осмотрел комнату, задержавшись взглядом на абажуре под потолком, отыскал выключатель на стене, пощелкал вверх-вниз – электричества не было, хозяйка не соврала. Что, учитывая общее положение дел в районе, было ничуть не удивительно, но проверить все-таки стоило. Насчет телефона, видимо, тоже правда, и других средств связи тут, очевидно, тоже нет – все они требуют электричества, хотя бы для подзарядки аккумулятора. Стало быть, вызвать фидоров среди ночи бабка не может, если только у нее нет склада батареек в подполе – что теоретически возможно, но все же маловероятно...

Ладно, сказал себе Игорь, пока что стоит воспользоваться ее любезным предложением и порыться в чулане. Он быстро отыскал практически все, что хотел – сложенные горкой шерстяные носки, теплые кальсоны (выглядевшие ужасно по-стариковски, но ему с его рваными брюками нужно тепло, а не внешний вид), меховую шапку с ушами и даже не шарф, а целый плед, способный согреть не хуже свитера. Не нашлось только кожаных перчаток, и Игорь решил удовольствоваться рукавицами – на ходу руки мерзнуть не будут, а если потребуется ловкость пальцев (для той же стрельбы, например), их можно сдернуть за секунду.

И тут ему послышалось, что где-то в доме вскрикнула женщина. Судя по голосу – явно не старуха.

Он замер с теплыми вещами в руках, а затем бросил их на пол, вновь быстро оглядываясь по сторонам. Нет, решительно ничего, что сгодилось бы на роль оружия... за этим надо на кухню, там и ножи, и кочерга. Впрочем, с бабкой он справится и голыми руками – но сначала надо все-таки удостовериться, что ему не показалось (вскрик не повторялся, в доме вновь стало тихо). Свеча... к черту свечу, при быстрых движениях она все равно погаснет и будет только занимать руку. В полумраке преимущество имеет тот, чьи глаза привыкли к темноте.

Игорь выскочил из комнаты. Куда хозяйка увела Елку? Куда-то дальше по коридору... дом большой, но не дворец, вариантов не так много. Ближайшая дверь слева оказалась заперта – впрочем, насколько он представлял себе планировку, она вообще вела из дома в какую-то из внешних пристроек. Следующая дверь справа... похоже, спальня самой хозяйки. Древняя металлическая кровать с шишечками, пирамидальная горка подушек, громко тикающие ходики, какие-то дурацкие вышитые салфетки... внутри никого. Дальше.

В следующей комнате шторы были задернуты, и внутри царил уже практически полный мрак. Впрочем, Игорь все же сумел различить очертания кровати, стола и шкафа. На стене что-то висело – кажется, гитара. Вероятно, комната сына. Дальше!

Он понял, что достиг цели, еще до того, как распахнул следующую дверь – из щели снизу на пол сочился тусклый свет, а изнутри доносился негромкий голос хозяйки... и, кажется, всхлипывания.

Игорь рванул дверь на себя.

Елка сидела на табуретке посреди комнаты, спиной к входу, лицом к окну, и из всей одежды на ней были только смешные трусы в горошек. Скомканная грязная футболка валялась на полу возле ее ног (Игорь заметил, что ее левая ступня перевязана – ну да, конечно, все-таки стерла ногу, хотя и старалась не подавать вида); левее стоял жестяной таз с водой, а правее – столик, на котором лежал полиэтиленовый пакет, набитый ватой, марлей и какими-то упаковками явно медицинского вида; но пакет был отодвинут назад, а на переднем плане стояли

несколько баночек и больших пузырьков, определенно не купленных в аптеке, с надписанными вручную этикетками. С пары из них были свинчены крышки, и в воздухе стоял довольно резкий запах, в котором смешались травы, прополис и еще какая-то органика. Тетка Аня сидела на стуле перед девушкой, держа в левой руке лампу, а в правой – марлю, пропитанную некой зеленовато-бурой мазью, которую она, похоже, собиралась приложить к груди Елки. Когда дверь распахнулась, хозяйка вскинула возмущенный взгляд на непрошеного посетителя.

– Извините, – сконфуженно пробормотал Игорь, адресуясь к ним обеим и невольно отводя взгляд в сторону, хотя и не увидел ничего для себя нового. Впрочем, нет, увидел – эта худенькая спина с отчетливыми позвонками и трогательными лопатками почему-то произвела на него еще большее впечатление, чем демонстративно выставленные напоказ обезображенные груди. Хорошо, что я хотя бы не ворвался сюда с ножом, подумал он. – Мне показалось, что...

– Все в порядке, Игорь, – сказала Елка, обернувшись через плечо, и ее голос прозвучал спокойно и холодно, как обычно, но Игорь все же заметил следы влаги на щеке. – Подожди там, снаружи.

– Да... конечно. Помощь никакая не нужна? Ну там воды еще принести...

– Иди-иди, не смущай девушку, – сердито подтвердила хозяйка. – Сами управимся. Приличные люди стучат, вообще-то. Нашел одежку, какую хотел?

– Да, спасибо.

– Вот там же можешь и спать укладываться, на дедовой кровати, а Еленке я здесь постелю.

Игорь удовлетворенно отметил про себя, что хозяйка даже не заикается о том, чтобы выставить их на мороз на ночь глядя – хотя, формально говоря, они даже не просили о ночлеге. Хотя, возможно, Елка уже попросила... Впрочем, он по-прежнему не был уверен, насколько безопасно оставаться здесь на ночь, и идея разместить их за несколько комнат друг от друга в этом контексте ему не нравилась. Он быстро окинул взглядом помещение – само собой, это была бывшая комната хозяйской дочери, как и говорила тетка Аня; над кроватью, куда была свалена в кучу извлеченная из шкафа и сундука на полу одежда (рядом, брезгливо отодвинутый от чистого белья, притулился и снятый Елкой камуфляж), все еще даже висел вылинявший постер какой-то музыкальной группы – четыре волосатых парня в кожаных куртках и со сладкими взглядами, призванными сражать наповал несовершеннолетних дурочек. Интересно, подумал Игорь, воюет ли сейчас хоть один из этих пижонов? Да наверняка нет, теперь, когда пик их славы и полные стадионы уже в прошлом, развлекают, небось, фидоров по кабакам...

– Нам бы лучше спать вместе, – сказал он вслух и тут же поправился: – То есть я имею в виду – в одной комнате. Я могу и на полу, все равно мне теперь даже куртку не снять...

– Да, – подтвердила Елка прежде, чем тетка Аня успела возразить, – вместе нам... спокойнее.

– Ладно, – ворчливо согласилась хозяйка, все еще глядя на Игоря недовольно, – хочешь на полу, спи на полу, матрас и подушку можно и на пол уложить... Но вы ведь точно брат и сестра? – теперь она пристально смотрела на девушку.

– Игорь – мой брат, – твердо подтвердила та. – Клянусь, чем хотите.

"И ведь не соврала! – мысленно восхитился Игорь, вспомнив, в честь кого получил свое нынешнее имя. – Просто не уточнила, какой именно Игорь..."

– Ладно, братец, – пробурчала тетка Аня, – только все равно, не маячь тут, пока мы не закончим. Иди вон хоть на кухне посиди. Можешь еще чаю поставить, там вода в ведре слева...

– Мне скорее наоборот нужно, – усмехнулся он. – Где тут у вас...?

– Сортир-то? – не стала деликатничать хозяйка. – Как с крыльца спустишься, налево за угол. Тридцать лет им не пользовались, все в доме оборудовали, не хуже, чем у городских. Ну а теперь-то, как насосы не работают, приходится опять по старинке... вот такая она, свобода-то ваша... уж как нас ихнее электричество угнетало, сил нет!

Игорь поспешно вышел, не желая нового витка политического спора. Сделав в темной промерзшей будке то, в чем и в самом деле нуждался, он несколько минут стоял на морозе, глядя на звездное небо. Мысли его, однако, были далеки от астрономии. Стоило, пожалуй, настоять на том, чтобы им обоим ночевать в дедовой, а не в дочкиной комнате. Дедова ближе к выходу, и тогда бы они находились между выходом и спальней хозяйки. Если тетке Ане вздумается ночью или под утро куда-нибудь прогуляться – он бы, пожалуй, услышал. Скорее всего, это "куда-нибудь" – все тот же сортир, но вот если она не вернется минут через пять... А в дочкиной комнате они, напротив, оказываются в самом дальнем от выхода углу, откуда, случись что, пробиваться труднее всего. И через окно не получится – рамы законопачены на зиму, на это он уже обратил внимание...

И все-таки – скорее всего ночью они в безопасности. Ни хозяйка не попрется доносить через лес, ни фидоры не нагрянут по собственной инициативе. Ночь более благоволит дичи, нежели охотникам, и охотники это знают. Вот утро – другое дело, в чем они имели возможность убедиться менее суток назад. Утром им лучше не задерживаться.

А Елке, наверное, уютнее в девчачьей спальне, чем в комнате покойного старика...

Он вернулся в дом и уже практически ощупью прошел в дедову комнату. Зажег свечу, сунул спички в карман, собрал с пола отобранные вещи, надел носки и кальсоны, снова натянул сверху рваные камуфляжные штаны, затем уселся на кровать и вновь задул огонь. Темнота наполняла его ощущением безопасности. Старый военный рефлекс: ночью при свете ты – мишень.

– Игорь, ты где? – донесся голос девушки со стороны кухни.

– Здесь я, – откликнулся он.

Через пару минут Елка со свечой в руке появилась на пороге, одетая в розовую пижаму и шерстяные носки. На груди пижамы был вышит (и явно не фабричным способом) улыбающийся медвежонок. В этом облачении Елка казалась совсем еще девочкой – лет четырнадцать, не больше; даже трудно было снова представить ее такой, какой она была совсем недавно – в армейском камуфляже и с автоматом. Игорь невольно улыбнулся.

– Если будешь смеяться, я тебя убью, – тут же мрачно изрекла Елка.

– Я не смеюсь. Тебе правда идет. Но, надеюсь, тетка Аня для тебя не только пижаму нашла?

– Да, все, что нужно, подобрали. От белья до куртки без дырок. Куртка, конечно, простая, желтая такая, но камуфляж сейчас скорее привлекает ко мне внимание, чем наоборот.

– И обувь?

– Да, сапоги хозяйкиной дочки подошли. На один размер больше моего, но один – это не семь, и с теплыми носками в самый раз. Так ты идешь спать?

– Угу, – он поднялся. – Надо только матрас с подушкой перетащить...

– Не надо. Тетка Аня тебе там уже на полу постелила.

Из дочкиной комнаты уже убрали медицинские причиндалы, но запах еще чувствовался в воздухе – однако теперь к нему добавился и запах чистого накрахмаленного белья. Игорь с усмешкой отметил, как именно ему постелили – матрас, накрытый стеганым одеялом (явно излишним для человека, вынужденного спать в верхней одежде, но, как видно, хозяйке претила мысль укладывать гостя на голый матрас), лежал у стены, противоположной кровати, то есть на максимальном расстоянии от Елки. "Господи, ей-то какое дело, как мы будем спать, – подумал он с раздражением, – и как будто мы не могли бы перебраться друг к другу, если бы захотели..." Девушка тем временем сунула ноги в сапоги, набросила свою новую куртку (на самом деле, конечно, новой она не была – такой фасон вышел из моды лет пять назад) и вышла с очевидной целью; Игорь еще раз окинул внимательным взглядом комнату, проверил оконную раму (нет, так просто не высадишь), а затем ухватил и потащил предназначенный для него матрас – но не к кровати, а к двери, развернув его поперек входа. Вернувшись, Елка едва не споткнулась об это

неожиданное препятствие.

– Это еще зачем?

– Буду охранять ваш сон, лежа на пороге, принцесса, – усмехнулся Игорь. – Так надежнее. Никто не сможет войти без... моего разрешения.

– А если мне среди ночи понадобится выйти?

– Ну, тогда буди меня, не стесняйся.

– С тобой, пожалуй, застесняешься... – девушка быстро скинула верхнюю одежду и обувь и юркнула под одеяло. Увидев, что Игорь тоже улегся на свое ложе, она задула стоявшую на прикроватном столике свечу. – Вот чего ради ты вломился, хозяйку напугал? – продолжала она из темноты.

– Я услышал, как ты кричала.

– Это не я. Это тетка Аня. Я ей не хотела ничего показывать, говорила – сама все обработаю, а она дай я да дай я, я-де сына лечила, когда он кипятком обварился... ну а как увидела, сразу – "ой божечки!"

– Елка, – терпеливо вздохнул Игорь, – я могу отличить твой голос от голоса старухи. То есть она там, может, чего и причитала, но кричала – ты.

Девушка ничего не ответила, и после паузы он спросил: – Сильно больно?

– Не так, как когда это делали, – мрачно откликнулась Елка. – Да и вообще, это я от неожиданности больше, когда футболку снять попыталась. А там кровь и еще дрянь всякая, которая из ожогов выделяется... присохло все... ну и воспаление, конечно... странно было бы, если бы в таких условиях не было воспаления...

– Сильное?

– Уж какое есть, – буркнула девушка.

– И ты все это время терпела и молчала?

– А если бы я стала стонать и жаловаться, оно бы прошло?

– Тебе к врачу надо.

– Надо, – согласилась она. – И не только по части ожогов. Провериться еще на всякую дрянь венерическую... Сам Дракула, ты прикинь, в презервативе насилует. Осторожный, сука, всегда он осторожный был... ну а подчиненные у него не все такие чистюли. Надеюсь, я хотя бы не беременна. По срокам вроде не должно... Только где ж я тут в лесу клинику возьму?

– Тебе в лес со мной идти было необязательно. Вытащила из огня, уже круто, ну а дальше каждый своей дорогой...

– Тоже мне, герой выискался. Нет уж, раз я взялась за дело, доведу его до конца. Да и потом, ты слышал, что тетка Аня про нынешнее состояние медицины тут рассказывала? По-любому надо к нашим выбираться, на неоккупированную территорию... Ладно, на самом деле все не так уж страшно. Не гангрена какая-нибудь. Ну, ожоги, ну, воспаление. После того как тетка Аня все своей мазью обработала и чистую повязку сделала, уже даже и не болит... почти. Если не дотрагиваться, так и не обращаешь внимания. Идти смогу не хуже тебя, не сомневайся. А грудью я в ближайшее время кормить не собираюсь. Да и вообще никогда не собираюсь. Больше ни один мужик ко мне не притронется, уж это точно, – она замолчала, словно агрессивно ожидая возражений, но у Игоря хватило ума не подвергать сомнению последний пункт.

– Температура подняться может, – заметил он вместо этого. – Тем более, ты еще и простужена...

– А, это вообще ерунда. Горячий чай с медом плюс две таблетки аспирина – завтра уже следов не останется. И еще упаковку аспирина тетка Аня мне с собой дала. Не надо обо мне беспокоиться. О своем здоровье думай.

– Елка... необязательно все время быть такой... железобетонной.

– Расскажи это тем, кто развязал войну. И их пособникам. Расскажи это банде Дракулы.

– Я не про врагов. Врагам, да, нельзя показывать слабости. Но со своими... я же видел, как ты плакала в обществе хозяйки – хотя она нам, в общем-то, не очень-то и своя...

– А потому что нечего врываться, куда не просят! Ворвался бы в сортир, еще не то бы увидел...

– Да пойми же ты наконец, я не стал из-за этого... уважать тебя меньше! Наоборот, я хочу сказать, что это совершенно нормально, и ты не должна этого стыдиться...

– Ага, скажи еще, что женщина должна быть слабой!

– Ну, смотря какая женщина, – серьезно ответил Игорь. – Некоторые, да, должны. Потому что это заставляет мужчин рядом с ними чувствовать себя сильными. Но ты не такая, конечно. Ты сама – боец. А боец должен поддерживать товарища, но и не должен сам чураться его поддержки. Иногда можно позволить себе слезы, если после них становится легче. Истерику – нет. Слезы – да.

Девушка молчала, и после затянувшейся паузы Игорь спросил почти виновато:

– Что ты рассказала хозяйке... про нас? Она ведь знает, кто такой Дракула?

– Ах вот оно что, – желчно откликнулась из темноты Елка. – С этого надо было начинать, а не толкать тут душеспасительные речи. Вовсе не мои чувства тебя заботят, а не сболтнула ли я в минуту слабости чего лишнего, что подставит тебя под удар.

– Ну опять ты за свое, – досадливо поморщился он. – Я помню, что ты ничего не хотела ей показывать, но раз уж она увидела... надо просто уяснить обстановку, дабы оценить перспективы. Она ведь теперь понимает, что это был не просто бандитский наезд с целью выбить бабло?

– Ты зря идеализируешь Дракулу, – насмешливо ответила Елка. – Такие, как он, банальным рэкетом и грабежом тоже отнюдь не брезгуют. Просто прикрывают это идеологическими лозунгами. Тетка Аня вон рассказала, как у них выглядит "борьба со шпионами". Ей еще повезло сильно, что только золото и серебро забрали – могли и на подвал кинуть, так это у них называется... не то что пожалели старуху, конечно, просто поняли, что больше взять с нее и впрямь нечего... Короче, я держалась первоначальной версии. Что у тебя еще до войны свой бизнес был, а как ты им "в фонд обороны" платить отказался, так сразу и заделался "шпионом сепарской хунты". Ну а меня прихватили, чтоб ты сговорчивее был.

– Ясно, – буркнул Игорь. Версия как версия, не то чтобы невероятная. Но поверит ли тетка Аня – особенно если информация о розыске беглеца уже распространилась, или дойдет до нее в самое ближайшее время? А если и поверит, захочет ли перебегать дорогу не каким-то безвестным мелким уголовникам, а самому Дракуле, которым пугают детей? И тут уж неважно, охотится он за ускользнувшей добычей по политическим мотивам или по коммерческим – главное не становиться у него на пути. И даже если рассказать ей, что вся банда мертва (что правда) и сам Дракула тоже (что не факт) – голословным утверждениям заинтересованных лиц она может и не поверить. "Ежели вам больше некого бояться, от кого же вы убегаете?"

Бух! Бу-бух! Бух! Бу-бу-бух!

– Ну вот, опять начинается, – брюзгливо констатировала Елка. – Любят они по ночам обстреливать. Спать мешают, суки.

– Беспокоящий огонь, – откликнулся Игорь. – Именно так он и называется.

На этот раз, однако, характер канонады был другим, чем накануне. Теперь били ближе, и, вслушавшись, Игорь различил не только грохот выстрелов, но и свист летящих в вышине снарядов – если и не прямо над домом, то, по крайней мере, где-то не очень далеко. А затем начали бухать и разрывы попаданий – но не где-то там далеко, куда улетали снаряды, а, судя по звуку, примерно там же, откуда велся огонь. Ответка, понял Игорь. Контрбатарейная борьба. До позиции на слух было несколько километров, так что едва ли можно было опасаться шального снаряда, который рухнет прямо на хутор – для этого артиллеристы одной из сторон должны были оказаться очень уж криворукими. Впрочем, на войне каких только нелепостей не бывает...

И вдруг канонада прекратилась – гораздо быстрее, чем Игорь рассчитывал. Ответные разрывы громыхали еще пару минут, но затем стихли и они.

– Кажется, накрыли тварей! – радостно констатировала Елка.

– Не факт, – возразил Игорь. – Они могли просто сменить позицию.

– Надеюсь... а-аа... не успели, – зевнула девушка. – Земля им стекловатой.

– Аминь, – согласился Игорь, отметив про себя, что, похоже, они уже не так далеко от линии фронта – или как там она теперь официально называется, "разграничения". Но это, конечно, не повод расслабляться и радоваться. Обиднее всего – но и проще всего! – запалиться как раз на последних километрах...

Ночью никто не потревожил Игоря, но, как он ни планировал проснуться раньше всех в доме, первой это сделала хозяйка, поднявшаяся, по крестьянской привычке, еще до рассвета, и лишь производимые ею звуки – шаркающие шаги, скрип старых половиц под ее грузным телом, хлопанье дверей, какие-то стуки и бряканья – разбудили мужчину. Впрочем, этот шум его не насторожил, а успокоил – тетка Аня явно не пыталась сделать что-то втихаря от гостей. Обычные хуторские утренние заботы по хозяйству – растопить печь, натаскать воды, покормить-подоить кого там положено (или собрать яйца, если только зарезанная накануне курица не была последней) и все такое прочее. Все эти звуки были такими мирными, что Игорь даже не стал сразу же вставать, а позволил себе полежать еще пару минут с открытыми глазами, глядя в сереющий в предрассветных сумерках потолок. Затем все же напомнил себе, что, каким бы гостеприимным ни казался хутор, задерживаться здесь не стоит.

– Елка! – негромко позвал он.

– А? Утро? – тут же откликнулась девушка. – Ох... целую вечность, кажется, не спала на нормальной кровати. Мне даже на миг показалось, что... – она замолчала.

Впрочем, не требовался диплом психолога, чтобы догадаться, что она не захотела договаривать. "... что я у себя дома, что нет никакой войны, да и не было никогда, что все это был страшный сон, а сейчас войдет моя мама и позовет завтракать..." Не такой уж он тупой солдафон, чтобы этого не понять.

Из-под двери тем временем и в самом деле поплыл аппетитный жареный аромат, и из коридора донесся голос хозяйки: "Еленка, Игорь! Вставайте завтракать, я вам картофельных оладий напекла."

Елка шустро соскочила с кровати, и Игорь с легкой усмешкой целомудренно отвел взгляд, пока она переодевалась из пижамы в свою новую одежду (из прежней она оставила себе только камуфляжные штаны, рассудив, что для путешествия по зимнему лесу они теплее и практичнее цивильных брюк, не говоря уже о юбках). Однако краем глаза Игорь все же заметил, как она вытащила из-под подушки конфискованный у него пистолет в кобуре и сунула оружие в карман желтой куртки. Стало быть, она так и спала с пушкой под подушкой, и весь этот расслабляюще-мирный антураж не лишил ее бдительности – все-таки молодец девчонка...

Хотя они были уже не такими голодными, как накануне, горка горячих золотисто-коричневых оладий с медом показалась им царским угощением. Однако, даже и работая челюстями, Игорь не забывал о практических материях. Картошка у хозяйки, очевидно, своя, как и всякие соленья-варенья, а вот мука наверняка привозная...

– Машина-то есть у тебя, тетка Аня?

– Есть старый пикап, – неохотно откликнулась хозяйка, – только он не на ходу. С начала войны еще. Аккумулятор там дохлый и колеса спущены. Да и боязно сейчас по дорогам ездить-то. Мин кругом понаставлено. Только герои эти и катаются, у них карты есть. И то, бывает, подрываются – у них там тоже левая рука не знает, где правая мины ставит...

– И как же ты тут одна на отшибе без машины обходишься? Небось, мешки на своем горбу снизу из долины особо не потаскаешь.

– А кум там мой живет, он заезжает иногда. Он мне муку привозит, ну и другое разное

чего надо, а я с ним медом расплачиваюсь. Раньше-то сама торговать ездила, а теперь где уж...

– А говорила, совсем одна тут, и поговорить-то не с кем, кроме собаки...

– Так конечно одна! Часто, что ли, кум заезжает? Хорошо, если в пару месяцев раз.

– И как же он мин не боится?

– Так он знает, где они стоят... он же тоже в ихнем ополчении.

Та-ак, подумал Игорь. Его мышцы подобрались, как у тигра перед прыжком, но внешне он все так же расслабленно потянулся за очередной оладьей.

– А что ж кум тебя не защитил, когда на тебя "ловцы шпионов" наехали? – осведомился он, намазывая оладью медом.

– Да он сам не знал про это. Ты что ж думаешь, он там шишка какая? Так, на блокпосту стоит... Потом уж, как я ему рассказала, он сперва хорохорился – мол, к коменданту пойду, а потом еще подумал и говорит – не, не стоит, как бы только хуже не вышло. Все равно, мол, ничего уже не докажешь, выйдет только клевета на героическое ополчение и сепарская пропаганда...

Игорь метнул быстрый взгляд на Елку. Но на сей раз девушка, как видно, и сама сообразила, что от политических споров лучше воздержаться. Она старательно доела последнюю оладью и запила ее чаем из большой зеленой кружки.

– Уфф, спасибо, тетка Аня. Обалденно вкусно. Хорошо тут у вас, но нам дальше идти надо.

– Да погоди ты – дальше! – недовольно возразила старуха. – Дай я тебе хоть перевязку новую сделаю. А по-хорошему, тебе бы вообще никуда не ходить недельку, пусть хоть немного воспаление сойдет...

– Нет, – решительно покачала головой девушка даже раньше, чем это успел сделать Игорь, – спасибо, конечно, но мы задерживаться не можем. У Игоря... дела важные.

– Ну так он и один дойти может, мужчина крепкий, – ответила хозяйка, бросив на Игоря взгляд, лишенный особой приязни.

– Нет, – снова повторила Елка. – Он без меня никуда.

– Ну как знаете, – ворчливо изрекла тетка Аня, поднимаясь из-за стола. – Тогда идем, я тебе повязку поменяю, а братец твой тут пусть подождет.

Оставшись один, Игорь немного подождал, затем бесшумно поднялся и быстро прошелся по кухне, обследуя шкафы – нет, ничего полезного, крупы всякие, соль в пачках, посуда... – затем вытащил из кармана куртки рукавицу и бросил ее под стол. Отошел к двери, вернулся, подтолкнул ногой глубже – теперь ее не будет видно от входа. Хорошо. Затем подошел к окну и встал там, разглядывая засыпанный снегом двор, пересеченный длинными утренними тенями, безоблачно-синее небо и видневшиеся вдали над забором и деревьями вершины холмов, уже оставленных ими позади. Отсюда же ему были видны и ворота. Очень, конечно, смешно выйдет, если кум-опущенец нагрянет прямо сейчас – и, возможно, не один...

Однако никто так и не появился, и Игорь так и простоял у окна, пока не вернулись женщины.

На прощание тетка Аня одарила их пакетом с едой (ничего особенного – несколько крутых яиц и вареных картофелин, но всяко лучше, чем ничего) и разнообразными напутствиями – насчет дороги (ведь, согласно легенде, они "заблудились"), дальнейшего лечения ожогов и даже рецепта оладий, которые особенно понравились Елке. А Игорю тихо сказала:

– Береги сестру-то. Один-то раз уже не уберег, так хоть теперь...

– Буду, – заверил он.

Еще раз поблагодарив за всю помощь и подарки, они вышли из дома, а затем и со двора. Ноябрьское солнце сияло, словно весной, но подмерзший наст хрустел под ногами, и мороз пощипывал лицо. Впрочем, теперь они могли встретить холод во всеоружии. Помимо теплых вещей, поддетых под верхнюю одежду, на Елке была лыжная шапка и вязаные перчатки, на

Игоре – дедов треух, выглядевший, может, и несколько комично, но вполне справлявшийся со своей задачей, и... он надел одну рукавицу, а затем принялся с недоуменным видом хлопать себя голой рукой по карманам.

– Черт.

– Что такое? – девушка, ушедшая на несколько шагов вперед, обернулась.

– Кажется, я выронил варежку. Должно быть, еще в доме. Жди здесь, я быстро, – он повернулся и побежал назад к дому прежде, чем Елка успела ответить.

Дверь не была заперта (он и не слышал, спускаясь с крыльца, чтобы за ними запирали замок – и рассчитывал, что так и будет). Беззвучно проскользнув внутрь, он остановился на пороге, прислушиваясь. Из кухни доносился плеск воды – очевидно, хозяйка мыла посуду. Опять-таки, как он и рассчитывал.

– И снова здравствуй, тетка Аня, – объявил он, входя на кухню.

– Ой! – она обернулась, прижимая к груди мокрую тарелку. – Напугал. Что такое, забыл что?

– Да... рукавицу вот где-то тут обронил, из кармана вывалилась. Хорошо хоть уйти далеко не успел...

– Где сидел, там, небось, и вывалилась, – поставив тарелку рядом с ведром, служившим заменой водопроводу в эпоху без электричества, хозяйка подошла к столу и наклонилась. – Да вот же она!

Игорь тут же оказался сбоку и чуть сзади, схватил старуху одной рукой за подбородок, другой за затылок (наручники ничуть не помешали) и резко повернул. Послышался хруст ломающихся позвонков. Он подержал обмякшее тело еще несколько секунд, затем аккуратно опустил на пол.

Снова окинул взглядом кухню, прежде чем уйти отсюда навсегда. Зажигалка все еще лежала на столе, и Игорь положил ее в карман. Затем нагнулся, подобрал с пола и надел рукавицу. Потом открыл тяжелую крышку подпола, которая, как он приметил заранее, находилась как раз в кухне (что логично – ведь именно из подпола достают продукты). Если опушенцы и фидоры нагрянут сюда прямо сегодня, мертвое тело все же может послужить им указанием, в каком районе искать беглецов – так что лучше все-таки убрать труп с глаз долой. Как, кстати, и армейскую куртку и берцы Елки, которые все еще в доме – их лучше утопить в сортире. Сколько все это займет времени? Если минуты три, то нормально, а вот дальше девчонке может надоесть стоять и ждать за забором...

Но ей надоело гораздо раньше. Едва он, ухватив мертвое тело под мышками, потащил его к открытому люку, как до него донесся звук хлопнувшей двери, и по коридору затопали шаги.

– Что ты наделал, урод?!

– Елка, – вздохнул он, выпуская тело и распрямляясь, – я не хотел, чтобы ты это видела, но это было необходимо. Она бы нас сдала.

– Ты хренов маньяк!

– Ты сама слышала, на чьей она была стороне. Даже после всего зла, которое ей причинили фидоры и их прихвостни. Такое не лечится. Плюс ее кум-опущенец, с которым она в прекрасных отношениях. Какие доказательства тебе еще нужны?

– Она нас приняла, как родных!

– Потому что испугалась. Или потому, что хотела задержать до прибытия полицаев.

– Она видела, что фидоры сделали со мной! Лечила меня! По-твоему, после этого она могла снова меня им выдать?!

– Ты на своем хуторе ухаживала за козами и свиньями, – пожал плечами Игорь. – Лечила их, из бутылочки, наверное, выкармливала. Что ничуть не мешало тебе потом их резать. Не вижу никакого противоречия.

– Да блин, при чем тут козы?! Скотину и растят, и режут для еды, а тетке Ане какой

резон?

– Возможно, за наши головы уже объявлена награда. Ну и потом... я, в общем, не утверждаю, что она непременно хотела нам зла. Может, и нет. Может, она искренне переживала из-за того, что с тобой сделали. Женская солидарность и все такое. Но она бы раскололась, как только бы на нее надавили. Даже без всяких пыток. Просто припугнули. Вспомни, как она сама, по собственной инициативе отдала грабителям свое оружие, о котором те даже и не знали. Мы для нее – такое же ружье, только еще и совершенно для нее бесполезное вдобавок. В конце концов, она могла проболтаться даже просто по глупости, как только к ней заявится этот самый кум. Поговорить ей, вишь, не с кем...

– Да он, может, через два месяца заявится!

– А может, прямо сегодня. И это не вопрос случайных совпадений. Если нас ищут и его начальство уже поставлено в известность, этот самый кум может направляться сюда прямо сейчас. Причем сотоварищи. Пока мы тут стоим, спорим и теряем время.

– Блин, я так и знала, что этим кончится... – произнесла Елка с несчастным видом.

– Поэтому ты не хотела сюда идти? – понял Игорь. – Ты беспокоилась за хозяев, а не за нас?

– Да! В первую очередь. Хотя и за нас тоже...

– Ну по крайней мере одну проблему я решил, – усмехнулся Игорь, вновь беря труп за подмышки. – В любом случае, что сделано, то сделано, и нам надо убираться отсюда. Я закончу здесь, а ты пока забери из комнаты свои армейские шмотки и утопи их в сортире.

Девушка еще раз гневно зыркнула на него, но больше ничего не сказала – осознав, очевидно, что споры и впрямь уже бессмысленны – и быстро вышла.

Игорь дотащил старуху до люка и спихнул вниз. Будет выглядеть так, словно она оступилась на лестнице и сломала шею. Впрочем, для правдоподобия этой версии люк надо было оставить открытым, но Игорь, подумав еще несколько мгновений, закрыл его. Будет лучше, если тело вообще не найдут (а кум, очевидно, не станет перерывать весь хутор, попросту не застав хозяйку дома), чем если найдут и станут строить гипотезы. Он услышал, как Елка прошла по коридору к выходу, и последовал за ней.

Минуту спустя они снова, и теперь уже навсегда, покинули хутор.

Они не пошли по дороге, дабы избежать даже теоретически возможных встреч, а снова углубились в лес. Шли молча. Елка по-прежнему несла в руке пакет с едой. Наконец Игорь нарушил молчание:

– Может, теперь отдашь мне пистолет?

Девушка сердито покосилась на него:

– И кого теперь ты собираешься убить?

– Фидоров, если мы на них нарвемся, – спокойно ответил он. – Или любого другого, кто будет представлять для нас опасность.

– Скажи уж прямо – для тебя с твоей паранойей.

– Для нас, – повторил Игорь.

– За себя позволь мне самой решать.

– Елка, – вздохнул он, – это война. На войне бывало даже, что мать душила собственного ребенка, чтобы он своим криком не выдал всех. Здесь лучше быть живым параноиком, чем мертвым гуманистом. Ну подумай, ты же умная. Ты не можешь не признать, что я поступил правильно.

Девушка молчала, продолжая шагать по снегу. Затем твердо произнесла:

– Больше мы не войдем ни в один дом, пока не окажемся на нашей территории. Разве что в гарантированно необитаемый в нежилом селе.

– Да, – согласился он. – Там такие будут?

– Да, там под обрывом многое разрушено. Некоторые села уничтожены просто целиком –

одни печи торчат, как в фильмах про Вторую мировую, где-то целые дома остались, но живых людей нет...

Эти слова неожиданно зацепили что-то в затуманенных глубинах его памяти. Что-то опять из детства. Печи... фильмы... ну да, их с классом водили на фильм о зверствах немецких карателей. Это называлось патриотическим воспитанием. Кто мог тогда подумать, что воспитанные таким образом патриоты будут творить то же самое на собственной земле... И на эти давние, кажется, даже черно-белые кадры (реальная хроника или стилизация? этого он уже не мог вспомнить) накладывался образ мертвой старухи, которую он волок по полу...

– Так ты обещаешь? – с нажимом потребовала Елка. – Больше никаких контактов с местными и никаких убийств мирных жителей.

– Да, да, обещаю, – нетерпеливо ответил он. Воспоминание о чем-то очень-очень важном было совсем рядом. Каратели... убийство мирных жителей...

Елка протянула ему пистолет в кобуре. Он взял оружие почти машинально, ощутил в руке его приятную тяжесть...

– Я вспомнил!!!

– Вспомнил? – Елка резко обернулась к нему и даже отпрянула, словно испугавшись выражения его лица. – Что именно?!

– Задачу Дракулы. Операцию, которую должна была провернуть его банда. Войти в крупное село, жители которого симпатизируют фидорам – и вырезать там всех, без оглядки на пол и возраст. Несколько сотен человек. И, естественно, обеспечить "доказательства" для международного сообщества, что это сделал наш диверсионный отряд. Каратели, мстящие местным за предательство.

– А какую роль во всем этом играл ты?

– А мне, надо полагать, предстояло стать главным из этих "доказательств". Я должен был дать показания на камеру, что командовал этим отрядом, пока меня не захватили доблестные бойцы Дракулы, прибывшие, увы, слишком поздно. Лицо, имя, звание – было бы нетрудно проверить, что я действительно офицер республиканских Специальных сил, а не подставной актер. Думаю, нет нужды уточнять, какими методами они собирались добиться от меня нужных слов... А потом бы я, разумеется, умер от полученных при задержании ранений, несмотря на все усилия фидорских врачей, прежде, чем меня смогли бы допросить международные следователи.

– А я? Ведь Дракула оставил на мне подпись, это разрушало всю легенду.

– Ты тут вообще ни при чем, разумеется. Ты просто случайно подвернулась им под руку, пока они скучали на тайной базе, ожидая отмашки "начать операцию". Они бы убили тебя после того, как натешатся, и сожгли тело. Живые свидетели в планы Дракулы не входили.

– Да уж... Выходит, грачи прилетели очень вовремя. Не только для меня одной. А как называется село? Не факт, что фидоры не попытаются повторить попытку с другой бандой.

Игорь молчал около минуты.

– Не помню, – наконец сокрушенно покачал головой он. – После контузии вообще не могу вспомнить никаких имен. Только вот названия оружия и боевой техники помню, а больше ничего.

– Значит, и своего имени ты по-прежнему не знаешь?

– Увы. Но я уже начал привыкать к "Игорю", – постарался улыбнуться он.

– Ладно, – констатировала Елка. – Самое важное ты вспомнил. Теперь нужно поскорее донести эту информацию до наших.

– Долго нам еще добираться?

– Уже не очень. К обрыву выйдем часа через полтора. А вот дальше как повезет.

Они действительно без приключений добрались до противоположного края возвышенности – в отличие от пологого подъема, который они преодолели накануне, здесь она круто обрывалась вниз. Эта круча выглядела, как граница между мирами в каком-нибудь

сказочном фильме: заповедное лесное царство вверху – древнее, дикое и суровое обиталище сил природы, и ухоженные, аккуратные, возделанные поколениями кропотливого крестьянского труда цивилизованные земли внизу – тщательное нарезанные квадраты полей, фруктовые сады с выстроившимися в линии деревцами, домики с белеными стенами и красными черепичными крышами, прямые, лишь кое-где загибающиеся ленты дорог, подчеркнутые двойным частоколом высоких тополей по краям... От дикой природы там остались лишь немногочисленные рощицы – да и тем, как правило, была придана округлая или прямоугольная форма – и темная лента реки, прихотливо извивавшаяся далеко впереди, ближе к горизонту. Лишь непосредственно под обрывом, там, где солнце появляется лишь во второй половине дня, тянулись главным образом пустоши (вероятно, используемые летом, как пастбища); выглядевшие довольно угрюмо в густой тени кручи – но там, где тень заканчивалась, и снег, и подтаявшие и снова замершие лужи, и белые домики, казавшиеся отсюда совсем игрушечными, сияли ярко и весело.

Впрочем, лишь на первый взгляд. Снег прикрыл раны, оставленные войной, однако, присмотревшись, можно было заметить, что на многие дома и даже целые села он лег не праздничной фатой, а саваном. Чернели выбитые окна и пробоины в стенах, щерились разбитые двери, темнели заснеженными ямами провалившиеся крыши, то тут, то там выступали из-под снега обгоревшие бревна и пятна копоти. Заметны были поваленные столбы и бреши в стройных рядах деревьев, которые тоже не щадили прилетавшие из-за реки снаряды. Впрочем, теперь, надо полагать, и некогда любовно растимые деревья, и бесполезные без электричества столбы все чаще становились жертвами не столько артобстрелов, сколько топоров нуждавшихся в топливе жителей... И, похоже, чем ближе к реке, тем разрушений было больше, хотя расстояние и мешало разглядеть детали.

– За рекой уже наши позиции, – сообщила Елка. – По прямой отсюда всего километров двенадцать. Но по прямой нам не пройти, тем более днем. Во-первых, сам видишь – открытая местность. Патрули, заставы и просто любопытные поселяне, среди которых большинство за фидоров – ну еще бы, ведь это *мы* их обстреливаем, а что, спрашивается, нашим делать, когда отсюда лупят по ним? Во-вторых, мосты через реку взорваны, а лед еще не встал.

Игорю это и так было очевидно.

– Так каков план? – спросил он.

– Направо обрыв понижается, туда и дорога с хутора уходит, но туда мы не пойдем. Если только с кумом тетки Ани и его товарищами по блокпосту познакомиться не хочешь.

– При определенных обстоятельствах не отказался бы, – зловеще осклабился Игорь. – Но не при нынешнем соотношении огневой мощности.

– Мы не должны рисковать, – строго напомнила Елка. – Тем более теперь, когда мы знаем...

– Да понятно, – перебил Игорь. – Не говори, чего не делать, говори, что делать.

– Здесь спуститься, в принципе, можно, чуть ли не просто на заднице съехать, но дальше та же проблема. Нас могут увидеть уже даже во время спуска. Поэтому мы пойдем налево. Там спуск сложный. Не то чтобы высший класс альпинизма требовался, но сложный. Как твоя лодыжка?

– Лучше, чем раньше, – усмехнулся Игорь. – Ничего, как-нибудь.

– И до реки оттуда тоже топать дальше – она там выгибается в западную сторону, – продолжала Елка. – Зато там никто не живет. Там такие бои шли за этот плацдарм между рекой и стеной, что всё по несколько раз перепахали, ни одного целого дома нет. Патрули, конечно, все равно шастают. Но тут уж, как я сказала, как повезет. Зато в развалинах много где прятаться можно.

И они зашагали налево над обрывом, который постепенно повышался и становился все круче. Игорю это не нравилось – вопреки заверениям Елки, круча превратилась в отвесную стену, спуститься с которой можно было только при наличии альпинистского снаряжения (ну и

соответствующих навыков, конечно). Затем впереди, практически на самом краю пропасти, показались развалины некоего сооружения, похожего на большую каменную беседку. От нее осталось не так много – поваленные обломки тонких колонн, несколько уцелевших столбиков балюстрады, покосившихся в сторону бездны, и засыпанная снегом площадка, над которой торчали перила уходившей вниз лестницы.

– Самая высокая точка обрыва, – пояснила Елка. – Здесь смотровая площадка была. Туристы снизу поднимались, у кого выносливости хватало, ну и поверху сюда тоже туристическая тропа шла, только сейчас ее под снегом не видно...

– А потом площадку, конечно, раздолбали, как удобный наблюдательный пункт, – закончил очевидное Игорь.

– Не только, отсюда еще и минометы работали.

– Ну да, ну да... – Игорь подошел к лестнице и заглянул вниз, но тут же понял, что повторить туристический маршрут не получится. Лишь несколько пролетов деревянной лестницы все еще висели на разной высоте на выщербленной снарядами скале, держась на вбитых в отвесную кручу кронштейнах – да у подножия стены, по меньшей мере в сотне метров внизу, еще можно было угадать под снегом какие-то обломки.

– Прикинь – если бы там внизу росла sequoia sempervirens, ее верхушка могла бы быть как раз напротив нас, – поведала Елка.

– Но мы бы все равно не смогли по ней слезть, – заметил Игорь, которого куда больше волновали практические проблемы, чем чудеса природы. – И в любом случае она здесь не растет.

– Нет, конечно. Они растут только на западном побережье США. Ну еще в ботанических садах, но не такие большие. Кстати, именно секвойя вечнозеленая является самым высоким деревом, а вовсе не секвойя гигантская. Которая при этом тоже вечнозеленая. В таксономии много путаных названий...

– Мы ведь не здесь собираемся спускаться? – вернул ее к актуальной теме Игорь, хотя это был глупый вопрос для всякого, кто не умеет летать.

– Нет, конечно. Еще где-то час идти.

После смотровой площадки обрыв вновь стал понижаться, и идти под горку стало легче. Однако, хотя стена и становилась ниже, положе она не делалась. Впрочем, может быть, впереди...

– Пришли, – наконец объявила Елка, указывая вперед. Пройдя еще несколько метров, Игорь понял, что она имела в виду. И вдохновляющей картина не показалась.

Край обрыва был здесь, вероятно, размыт дождевыми потоками и превратился в некое подобие разрезанной пополам по вертикали воронки. Сужающийся раструб (походивший, впрочем, больше на неправильную пирамиду, чем на конус) сходился к узкой расселине, практически отвесно уходившей вниз метров на тридцать сквозь толщу более твердой породы. Девушка подошла к верхнему краю раструба.

– Отсюда можно сползти на пузе до желоба, – принялась показывать она. – Медленно, аккуратно, цепляясь за каждый камушек и корни растений. Главное помнить, что как только ты начал спускаться – дороги обратно уже нет. Вылезти наверх не получится, все эти корни и камушки не выдержат – их хватает только, чтобы тормозить спуск. Ну а там, в желобе, – она указала на расселину, – хвататься уже не за что. Там только упираться спиной в одну стенку, ногами – в противоположную. И так постепенно спускаться, перебирая ногами. В принципе, это не очень трудно, надо только следить, чтобы тебя не вынесло из глубокой части желоба, где эти стенки параллельны, наружу, где они расходятся. Иначе не удержишься и полетишь вниз.

– А если там все нафиг обледенело?

– Надеюсь, что нет, – пожала плечами Елка.

– Надеешься?

– Во всяком случае, я знаю парней, спускавшихся там зимой. Правда, они это делали со страховкой. Но она им не понадобилась. Да и нам, в любом случае, негде взять веревку длиной в полсотни метров... А без веревки там только зимой и можно спуститься. Потому что до земли желоб не доходит. Он расширяется и выходит на отвесную стену, где зацепиться совсем уже не за что.

– И что же там делать?

– Падать, – спокойно ответила девушка. – Других вариантов у тебя все равно не будет.

– С какой высоты?

– Примерно шесть метров.

– Многовато. Тем более, с моей ногой...

– Внизу под стеной сугробы. Поэтому я и говорю – без веревки только зимой.

– Намело ли там достаточно большие сугробы? Снегопад был сильный, но только один...

– Я пойду первой. Я легче. А для тебя постараюсь сгрести внизу кучу снега побольше. Не начинай спуск, пока не увидишь, что я машу тебе снизу. Не хватало только, чтобы ты свалился мне на голову.

– Я правильно понимаю, что ты никогда не делала такого раньше, а судишь лишь по хвастовству каких-то мальчишек?

– Если тебе не нравится мой план, обратись к фидорам, – пожала плечами Елка. – Может, они предложат тебе более безопасный. Неужели не ясно, что здесь лучшее место для спуска именно потому, что ни одному нормальному человеку – и даже фидору – не придет в голову, что здесь можно спуститься?

– Вообще-то я больше беспокоюсь о тебе, чем о себе, – проворчал Игорь. – Я-то как-нибудь слезу. Не помню, занимался ли я когда-нибудь альпинизмом – скорее всего нет, вряд ли у меня были деньги на подобные пижонские развлечения, но какой-то опыт специальной подготовки я определенно имею. А вот ты... кстати, а зачем тебе вообще спускаться? Сама говоришь – наши позиции там за рекой, их уже отсюда видно. Отсюда я уже, в принципе, мог бы добраться и один. А тебе спасибо за все и...

– Так спешишь от меня избавиться? – усмехнулась Елка.

– Да что же у тебя за манера все толковать превратно! Да в других обстоятельствах... – он замолчал.

– Что в других обстоятельствах? – она пристально взглянула на него.

– Ничего, – буркнул Игорь. – Нет смысла обсуждать секвойю, которая здесь не растет.

– И расти не может, – подтвердила Елка. – Так вот, слезть ты, может, и слезешь, если сугроба внизу хватит. Но на берег ты без меня не пройдешь – там свои тонкости. И ты не знаешь, где достать лодку. И потом, я и сама не собираюсь больше задерживаться на оккупированной территории. И так нахлебалась тут больше, чем другие за всю жизнь. Да и куда возвращаться – на развалины хутора, где теперь уже даже козы нет?

– Это верно, – одобрил Игорь. – Тебе, конечно, тоже уходить надо. Особенно если Дракула еще жив и тебя запомнил... А тебе есть к кому обратиться на нашей стороне? Ну там родные, знакомые?

– До нашей стороны еще добраться надо, – холодно оборвала его Елка. – Уже почти полдень, скоро вместо тени весь обрыв окажется на солнце, а нам это ни к чему. Так что давай быстро съедим припасы, чтоб руки освободить – и вперед, то есть вниз.

– Руки освободить мне бы не помешало, – пробурчал Игорь, пока девушка разворачивала пакет.

Они поспешно проглотили картошку и яйца (четыре часа пути по морозному лесу вполне способствовали аппетиту), а затем Елка скомкала и затоптала в снег кулек и сказала:

– Смотри, как я спускаюсь, потом будешь делать так же. Но только после того, как я помашу тебе снизу!

Она легла на живот на краю "воронки" там, где круча еще оставалась в тени, и стала сползать вниз в сторону расселины. Уклон был пугающе крутым даже в верхней части раструба, камни и комки смерзшейся грязи сыпались вниз из-под ног девушки, но все же ей удавалось цепляться за неровности, тормозя и останавливаясь всякий раз, когда казалось, что она вот-вот неуправляемо заскользит в бездну. Игорь подумал, что ей, должно быть, больно тереться грудью о каменистый склон даже сквозь все слои одежды и повязку – хотя уже не сомневался, что никаких жалоб от нее не услышит... С приближением к расселине крутизна все возрастала, и вскоре держаться на склоне стало уже невозможно – только сползать под действием силы тяжести, но Елке все же удавалось, по крайней мере, тормозить и направлять этот процесс, пока она не соскользнула в узкое горло расселины. Это был, вероятно, самый опасный момент – удастся ли ей там остановиться, раскорячившись между стенами, или она не удержится и рухнет, как в шахту? Но через несколько секунд после того, как девушка скрылась в расселине, Игорь увидел, как оттуда высунулась рука с поднятым вверх большим пальцем. Ну, кажется, пока все в порядке, подумал он с изрядным облегчением, и пошел вперед вокруг раструба, чтобы выйти на край обрыва там, откуда виден будет конец спуска – сугробы под стеной.

Все его внимание было сосредоточено на том месте, куда – если он правильно представлял себе геометрию расселины – должна была приземлиться Елка. И вдруг нечто – интуиция или просто привычка держать под контролем обстановку вокруг – заставило его перевести взгляд намного дальше. И он едва сдержал ругательство.

Вдоль подножия стены ползла какая-то "коробочка" на гусеницах – с такого расстояния он не мог с уверенностью определить тип бронетехники, но, кажется, это была БМП. На броне сидели три или четыре человека. Патруль, о каком говорила Елка. С ее слов ему представлялись топающие пешком автоматчики (и чуть ли даже не полицаи с винтовками из тех самых фильмов про Вторую мировую). Но нет, тут все серьезней...

Они находились еще слишком далеко, чтобы Елка в глубине расселины услышала шум мотора. И уж тем более она не может ничего увидеть из этой щели. Она свалится в снег прямо у них на глазах!

– Елка! – приглушенно крикнул Игорь. – Остановись! Не спускайся! Там их бэха!

Могла ли она услышать его из глубины расселины? Очень сомнительно. Разве что если бы он заорал во все горло. Но тогда его могут услышать и эти внизу.

У него не было другого выхода – он должен догнать ее и предупредить. То есть другой выход, конечно, был – предоставить девчонку ее судьбе и спасаться самому, скорее уходя вглубь леса. Пока они ее допросят и выбьют все, что она знает, пока передадут информацию поисковым группам наверху, он мог бы быть уже очень далеко. Но об этом он даже не подумал.

Времени на медленный и осторожный спуск не было. Он пробежал несколько метров вдоль верхнего края раструба, на бегу завязывая тесемки ушей треуха под подбородком – а затем завалился на бок и покатился вниз. Со стороны это, наверное, выглядело самоубийственным безумием – вот так катиться навстречу пропасти. Но Игорь прикинул, что при такой траектории инерция вынесет его не в бездну, а на противоположный склон воронки – и там он сумеет остановиться и соскользнуть в расселину. Главное – не ошибиться в расчетах и сделать это вовремя, иначе он проскочит мимо и полетит вниз с тридцатиметровой высоты. Если бы еще не чертовы наручники, не дающие раскинуть руки в стороны...

Мир вокруг завертелся, пытаясь лишить его всякой возможности ориентироваться, но Игорь считал обороты, на каждом из них успевая зафиксировать взгляд и оценить свое положение. Еще ниже... еще... еще... пора!

Он вытянул руки вперед, принимая на них удар, чувствительный даже сквозь рукавицы. Боль отдалась даже в локте, но ему удалось остановить вращение в правильной позиции – ногами вниз в сторону расселины. Вместо того чтобы катиться, он сразу же заскользил вниз и соскользнул в желоб.

И тут, однако, оказалось, что быстрое скатывание и вызванное им легкое головокружение все же его подвели. Он оказался в расселине не боком к плоскости обрыва, как рассчитывал – что позволило бы ему упереться спиной в одну стенку, ногами в противоположную, и так зависнуть – а под углом, частично спиной наружу. Теперь, если бы он попытался упереться ногами, то лишь вытолкнул бы себя еще дальше наружу, уже без всякого шанса на спасение. Не имея возможности затормозить спиной, он пытался делать это руками и ногами, направляя их не вперед, а вбок – руки влево, ноги вправо – но, хотя с него тут же слетели рукавицы, затем разорвался рукав, и камни немилосердно обдирали его руки, площадь трущихся поверхностей была недостаточной (да и направление приложения усилий – неудобным), и Игорь продолжал скользить по расселине вниз.

Но в какой-то момент его пальцы попали в длинную трещину, и быстрее, чем его разум осознал это, рефлекс уже отдал команду мышцам. Резким рывком Игорь втянул себя вглубь расселины, наконец разворачиваясь в нужное положение. Ему не удалось удержаться на месте, окровавленные пальцы выдернуло из трещины, но он сумел упереться в стену затылком (завязки шапки впились в подбородок, но не лопнули), затем лопатками, а затем и всей спиной. Еще пару секунд он продолжал съезжать вниз, но, наконец, там, где расселина несколько сузилась, сумел остановиться.

Переведя дух, он посмотрел вниз. Елка висела между стенами метров на десять ниже, задрав голову – она уже, конечно, услышала шум, а может, и заметила упавшие сверху рукавицы.

– Ты что творишь? – воскликнула она. – Я же сказала...

– Тссс! Тихо! – перебил Игорь. – Там бэха!

Елка мгновенно застыла. Игорь тоже замер, обратившись в слух. Снаружи, однако, не доносилось никаких звуков, и его начали одолевать подозрения – что, если "коробочка" повернула, или, хуже того, остановилась? Сколько времени они смогут так провисеть? Расселина была достаточно узкой, с неровными стенами, и на первый взгляд казалось, что держаться, упираясь спиной и полусогнутыми ногами, можно довольно долго. Но это только на первый взгляд...

Но вот, наконец, до его слуха донеслось тарахтение мотора, и вскоре щель, остававшуюся им обоим для наблюдения за внешним миром, и в самом деле неспешно пересекла БМП с четырьмя бойцами на броне. Если бы любой из них в этот момент поднял голову и посмотрел на протянувшуюся сверху вниз щель, то наверняка увидел бы прячущихся в ее глубине беглецов – уж по крайней мере Елку точно, поскольку она была ниже и ближе. Однако никому из врагов не пришло это на ум. Никаких сюрпризов со стороны обрыва они определенно не ожидали.

Все же необходимо было дождаться, пока они уберутся достаточно далеко, прежде чем прыгать в снег. Тем паче что один из боевиков сидел на броне вполоборота назад. Так что надо выждать еще по крайней мере несколько минут... сумеют ли они продержаться в таких позах так долго? Он уже чувствовал, как начинает накапливаться усталость в мышцах. Потом она перейдет в боль, а потом, самое страшное – в бессильную, ватную слабость, и тогда никакое чудо уже не удержит от падения. Елке было несколько легче – она могла дополнительно упираться руками в стену позади себя, но он из-за наручников был лишен такой возможности. К тому же она меньше весит... но, с другой стороны, насколько тренированы ее мышцы? Впрочем, судя по тому, как она шагала без устали по горам и глубокому снегу...

Елка, однако, начала постепенно сползать вниз, но Игорь понял, что она делает это вполне сознательно, перебирая ногами совсем по чуть-чуть. Правильно – динамические нагрузки переносятся легче статических. Он и сам последовал ее примеру. Сползаем медленно-медленно, растягивая, блин, удовольствие...

Но вот Елка вновь остановилась. Очевидно, ниже сползти было уже нельзя – только прыгать. Игорь пока еще продолжал постепенный спуск, сокращая расстояние между ними. Звука мотора уже не было слышно, и БМП, пусть и катившаяся не быстрее велосипедиста, по

его прикидкам, должна была отъехать уже на пару километров. С такого расстояния человека уже практически не видно, если не знать, куда смотреть, хотя – движение на фоне белого снега все же может привлечь внимание...

Оказавшись примерно в полутора метрах над девушкой, Игорь остановил спуск. Необходимость вновь напрячь брюшные мышцы, упираясь в стену, заставила его подумать: "Не хватало только пернуть прямо у нее над головой!" На войне быстро отучаются стыдиться подобных вещей и вообще обращать на них внимание – нередко бывает, что какой-нибудь даже не романтичный мальчик, а вполне крепкий мужик в буквальном смысле наложит полные штаны в первом бою, и это тоже ничего, дело житейское – впоследствии из него еще вполне может получиться хороший солдат. Опытные бойцы не станут над ним из-за этого ржать и припоминать ему потом этот случай. Но вот опозориться перед девушкой Игорю не хотелось, словно мальчишке-школьнику.

Наконец Елка решила, что пора, и резким движением опустила ноги. Игорь проследил взглядом, как она летит вниз – "черт, долго, высоко тут все-таки!" Упав в снег, она повалилась вперед и осталась лежать.

Несколько секунд она не двигалась, и Игорь хотел уже окликнуть, все ли с ней в порядке – что, если сугроб оказался все же слишком неглубоким? Но затем сообразил, что звуков лучше не издавать – вдруг кто-то еще ошивается поблизости. Возможно, Елка просто залегла, вжавшись в снег в надежде, что ее не заметят. Хотя в наихудшем случае ни ей, ни ему деваться уже некуда. Наверх уже не влезешь... Но затем фигурка зашевелилась и откатилась в сторону. Перевернувшись лицом вверх, она сделала ему запрещающий жест скрещенными руками – мол, не прыгай. Он в ответ просигналил ей "понял", сложив в кольцо большой и указательный пальцы, хотя и не был уверен, что она различила его жест в полумраке расселины на таком расстоянии.

Елка пропала из его поля зрения, затем появилась снова, ползя на коленях и толкая перед собой снег, словно бульдозер. Стало быть, внизу все в порядке, план в силе, и осталось только дождаться, пока она сгребет для него сугроб повыше.

Игорь решил пока сползти еще ниже – и, кажется, перестарался, остановившись не в оптимальной точке, а там, где края расселины уже начали расходиться. Он сразу же осознал свою ошибку, но втащить себя обратно уже не мог – если бы он попытался, ноги точно соскользнули бы, и он полетел бы вниз. Так что теперь оставалось только замереть и напрячь все силы, чтобы держаться там, где есть. Мышцы быстро наливались усталостью, а затем и болью...

– Елка! – выдавил из себя он. – Скорее! Я тут долго не провишу...

– Стараюсь, как могу, – донесся снизу слегка запыхавшийся голос. – Будешь падать, хоть крикни, чтоб я отскочить успела...

Из своего нынешнего положения Игорь не мог даже посмотреть вниз, чтобы проверить, как там дела. Только висеть, раскорячившись между стенами и изображая из себя статую. Кажется, есть какая-то психическая болезнь, при которой пациенты застывают в неудобной позе на много часов и не чувствуют при этом никакого дискомфорта. Сейчас бы ему такая болезнь очень даже не помешала... Вот ведь, однако – какую-то совершенно бесполезную чепуху он помнит, а ни собственного имени, ни практически никаких деталей своей биографии... Впрочем, чепуха не столь уж бесполезная, если мысли о ней помогают отвлекаться от усталости и боли в мышцах. А еще можно песню какую-нибудь про себя петь. Помнит ли он хоть одну? Всплыл еще один образ из детства – какая-то слащавая песенка, которую разучивали на уроке музыки и которую он переделал в нечто непристойное: "В шляпе малиновой шел х.. пластилиновый..." Тогда это казалось ему чрезвычайно остроумным, и, хотя он и не набрался наглости в открытую спеть это на уроке, но всякий раз принимался ржать вместе с посвященными в тайну "правильного текста" пацанами, и в конце концов музычка нажаловалась на них директору... Вот ведь интересно – на самом деле дети не поют так называемых детских песен, кроме случаев,

когда их заставляют делать это взрослые. По собственной воле дети поют только неприличные пародии на эти песни. По крайней мере, мальчики точно. Интересно, как девочки...

И тут плавно нараставшая тупая боль в правой икре (которую он все еще напрягал сильнее, щадя пострадавшую левую ногу) сменилась резко накатившей невыносимо-острой. Судорога! Только этого...

– Аа! – успел вскрикнуть он и полетел вниз.

В воздухе он успел сообразить, что шлепнется на спину плашмя. Что было бы очень плохо, будь под ним земля или вода, но в мягкий сугроб это, возможно, даже лучше, чем приземление на ноги. Если только Елка успела сгрести достаточно снега... как же все-таки долго он летит...

Плюх! Из него словно вышибли воздух, и ребра в очередной раз отозвались болью, но не очень сильной. Кажется, обошлось без новых переломов, руки-ноги шевелятся... (он потянул правый носок на себя, чтобы избавиться от остатков судороги), и затылком, благодаря снегу и шапке, он приложился вполне мягко. Высоко над ним был темный зев расселины и голубое небо. Затем на их фоне появилось лицо Елки, и ее свесившиеся растрепавшиеся волосы, все в снегу, коснулись его щеки

– Ты как, в порядке?

– Вроде да...

– Тогда нечего разлеживаться, пошли.

Игорь выбрался из сугроба, только теперь обратив внимание на свои заново ободранные в кровь руки (теперь было хуже, чем после пути над блокпостом – кое-где с пальцев прямо свисали клочки кожи, и он сорвал еще три ногтя – два на левой, один на правой) и превратившийся в лохмотья левый рукав. Из-за холода (и, возможно, все еще действовавшего адреналина) он почти не чувствовал боли – так, слегка саднило.

– Вот, – Елка протянула ему рукавицу. – Где вторая, не знаю, где-то в сугробе, некогда было доставать.

– Ладно, черт с ней. Мне сейчас на холоде только лучше. Эти уехали?

– Да, не видать уже.

– Ну тогда идем.

Они двинулись прочь от стены, и Игорь заметил, что девушка хромает. На его вопрос она недовольно пробурчала:

– Ничего страшного, зашибла пятку. Сугроб оказался все-таки недостаточно глубоким... Ерунда, пройдет. По сравнению с той болью, которую мне уже довелось пережить...

– Елка, – мягко сказал Игорь, – не стоит теперь всю жизнь мерить по *той* боли.

Она повернулась и метнула в него прищуренный взгляд:

– Да? Может, подскажешь мне, как ее забыть? Контузию и амнезию, как у тебя, не предлагать.

– Любая боль со временем забывается. Даже если поначалу в это трудно поверить.

– Нет, – она решительно тряхнула волосами. – Тоже мне, психолог выискался. На самом деле физическая боль страшнее моральной. Кто бы там что ни говорил. Уж я теперь могу сравнивать. Но физическая, да, со временем проходит. А моральная – никогда. Она только уходит в глубину.

– Они все мертвы, – вновь напомнил он. – Они поплатились.

– Кроме Дракулы.

– Мы не знаем этого наверняка.

– Мне было бы обидно, если бы он умер там, – сказала Елка тоном холодной научной констатации. – Слишком легкая смерть для него.

– Не стоит тратить всю жизнь на месть.

– Всю жизнь? Нет, конечно. Его ведь можно убить только один раз.

– Елка, – ему пришла в голову новая догадка, – ты ведь не собираешься, когда мы доберемся до своих, записаться в армию? Я думаю, тебя и не возьмут, но...

– Что, по-твоему я недостаточно хороша? – агрессивно осведомилась она. – Не то что такой крутой, как ты, да? Тебе еще раз напомнить, кто из нас кого вытащил?

– По-моему, ты *слишком* хороша! – вырвалось у него. – Чтобы быть... пушечным мясом. Я-то ладно, я больше ничего не умею и ни на что не гожусь. Кто-то все равно должен, да. Но не ты. Ты можешь...

– Детей рожать и кастрюли мыть?

– Заниматься своей биологией. Или чем там еще захочешь. Но не загнуться где-нибудь в грязи с осколком снаряда в кишках. И не остаться калекой без рук-без ног на всю жизнь, что еще хуже.

– Думаешь, хуже? – переспросила она, словно обдумывая что-то свое, но он с энтузиазмом подхватил тему, почувствовав, что может ее убедить:

– Конечно, хуже, сама подумай. То, что с тобой случилось, все-таки еще не самое страшное. На войне каких только травм не бывает, и далеко не от всякой самые лучшие врачи помогут. То есть жизнь-то они, может, и спасут, но лучше бы не спасали. Без глаз, к примеру, остаться – тоже хуже смерти, по-моему...

– Пожалуй... – девушка пристально посмотрела на него и вдруг предложила: – А если я пообещаю, что не буду записываться в армию, ты пообещаешь, что бросишь курить?

Игорь вспомнил про бычок в кармане куртки, который он так жаждал раскурить. Теперь у него была зажигалка, да и сам окурок, вероятно, просох – снег не должен был попасть в застегнутый карман. Но ему представилось, как он тащит в рот этот окурок, выплюнутый фидором... и как Елка презрительно смотрит на него, а потом брезгливо отворачивается... К тому же курить хотелось уже не так сильно. Нет, он, конечно, понимал, что несколько дней, даже и на свежем воздухе, явно недостаточны, чтобы избавиться от многолетней зависимости (с какого возраста он начал курить? с четырнадцати? с двенадцати?) Но – может же он обходиться без курева, даже и в пресловутых стрессовых обстоятельствах, и ничего, не умер...

Игорь вытащил бычок из кармана и кинул в снег.

– Уже бросил, – объявил он. – Твоя очередь.

– Я серьезно.

– Я тоже. Почему бы и не сейчас? По-моему, это хороший повод, – он чуть помолчал и добавил: – Может, эта моя контузия – вообще повод начать новую жизнь. Может, я так и не вспомню свое имя и прошлое...

– Вспомнишь, куда денешься. В крайнем случае его тебе расскажут, когда доберемся до наших.

– Ну... да, – согласился он. – Хотя мне не кажется, что моя прошлая жизнь была такой уж счастливой. Парень из бедной семьи в каком-то депрессивном поселке... наверное, вся моя жизнь до войны была тусклой и пустой. Может, потому я и не могу ее вспомнить, что нечего там особо вспоминать. На войне я, видимо, нашел себя... но ведь война кончится, и куда мне тогда? Так что не повторяй моих ошибок. Я жду твоего слова.

– Обещаю, что не буду записываться в армию, – ответила Елка. – Доволен?

– Да, – искренне ответил он, с трудом веря, что так легко удалось ее убедить. Приказывать он умел, убеждать – нет. Впрочем, возможно, это не он ее убедил, а она таким образом заставила его пообещать бросить курить? Значит, ей не все равно, что с ним будет?

Сверкание снега вокруг померкло, и пейзаж, который прежде, если не всматриваться в детали, мог ассоциироваться с веселой лыжной прогулкой, сразу сделался унылым – заметенная пустошь с торчащими из-под снега сухими стеблями; впереди – чахлая рощица с вороньими гнездами меж тонких голых ветвей; правее – длинный ряд столбов, тянущихся наискосок через снежную целину (скрывшую давно уже не используемую дорогу, о которой теперь можно было

догадаться лишь по этим столбам) – некоторые покосились, один завалился, но все еще висит на натянувшихся проводах; левее и дальше – занесенные снегом дома деревни, которая издали и при солнце еще могла казаться обитаемой, но теперь выглядела давно и безнадежно мертвой, каковой и была... Игорь поднял голову и увидел большую, на полнеба, сизую тучу, наползающую с северо-востока.

– Погода портится, – с удовольствием констатировала Елка. – Нам везет.

Игорю не требовалось пояснения. Его и самого нервировала протянувшаяся за ними от подножья обрыва цепочка следов, на которую вполне могут обратить внимание типы на БМП, если поедут тем же путем обратно. Безжизненный район хорош отсутствием лишних свидетелей, но с другой стороны и каждый признак человеческого присутствия здесь привлекает повышенное внимание. Снег, способный не только замести следы, но и существенно ухудшить видимость, был бы им сейчас очень кстати. Да и вообще, ленивые опущенцы в такую погоду, скорее всего, не очень-то рвутся устраивать рейды вдали от своих теплых блиндажей.

По мере того как они удалялись от стены, стал чувствоваться сырой и холодный ветер, от которого их прежде заслонял обрыв. Дувший сзади и справа, он не мешал идти – скорее, наоборот, подталкивал в спину, но при этом неприятно леденил правую щеку. А вскоре повалил и снег, буквально за пару минут превратившийся в настоящую пургу. В рощу, до которой оставалось каких-нибудь сто метров, они вошли уже буквально облепленные снегом. Впрочем, тонкие стволы и ветки не могли послужить настоящим укрытием от непогоды; ветер лишь нещадно трепал их и зловеще свистел в их переплетениях. Все же беглецы сделали здесь короткую передышку; затем, осмотрев из-под прикрытия деревьев окрестности (не было видно уже практически ничего, кроме пелены снега, и уж точно никаких патрулей), зашагали к уже едва различимой сквозь метель деревне. Елка выстраивала маршрут не по прямой до реки, а от одного укрытия к другому, и Игорь был с этим полностью согласен.

До деревни было всего-то километра полтора, но у них ушел почти час, чтобы добраться туда по снежной целине в такую погоду. Наконец, обойдя сожженные остовы грузовика и автобуса, которыми некогда, по всей видимости, перекрывали дорогу, беглецы вступили на бывшую главную улицу, которая теперь больше походила на заснеженное ущелье. Здесь действительно, как и говорила Елка, не осталось ни одного целого дома – разве что некоторые были разрушены полностью, превратившись в бесформенную груду развалин, а другие еще сохранили внешнее сходство с человеческим жильем, и с определенного ракурса могли показаться вообще не пострадавшими – кое-где даже уцелели заклеенные крест-накрест бумагой окна – но стоило пройти дальше, и открывался вид на проломленную крышу или развороченную стену. В одном из таких домов, к примеру, обращенная к улице стена отсутствовала полностью, как это делают с макетами в этнографических музеях, чтобы показать посетителям внутренность жилища – и действительно, внутри видно было убранство комнаты, некогда принадлежавшей вполне зажиточным хозяевам – длинный кожаный диван вдоль стены, мягкие кресла, стол, на котором все еще сохранилась скатерть (сейчас ее обшитые бахромой края трепал ветер), телевизор с большим экраном, явно стоивший немалых денег (видимо, разбитый, раз не заинтересовал мародеров, но в полумраке в глубине помещения казавшийся целым), даже камин с кованой решеткой... Теперь все это было в снегу, на стенах нарос иней, а с люстры под потолком вместо хрустальных подвесок свисали сосульки.

– Посидим у камина, телек посмотрим? – усмехнулся Игорь.

– В такую погоду лучше дом без крыши, но со стенами, чем наоборот, – серьезно ответила Елка. – В развалинах под крышами вообще не знаешь, что и в какой момент на тебя сверху свалиться может... Но в этой деревне мы по-любому задерживаться не будем. Нам надо до темноты до реки добраться, иначе еще целый день придется ждать.

Развалины все же частично прикрывали от ветра, и идти через деревню было легче, чем по открытой местности. Они миновали площадь, на которую с одной стороны выходил магазин,

с другой – двухэтажное бетонное здание администрации, явно еще социалистической постройки. Теперь то и другое представляло собой пустые, полностью выгоревшие коробки. На флагштоке над фасадом администрации все еще бились и хлопали на ветру лохмотья флага, цветов которого уже невозможно было разобрать. Скорее всего, он был не довоенным, а тем, что установили бойцы, взявшие эту деревню последними – то есть, очевидно, фидоры и их пособники. Интересно, подумал Игорь, сколько человек полегло за эту никому теперь не нужную груду развалин? И сколько еще поляжет, когда Зопу будут отбивать обратно? Хотя, конечно, военный не должен так рассуждать, его задача – выбить врага с занимаемой территории, а что на этой территории будет потом, уже не его забота...

– Тут сейчас слева забавное будет, – сообщила Елка, когда они прошли еще сотню метров по улице. – Вот, гляди, – она указала на развалины очередного дома, из которых торчала вверх обгорелая задница танка. – Это, когда опушенцы штурмовали деревню, ихний танкист-самоучка на фидорском танке ломанулся прямо сквозь дом. Советских фильмов о войне насмотрелся, придурок. Думал, раз он в танке, ему все пофиг. Ну и провалился в подпол, естественно. Они потом танк вытащить пытались другими танками, но только тросы пообрывали. Ну а потом ночью наши разведчики подобрались и его сожгли. Экипаж-то, конечно, жив остался, они сразу же выбрались... к сожалению, – добавила девушка уже не столь весело. – И деревню эти суки все-таки взяли.

Они вышли из деревни, миновав еще один разбитый автомобиль – на сей раз это была "скорая" с облупившимся красным крестом на боку, изрешеченная, судя по дырам, из крупнокалиберного пулемета.

– Фидоры, суки, ничего святого.... – ожидаемо прокомментировала Елка. – За медиками они даже специально охотятся!

– Ну так одна такая "скорая" скольких бойцов вернуть может, – заметил Игорь. – Не все, конечно, потом снова воюют, но...

– Ты что же – их оправдываешь?! – гневно уставилась на него девушка.

– Просто поясняю логику.

– Да нет у них никакой логики! Просто тупая злоба, и все. Это большая ошибка, что никак не дойдет до западников – считать, что у фидоров есть какие-то рациональные мотивы и интересы, что с ними можно разговаривать и договариваться. Это такая же глупость, как пытаться договориться с раковыми клетками. Их нужно просто уничтожать, и никак иначе.

За околицей начинался большой фруктовый сад – точнее, то, что было некогда таковым. Теперь из снега торчали длинными рядами главным образом черные обгорелые стволы. В нескольких местах через них тянулись "просеки", проложенные бронетехникой.

– А вот эти деревья больше полувека росли, – грустно заметила Елка. – Дома́ еще, допустим, быстро отстроить можно, а сады уже не восстановишь. Отсюда яблоки, между прочим, на экспорт шли, их пол-Европы покупало...

За сожженными садами вновь раскинулись поля, и беглецам пришлось опять брести по снежной целине под ледяным ветром, который перестал быть попутным и лишь немилосердно хлестал снегом справа. Сквозь пелену метели впереди маячил некий округлый бугор, который Елка, очевидно, избрала очередным ориентиром; когда они подошли ближе, Игорь опознал в нем перевернутую танковую башню. Сам корпус танка, полузаметенный снегом, виднелся чуть ли не в двадцати метрах левее и дальше.

– Неплохо так долбануло, – оценил Игорь. – Боезапас рванул, не иначе.

– Это уже наш! – мрачно сообщила Елка, перекрикивая свист вьюги. – Наши потом целую операцию проводили, чтобы останки экипажа забрать. Хотя осталось там немного... Вообще на самом деле это глупость – рисковать живыми ради мертвых. Помнить героев, конечно, надо – но для этого совершенно неважно, лежат под надгробьем реальные кости или нет.

– Согласен, – кивнул Игорь. – И кстати – не каждого, погибшего в бою, следует автоматически называть героем. Большинство гибнет, в общем-то, вполне бездарно. В том, чтобы стать жертвой шальной пули или снаряда – или собственной неосмотрительности и неумелости – нет никакого подвига. Это не значит, конечно, что родным не нужно их помнить, просто... меньше пафоса.

Погода не располагала к беседам, так что дальше шли молча. Они шагали через белый квадрат поля, периодически обходя воронки от снарядов; "словно кто-то играл в "морской бой" на огромном листе", подумалось Игорю, и из тумана его памяти проступило еще одно детское воспоминание – как он жульничал в этой игре, изначально рисуя не все свои корабли. Самые трудноуязвимые "однопалубные", то есть одноклеточные, он быстренько дорисовывал в оставшиеся непростреленными клетки лишь после того, как его противник признавал гибель последнего из своих кораблей. Юный Игорь (которого тогда, конечно, звали как-то по-другому) очень гордился этой своей "военной хитростью" и забавлялся глупости других мальчишек, которым такой простой финт просто не приходил в голову. Если бы кто-то сказал ему тогда, что весь смысл и удовольствие игры в том, чтобы выиграть честно, он бы просто не понял. Главное ведь – победа, а не то, как она достигнута. И в общем-то опыт реальной войны доказал, что прав был он, а не его наивно-правильные соперники. Победителей не судят. Ни в Нюрнберге, ни в Гааге, ни где-либо еще. И в особенности глупо играть по правилам с теми, кто сами никаких правил не соблюдают...

– Елка! – воскликнул вдруг Игорь, осознав незамеченное сразу обстоятельство.

– А? – она повернула к нему мокрое от снега лицо.

– Нюрнберг, Гаага – я правильно вспомнил названия городов, где судили за военные преступления?

– Да!

– Значит, память все-таки возвращается! Раньше у меня с названиями совсем глухо было.

– Хорошо! А больше ты ничего не вспомнил?

Игорь подумал и покачал головой:

– Нет пока.

– Ну вспомнишь еще, – подбодрила девушка, прикрываясь рукой в перчатке от метели.

Они подошли к обсаженной тополями дороге и двинулись дальше вдоль нее, но не по ней самой – там все еще могли быть мины (на каковую опасность, похоже, прозрачно намекал "КамАЗ" с напрочь развороченной кабиной; его переднее колесо откатилось на обочину и дальше между деревьями, и Игорь чуть не упал, споткнувшись о него под снегом). Идти стало полегче – два ряда тополей пусть и частично, но прикрывали от ветра, который к тому же теперь, после того как они вновь изменили направление, вновь сделался отчасти попутным.

– А почему ты вспомнил о Гааге? – спросила Елка, воспользовавшись тем, что теперь уже не приходилось кричать против ветра.

– Да так, подумал, где будут судить фидоров после нашей победы.

– Здесь у нас и будут, – мрачно посулила девушка. – И без Гааги справимся. А то там у них в Европах все слишком добренькие стали, смертную казнь отменили... хотя, как ты говоришь, бывает и участь хуже смерти, но это тоже не про них – там тюрьмы больше на дома отдыха похожи... Этих бы, блин, добреньких гуманистов да на мое место! А меня – на ихнее. Вот почему считается, что суд должен быть беспристрастным? По-моему, глупость полная. То есть следствие да, когда надо установить, виновен-не виновен. Там презумпция невиновности, адвокаты и все такое. Но когда вина уже полностью доказана – приговор преступнику должна выносить его жертва. Ибо никто, кроме нее самой, не может оценить степень причиненного ей вреда – и соответственно адекватное наказание за таковой. Ведь это так просто и очевидно! Ты не согласен?

– А если жертвы уже нет в живых?

– Вот тогда, или если жертва недееспособна, пусть приговор от ее имени выносит государственный судья. Но только в этих случаях.

– А если кто-то считает, что надо четвертовать за косой взгляд?

– "Косой взгляд" – это не преступление. Список преступлений должен, как и сейчас, определяться единым для всех Уголовным кодексом. А вот наказания пусть в каждом случае определяет пострадавший. По крайней мере – по тяжким и особо тяжким статьям.

– Что-то в этом есть, – признал Игорь. – Вот только мировую юридическую систему не интересует твое мнение.

– Что дает и мне право не интересоваться ее мнением.

– Система так не считает. А у нее сил больше.

– Никогда не стоит недооценивать личность.

– Твою – точно нет, – улыбнулся Игорь и добавил уже серьезно: – Во всяком случае, я не недооцениваю.

Елка хмыкнула, но больше ничего не сказала. Игорь тоже воздержался от новых реплик, продолжая шагать по колено в снегу.

Еще через полтора часа они добрались до очередной мертвой деревни, где сделали уже необходимый обоим привал. Для отдыха выбрали, как говорила Елки, дом без крыши, но с целыми стенами. Отыскав комнату, которая выглядела пострадавшей меньше других (здесь даже уцелели ставни на окне, так что ветер не проникал внутрь и снег падал лишь сверху), беглецы стряхнули снег с кровати в углу и уселись рядом, устало привалившись друг к другу. Судя по размерам кроватки и прочей мебели – шкафчика, столика, стульев – комната была детской. На стенах все еще висели семейные фотографии и детские рисунки; впрочем, за два года под открытым небом дожди и солнце практически уничтожили картинки. Уцелел только один рисунок, вставленный под треснувшее, но не рассыпавшееся стекло шкафа, стоявшего прямо напротив кровати, так что Игорь, и не вставая, хорошо видел изображение: зеленый танк с красной звездой на башне изрыгал рыжее пламя в сторону бегущих от него черных фигурок. В руке у каждого бегущего был белый флажок со свастикой. Еще больше черных валялись вокруг мертвые, в щедро закрашенных красным лужах крови. Одного черного снаряд настиг уже у самого края листа, и его ноги еще продолжали бежать, но голова уже взлетела вверх, словно футбольный мяч. Можно было подумать, что рисунок изображает сцену из Второй мировой, если бы не подпись неровными печатными буквами: "ПАПА БЬЕТ СЕПАРОВ". Судя по стилю и почерку, "художнику" было не больше шести.

Игорю вспомнилось, как Елка обещала учить ненависти к фидорам следующие поколения. Эта война никогда не кончится, подумал он.

Что, впрочем, означает, что такие, как он, еще долго будут востребованы, и ему не придется тупо спиваться в компании других таких же ветеранов, никому не нужных на гражданке. Как там говорила Елка – память героев? Героев удобно помнить, когда они мертвые. Раз в год в День Республики класть красные гвоздики на красиво отполированный черный мрамор с золотыми буквами. А живые герои – это неуместное напоминание обо всей грязи и мерзости войны. Они лишь портят красоту гламурной мирной жизни и патриотического мифа о себе самих...

Голова Елки склонилась на его плечо; похоже, уставшая девушка задремала, сама того не заметив. Игорь сидел, не двигаясь, чтобы не разбудить ее. Елка рвалась вперед, желая поскорее добраться до реки, но, наверное, еще полчаса отдыха они вполне могут себе позволить. Да, на самом деле, ему и не хотелось двигаться. В этой комнате без крыши в разрушенном доме посреди мертвой деревни, где сверху плавно опускался снег (но хотя бы не было ветра, как снаружи), он согрелся и расслабился, ему было спокойно и хорошо...

Внезапно его кольнула мысль – уж не слишком ли легко он согрелся? Тело девушки прижималось к нему, ее теплое дыхание грело его намерзшуюся щеку... пожалуй, слишком

теплое! Он без церемоний положил свою ободранную ладонь на ее лоб.

– Что...? – Елка сразу проснулась и отдернулась.

– Ты вся горишь! У тебя температура!

– У всех температура, – пробурчала Елка. – Это неотъемлемое свойство физических объектов...

– Не ерничай, – поморщился Игорь. – Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду повышенную!

– Ну... может быть, тридцать семь и... три, – нехотя признала девушка.

– По-моему, больше.

– Ничего, сейчас съем две таблетки аспирина, и пойдем дальше, – она вытащила из кармана надорванную бумажную упаковку, выдавила на ладонь таблетки, морщась, разжевала их и запила водой из бутылки.

– Это простуда? – требовательно спросил Игорь. – Или воспаление от ожогов?

– Все вместе, наверное... Да неважно. Тебя это не касается. Не волнуйся, я дойду. Тебе не придется меня тащить, – она сделала попытку встать, но он удержал ее за плечо:

– Да погоди ты! Хочешь опять в метель и на мороз?

– А что ты предлагаешь – ждать весны? До нее еще три месяца.

– Но хотя бы метель кончится раньше.

– Угу – к утру, например. И нас опять будет видно издали. И мы застрянем тут еще на целый день.

– Нам необязательно дойти сегодня. Мы могли бы подождать, пока тебе станет лучше. Развести костер, топлива тут достаточно, может, в каком-нибудь погребе даже еда найдется...

– А если не станет? Все врачи и аптеки там, за рекой. Чем скорее я туда доберусь, тем лучше.

– Все настолько серьезно?

– Нет! Не знаю. Может быть. Короче, идти надо, а не языком трепать.

– Подожди хотя бы, пока подействует лекарство. Может, и ветер за это время чуть поутихнет.

– Ладно. Полчаса еще можно… подремать. Но я могу на тебя положиться? Что ты сам не заснешь и меня вовремя разбудишь?

– Да. Полчаса. У меня хорошее чувство времени.

– Смотри не подведи, – строго сказала она и снова пристроилась на его плече. Так было, конечно, теплее, чем полностью лечь на заснеженную кровать.

Он разбудил ее, как обещал, снова потрогав ее лоб. Кажется, тот все же стал немного прохладнее. Но только немного.

– Ну как ты, лучше?

– А-ааа, – широко зевнула она. – Да. Идем.

Ветер и не думал утихать, правда, снег уже валил не так густо, постепенно эволюционируя в сторону поземки. Им вновь пришлось брести через снежную целину, но теперь, по крайней мере, ветер подгонял их в спину, а не хлестал сбоку. Елка, до последнего привала упрямо шагавшая впереди, теперь нехотя уступила Игорю почетную обязанность прокладывать путь в снегу и лишь указывала ему направление, идя по его следам.

– Наверное, где-нибудь в этих разбитых домах можно было найти лыжи, – заметил Игорь.

– Угу, вместе с ботинками подходящих размеров...

– Ну уж по крайней мере ножовку или зубило какое-нибудь, – он снова взглянул на свои руки.

– Да можно, наверное, но сколько бы мы провозились с этими поисками? Успеем к берегу дотемна – глядишь, утром уже у наших будем, а начнем здесь рыться в развалинах – застрянем еще на день... Кстати, тут зимы обычно не особо снежные... это в этом году вот только прям с

конца ноября... Ничего, начнутся траншеи – легче будет, – подбодрила Елка то ли его, то ли себя.

– Траншеи?

– Да, там дальше, ближе к берегу, все траншеями изрыто. В домах там уже укрыться негде было, их просто все с землей сровняли. Окопные бои шли, как в прошлых войнах.

Траншеи начались после того, как они миновали еще одну деревню, от которой, как и говорила Елка раньше, не осталось ничего, кроме полуразрушенных печей. Правда, поначалу Игорь никаких траншей не увидел. К этому времени начало уже понемногу темнеть (хотя скрытое низкими тучами солнце, очевидно, еще не зашло), и к тому же торчавшие из-под снега предметы были едва различимы в пелене поземки, так что Игорь едва не разодрал и без того рваную штанину о то, что сперва показалось ему очередным стеблем куста или многолетней травы, но оказалось металлическим прутом с прикрученной к нему проволокой табличкой. На табличке было трехзначное число.

– Что это? – спросил Игорь. – Не мины, надеюсь?

– Не, это удобрения, – усмехнулась Елка.

– Удобрения?

– Траншеи раньше здесь начинались. А когда бои за плацдарм кончились, фидоры тут своих хоронили. Прямо в траншеи свалили и засыпали. Удобно, да – даже могилы копать не надо. Но дальше впереди и незасыпанные ходы остались, мы потом по ним пойдем.

– Братские могилы, значит... а что это за номер?

– Это не номер, это количество жмуриков. Все, что от них осталось – только общая цифра. Даже личного номера "герои Федерации" не удостоились, не говоря про имя-фамилию. Родня, небось, до сих пор не знает, что с ними стало.

– Почему?

– Так они ж без документов все были. Официально-то фидорская армия здесь не воевала, одни только "местные ополченцы", – девушка изобразила пальцами кавычки. – В лучшем случае товарищи их позывной знали... и то если эти товарищи тут же рядом не закопаны.

– Думаю, тут и трупы наших закопаны, – заметил Игорь. – И, небось, даже без табличек.

– Может быть, – признала Елка и вдруг закашлялась глубоким и хриплым кашлем так, что даже согнулась вперед.

– Ты как? – обеспокоенно спросил обернувшийся Игорь, когда ее приступ кашля прошел.

– Иду, как видишь...

– Не нравится мне твой кашель. Похоже на бронхит, а может, и пневмония.

– Зато мне, можно подумать, нравится... как будто от твоих слов что-то изменится.

– Да, – неожиданно согласился он, – лучше молчать и не студить лишний раз дыхалку. Но... ты точно уверена, что дойдешь? Я мог бы посадить тебя на плечи...

– Тоже мне, боевой конь выискался. Так только медленнее получится. Видишь, смеркается уже, а нам еще топать и топать. Да и видно нас было бы издали. Шагай давай. Я справлюсь.

Тем не менее, спустя еще какое-то время руки девушки легли ему на плечо. Она ничего не сказала; он тоже почел за лучшее промолчать, не задевая ее гордость очередными вопросами и предложениями, и просто продолжал шагать вперед, а Елка опиралась на него примерно так же, как он сам опирался на нее в первый день их бегства.

Они, наконец, добрались до незасыпанной части траншей и спустились внутрь; здесь, конечно, тоже уже лежал глубокий снег, но хотя бы гораздо меньше чувствовался ветер, теперь уже дувший слева. Несколько раз Игорь наступал на что-то под снегом – один раз это оказалась пробитая каска, в другой – раскуроченный пулемет, в третий – пустой цинк из-под патронов. После этого он перестал тратить время на то, чтобы откапывать и обследовать находки – очевидно, все мало-мальски ценное отсюда давно выгребли.

Система траншей оказалась основательной, и все же это не был настоящий лабиринт –

никто не будет рыть ходы сообщения так, чтобы запутать собственных бойцов, так что Игорь уверенно шагал вперед, выбирая дорогу на развилках даже без помощи Елки, которая, похоже, уже практически спала на ходу, повиснув у него на плече. Пока ему не пришлось свернуть влево по безальтернативному ходу, от которого, как он полагал, дальше будет поворот направо – но поворота не оказалось, ход уходил все дальше и дальше и, наконец, начал загибаться назад. К этому времени сумерки уже сгустились, и до полной темноты оставалось, наверное, не больше получаса.

– Елка! – окликнул Игорь. – Куда дальше?

– А? – она вялым движением подняла голову. – Сейчас... погоди... можешь подсадить меня на бруствер?

Он помог ей высунуться по пояс из траншеи.

– Ага... пришли почти, вон там уже река. Назад давай, это ты слишком далеко влево зашел.

Они вернулись назад по траншее до того места, где Елка, периодически выглядывавшая в сторону реки, подала утвердительный знак. Игорь помог обессиленной девушке вылезти наверх и выбрался сам.

Перед ними в сгущающейся тьме лежало голое заснеженное поле, чье однообразие нарушали лишь воронки от снарядов да два торчавших вверх предмета – расщепленный взрывом ствол дерева правее и ближе и одинокий покосившийся столб левее и дальше. До угадывавшейся вдали реки оставался еще примерно километр.

Елка, к которой, казалось, мигом вернулись ее силы, вытянула вперед руку с оттопыренным большим пальцем, повернула его горизонтально и сделала несколько приставных шагов вправо. Затем пять шагов вперед. Затем, продолжая глядеть на палец – четыре влево.

– Иди за мной след в след, – строго велела она, не оборачиваясь.

– Понял, – откликнулся Игорь. – Мины?

– Они самые. Аккурат перед первой траншеей.

– Ты точно знаешь, где проход?

– Если только фидоры не наставили новых. Но это вряд ли. Если у них есть хоть одно хорошее качество, то это лень.

– А откуда ты...

– Иди за мной! Разговоры потом.

Девушка продолжала продвигаться вперед деревянными шагами, вымеряя с помощью пальца угловое расстояние до ориентиров – столба и дерева – и смещаясь то влево, то вправо. Наконец она опустила руку:

– Можешь расслабиться. Прошли. Успели, блин – еще бы немного, и ориентиров было бы не разглядеть. Ну, теперь просто вперед до берега. Пригнись только, не хватало еще, чтобы нас подстрелили на последних метрах. И лучше молчи, лишние звуки тоже ни к чему.

Игорь послушно пригнулся; Елка снова повисла у него на плече. Они благополучно миновали дерево, затем – столб, с двух сторон которого свисали, раскачиваясь на ветру, оборванные провода, издавая неритмичный стук, когда один из них задевал за столб. И тут Елку разобрал новый приступ кашля, с которым она сперва безуспешно попыталась бороться, а потом рухнула лицом в снег, чтобы приглушить звук.

И тут позади них раздался грохот, способный заглушить любой кашель. На сей раз работали не ствольные, а РСЗО. Несколько секунд спустя реактивные снаряды уже неслись со свистящим воем высоко над их головами, озаряя небо, снег и черные воды реки впереди своими огненными хвостами.

– Как всегда... – пробормотала Елка, поднимаясь из снега; Игорь не расслышал слов, но угадал их по движению губ. – Идем, чего на них глазеть, не видел никогда? – она требовательно махнула рукой вперед.

Цели "градов", очевидно, находились далеко за рекой, так что беглецы спокойно пошли дальше, словно происходившее в небе над ними было всего лишь безобидными зарницами – хотя Игорь и поймал себя на мысли, что в этом сугубо рациональном спокойствии есть в то же время некий оттенок безумия. Когда они подошли к реке, обстрел все еще продолжался. Некогда здесь, в самой дальней точке изгиба восточного берега, очевидно, располагалась лодочная пристань, но сейчас впереди, в озаряемой огненными всполохами воде, уже подернутой у берега льдом, можно было различить лишь торчавшие столбики на месте уничтоженного настила и уже частично вмерзший в лед нос затопленной лодки.

– Эта лодка? – крикнул Игорь, скептически глядя туда. – Мы вытащим ее и вычерпаем воду?

– Нет, там дно пробито! – крикнула Елка в ответ. – Фидоры... – в этот момент вдали грохнуло в последний раз, и обстрел прекратился. Во внезапно наступившей тишине девушка поспешно понизила голос: – фидоры тут все плавсредства уничтожили... какие нашли. Но они тут не все знают, – она принялась крутить головой по сторонам. – Где же он... вот некстати они свой салют кончили, еще бы минуту... хотя, блин, что я несу! надеюсь, там на нашей стороне никто не пострадал... стреляют они громко, но чаще мимо... ага, вот! Нам туда! – она махнула рукой вправо и назад и пошла в том направлении. Игорь шагнул следом и вдруг застыл, разглядев в темноте высоко торчавший из снега хвостовик реактивного снаряда – как раз такого, какие только что свистели у них над головами. На миг у него мелькнула мысль, что это и есть один из них, хотя он тут же сообразил, что это вряд ли возможно – разве что при преждевременной остановке двигателя, что очень маловероятно, но в любом случае, это неразорвавшийся снаряд "Града" в считаных метрах от них!

– Стой! – крикнул он, хватая Елку за плечо.

– Ага, – довольно откликнулась девушка, – вот на такую реакцию это и рассчитано. На самом деле там нечему взрываться. Нет боевой части. Но кто же полезет проверять? Скажи – остроумно придумано? Для кого надо – ориентир, для кого не надо – пугало, – она подошла к снаряду и наклонилась рядом с ним, но затем медленно выпрямилась: – Блин, голова кружится... Короче, копай тут. Там будет всякий хлам, а под ним... Ты вообще в курсе, что вокруг нас?

– Ну... берег. Пустырь. Летом тут, может, пляж был, не знаю.

– Угу – пустырь... Тут дом отдыха был. Теннисные корты, бассейн, волейбольные площадки, лодочная станция, танцплощадка, детский городок с аттракционами. Там, где мы сейчас стоим – главный корпус, три этажа. Не осталось ничего, как видишь. Раздолбали все в такие дребезги, что под снегом даже обломков не видно. Но подвал уцелел. Короче, копай тут. Там будет всякий мусор, под ним – большой лист фанеры, а под ним – люк.

Игорь принялся двумя руками отгребать снег. Все оказалось так, как и сказала девушка. Отодвинув тяжелый лист толстой фанеры, он увидел грязную битую плитку, некогда, очевидно, покрывавшую пол, и в этом полу – двустворчатый металлический люк. Потянув за ручки, Игорь открыл его. Вниз, в непроглядную темноту, уходили бетонные ступеньки.

– И что там? – спросил он.

– То, что нам надо. Лодка. Спускайся. Там есть перила. Внизу слева столик, на нем керосиновая лампа.

Спустившись ниже уровня люка, где уже не мешал ветер, Игорь вытащил из кармана зажигалку и щелкнул колесиком. Взметнувшийся огонек тускло озарил какое-то большое, грязное и неуютное помещение – во всяком случае, так оно выглядело при таком освещении. Игорь заметил тянущиеся вдоль стены трубы (некоторые – обмотанные теплоизоляцией), какие-то громоздящиеся в углу тюки и ящики и два ряда подпирающих потолок квадратных бетонных колонн, уходящие в темноту. У основания лестницы действительно стоял покрытый белой штукатурочной пылью столик с керосиновой лампой на нем. Игорь поспешно, чтобы не израсходовать все топливо в зажигалке, спустился до самого низа и зажег лампу.

Она тоже была пыльной и поначалу дала совсем мало света, но после того, как он обтер стекло рукавицей, стала светить ярче. Разорванный левый рукав Игоря при этом смахнул часть пыли со столика, и Игорь с усмешкой заметил, что тот – шахматный. Прочие упокоившиеся в подвале предметы, которые озарял теперь свет керосиновой лампы, тоже напоминали о безмятежном прошлом этого места – вот целая колонна синих и зеленых пластиковых кресел, вставленных друг в друга, вот бильярдный стол с разорванным сукном, вот сложенные пляжные зонты...

Наверху скрипнули петли и глухо лязгнули створки закрывшегося люка. Затем послышался хруст пыли и мелкого мусора под сапогами спускавшейся Елки. Игорь поднял повыше лампу, одновременно светя девушке и оглядывая помещение.

– Где же лодка? – спросил он. – И, кстати, как мы ее отсюда вытащим? У нас не хватит сил втащить ее по лестнице, и совсем не факт, что она пройдет в люк...

"Но ведь как-то же ее сюда спустили", – тут же подумал он. Или здесь есть (был?) другой выход?

– Пройдет, – ответила Елка, проходя мимо него и направляясь в захламленный угол. – Она надувная.

Некоторое время она рылась среди коробок и тюков в углу, стоя спиной к Игорю; он подошел ближе, чтобы посветить ей, но она уже развернулась к нему:

– Планы меняются. Лодки нет.

– Где же она?

– Очевидно, ее забрали.

– Фидоры?

– Надеюсь, что нет. Они не знают про этот подвал, иначе они бы тут все взорвали.

– Тогда кто?

– Контрабандисты, – неохотно признала Елка. – Это они используют это место, как... перевалочный пункт.

– Контрабанда между оккупированной и свободной территорией? – понял Игорь.

– Угу. Официально наши запретили любую торговлю с фидорами, и с Зопой тоже. Ну и фидоры, конечно, тоже с "сепарами" не торгуют. Но... людям надо как-то выживать, особенно когда разрушена вся инфраструктура. Я от этого не в восторге, но...

– Но ты им помогаешь, – Игорь сказал это без осуждения, просто чтобы уточнить.

– Скорее, они мне. Точнее, один парень, мы с ним раньше учились вместе... он мне доставал лекарства для мамы, когда она еще была жива, и... ну, в общем, я от него знаю и про это место, и про проход через мины.

– Понятно, – кивнул Игорь. – Твой... близкий друг?

– А ты что – ревнуешь? – усмехнулась Елка.

– Да что за глупости... – поморщился Игорь.

– Он бы, может, и хотел им стать, – продолжала девушка, – но шансов у него не больше, чем у тебя, – она снова закашлялась, а потом утомленно уселась на перевязанный веревкой тюк, возможно, содержавший какие-нибудь полотенца или простыни.

– Так что нам теперь делать? – вернулся к более важной теме Игорь. – Ждать, пока встанет лед, достаточно прочный, чтобы перейти реку? Это несколько дней, если не будет новой оттепели. А у нас нет еды, и тебе надо в больницу. Если это пневмония, аспирином не спасешься.

– Спасибо за ценную и, главное, свежую информацию... Будем ждать, пока сюда заявятся контрабандисты, и попросим их нас переправить. Думаю, это будет следующей ночью. В крайнем случае – еще через день. Я, в общем, говорила – как повезет.

– А они согласятся? Не выдадут нас фидорам? Этот твой... одноклассник, как я понимаю, там все же не самый главный?

– Не выдадут. Такое им западло. Они бы, правда, и наоборот – фидора, бегущего от наших, тоже не выдали... ну вот такой у них кодекс чести. Ну, конечно, за то, чтобы лишний раз через реку смотаться, рискуя пулю получить, они какое-то вознаграждение попросят. Ну, отдашь им свою зажигалку за двести баксов... которая, кстати, моя, но я же видела, что ты ее снова притырил...

– Ну что значит "притырил"? Оставлять ее *там* было бы совсем уж глупо.

– Ну да, ну да... все у тебя, выходит, удачно сложилось, можешь опять похвалить свою интуицию... мир праху тетки Ани...

– Но все-таки, ты-то как? Еще два дня тут без лекарств... если пневмония...

– А что ты предлагаешь – вплавь через ледяную реку?

– Я бы, может, и попробовал, – пробормотал он. – И привел бы помощь. Но в наручниках я не доплыву. Может, хоть в этом подвале найдется какой инструмент?

– Не найдется, – покачала головой Елка. – Тут хлам курортный всякий... А вот лекарства тут найтись могут. Из тех, что контрабандисты возят. Я поищу, а ты спать ложись. Вон там шезлонги, устроишься, как на пляже. А вот в этом тюке одеяла.

– Давай вместе искать, быстрее будет.

– Лампа все равно одна.

– Кстати, почему она такая пыльная? Такое впечатление, что эти твои контрабандисты ею век не пользовались. Ты уверена, что они сюда явятся максимум через два дня?

– Так у них же фонари на батарейках, лампа – это так, на всякий случай... – Елка тяжело поднялась и снова повернулась к тюкам и коробкам в углу.

– Давай я тебе хоть посвечу, – Игорь приблизил лампу. – А лучше ты ложись, а я искать буду.

– Тоже мне, сыщик выискался... ты даже не знаешь, где тут что может быть... Ага! Вот! Нашла! – девушка вытащила и торопливо открыла коробку с красным крестом.

– Это же армейская аптечка, – заметил Игорь, приглядевшись к ее находке.

– Ну... даже на самой святой освободительной войне всегда находятся любители барыжить казенным имуществом, – нехотя признала Елка. – Но для нас сейчас важно только то, что здесь есть цефуроксим.... – она дрожащими пальцами развинтила пузырек, выронив крышку, и отправила в рот таблетку.

– Вот так бывает – кто-то ворует или даже убивает, а кому-то это в итоге спасает жизнь, – заметил Игорь. – А если бы всё всегда делалось по правилам...

– То не возникло бы ситуаций, когда надо спасать жизнь, – перебила Елка. – Ладно, к черту философию. Давай доставай и раскладывай шезлонги, а то я... я, блин, сейчас упаду.

Она действительно отрубилась, едва Игорь поставил ей пляжный шезлонг, так нелепо смотревшийся на грязном бетонном полу холодного подвала. Накрыв девушку одеялом, он разложил рядом второй шезлонг для себя. По правде говоря, после этого дня он и сам уже еле держался на ногах. Погасив лампу, он растянулся на шезлонге, закутавшись в одеяло вместе с грязными берцами. У него мелькнула мысль, что хорошо бы как-то запереть люк изнутри, но как – там, кажется, нет ручек с внутренней стороны... он заснул, так и не успев додумать эту мысль до конца.

Он проснулся в полной темноте, подумал, что все еще ночь, и позволил себе уснуть снова. Однако, когда это случилось в следующий раз, чувство времени подсказало ему, что уже давным-давно должно было рассвести, и он вспомнил, что находится под землей. Сверху доносились приглушенные завывания ветра – похоже, снаружи вновь разгулялась метель... В такую погоду вряд ли контрабандисты отправятся на промысел, если, конечно, к ночи все не успокоится. Он выбрался из-под одеяла, сразу же поежившись от холода, достал зажигалку, выщелкнул огонек, зажег оставленную на полу у шезлонгов лампу. Девушка по-прежнему спала рядом, ее дыхание было частым и нездоровым, но вроде бы без пугающих хрипов – впрочем, так

нельзя судить, нужна эта штука, которой слушают больных врачи, скоп какой-то там... Он протянул руку и потрогал ее лоб, горячий и мокрый от пота. Елка замычала, но не проснулась. Надо бы снова дать ей антибиотик. И хорошо бы найти какую-нибудь еду, и для нее, и для себя. Может, контрабандисты, оставившие здесь лекарства, оставили и продукты? Если не на продажу, то хотя бы для себя, на случай, если им тоже придется сидеть тут целый день или больше, дожидаясь темноты и погоды для переправы через реку...

Он поднялся, разминая затекшие мышцы (все-таки шезлонг – плохая замена нормальной плоской кровати), и направился в тот угол, где Елка откопала аптечку. Поиски увенчались успехом неожиданно быстро – сперва он наткнулся на целый ящик пластиковых бутылок с водой, а буквально в соседней коробке обнаружил упаковки армейских сухих пайков, и не каких-нибудь, а натовских! Шоколад, протеиновые батончики с орехами, крендельки-претцели, маленькие баночки говядины в соусе для барбекю, такие же баночки с тунцом, рис с бобами – это, видимо, для вегетарианцев, арахисовое масло... и, само собой, в отдельных полиэтиленовых упаковках – пластмассовые ложки и вилки, влажные салфетки и, между прочим, туалетная бумага, которой так не хватало все это время... А где-нибудь на передовой в это время – может, прямо тут за рекой – солдаты, небось, давятся сухой гречкой с черствым серым хлебом. Правильно говорил знаменитый полководец, как его там – любого интенданта надо вешать максимум через три года службы...

– Ты чего там делаешь?!

Он обернулся. Елка, бледная, со слипшимися волосами, сидела на своем импровизированном ложе, откинув одеяло, и смотрела на него возмущенным взглядом, словно пионервожатая, застукавшая его за разорением гнезда (еще один полузабытый образ из детства).

– Ложитесь, принцесса, – усмехнулся он, – я подам вам завтрак в постель. Тут еды на целый взвод хватит!

– А кто тебе разрешил рыться в чужих вещах?

– Чрезвычайные обстоятельства военного времени, – осклабился он. – И вообще, в каких таких чужих? Я так понимаю, эти вещи украдены у нашей армии. Уж явно не у фидорской, откуда у них натовские пайки...

– Сейчас они принадлежат контрабандистам, без чьей помощи мы не переберемся на тот берег. Думаешь, они будут в восторге, что ты разоряешь их припасы?

– Ну... думаю, мы сможем это уладить.

– Так, как с теткой Аней?

– Нет, – буркнул он и сердито добавил: – Не хочешь – можешь не есть. И лекарства не принимать, и помереть тут во славу своих принципов. А лично я не намерен.

– Ладно, – проворчала Елка, – тащи сюда свою добычу. Один дневной рацион мы съедим, и хватит. Он рассчитан на солдат, ведущих активные боевые действия, а не прохлаждающихся на койках... Но больше здесь никуда не лазай и ничего не трогай!

– Ладно, как скажешь, – согласился он; в конце концов, ссориться без нужды с хозяевами этого места и впрямь не стоило – это серьезные мужики, и вполне возможно – не безоружные. – Ты как, получше?

– Может быть... сейчас вот еще лекарство выпью... – она подняла с пола аптечку. – Ну давай уже, неси свой завтрак в постель, раз обещал...

Ела она, впрочем, без аппетита, явно заставляя себя – в то время как Игорю, наоборот, приходилось сдерживаться, он бы охотно сожрал и два дневных рациона. Потом Елка снова обессиленно откинулась назад и заснула, а он поднялся по лестнице и осторожно приподнял тяжелые от напа́давшего снега дверцы люка. Ничего приятного снаружи он не увидел – мела метель, по небу ползли низкие тучи, день уже, видимо, перевалил за середину. Он не стал выбираться наверх даже для того, чтобы справить нужду – для этой цели вполне годилось пластмассовое ведро с крышкой, благо их в подвале, как и пластиковых кресел, обнаружилась

целая колонна. Не зная, чем еще заняться, он забавы ради установил и раскрыл над шезлонгом большой цветастый пляжный зонт – "курорт так курорт!", а затем вновь улегся, решив следовать все тому же мудрому солдатскому правилу "есть возможность поспать – спи, неизвестно, когда удастся сделать это в следующий раз".

Елка снова проснулась под вечер – насколько можно было судить о времени суток в подземелье – и на этот раз и в самом деле чувствовала себя лучше. Температура спа́ла, пусть и пока еще не до нормальной, появился аппетит.

– Завтра уже буду в порядке, – безапелляционно объявила она и тут же закашлялась.

– Я уж слышу, – откликнулся со своего шезлонга Игорь. – По-хорошему, тебе неделю лежать надо.

– По-хорошему, мне надо жить целой и невредимой на моем целом и невредимом хуторе с живой и здоровой мамой. Или учиться в университете, а с ней по телефону болтать. Только кто ж мне это даст?

– Ну, по крайней мере полежать тебе еще дадут. В такую погоду даже контрабандисты по домам сидят. Так что мы тут еще как минимум на сутки застряли, а может, и больше.

– Ты так говоришь, как будто тебя это радует.

– Да просто тебе сейчас лучше лежать под одеялом, чем переправляться под ледяным ветром через ночную реку, и куда там еще потом дальше идти... А меня... ну, с одной стороны... какой солдат откажется вместо боевых действий лежать в шезлонгах с девушкой под пляжным зонтиком, – усмехнулся он. – А с другой, честно говоря, слегка нервирует, что мы тут застряли буквально в одном шаге от цели. Не то, что надо ждать – ждать я умею – а именно что неопределенная задержка возникает в самый последний момент. У меня такие вещи вызывают, если хочешь, дурное предчувствие. Как в кино, где злодей настигает героя прямо перед титрами. Все-таки мы все еще на вражеской территории. Не хотелось бы, чтобы Дракула с поисковым отрядом нагрянул сюда как раз тогда, когда мы уже почти считаем себя в безопасности.

– Не нагрянет.

– Откуда ты знаешь? Во всяком случае, – вновь усмехнулся он, – в кино бы именно так и произошло.

– Это не кино. Это жизнь.

– В жизни бывают такие совпадения, каких ни один сценарист бы себе не позволил.

– Наши следы давно замело. Про это место фидоры не знают...

– Да, разумеется. Поэтому я и остаюсь здесь, а не беру тебя в охапку и не бегу куда угодно прочь отсюда. По логике, это идеальное убежище, даже со всеми необходимыми припасами. Но...

– Опять твоя интуиция?

– Если угодно.

– А ты поверь ради разнообразия моей.

– Постараюсь, – улыбнулся он.

Все же он полночи, уже погасив лампу, лежал и прислушивался, не идут ли контрабандисты... или еще кто. Но снаружи лишь по-прежнему свистел ветер. Не было даже очередной канонады. В конце концов он все же задремал, хотя ему и казалось, что накануне он выспался на два дня вперед.

Разбудил его мочевой пузырь. Игорь машинально потянулся за зажигалкой и тут понял, что в подвале есть свет, идущий откуда-то сверху. Повернув голову, он не увидел рядом девушки.

– Елка! – негромко окликнул он.

В ответ ему наверху лязгнул металл, и сразу стало темнее, но не до абсолютного мрака. Елка с зажженной лампой в руке спускалась вниз по лестнице.

– Ты вылезала наверх? – понял он. – Не стоит тебе пока...

– Только выглянула. И мне уже реально лучше, правда.

– И что там?

– Солнце. Ясное небо. Метель кончилась. Думаю, сегодня мы переправимся.

– Ну хорошо... – он все-таки отправился в дальний угол подвала к ведру. Когда он вернулся, девушка стояла, прислонившись спиной к одной из колонн и сунув руки в карманы. Как видно, ей чертовски надоело лежать.

– Завтракать будем? – энергично осведомился Игорь.

– Лично я уже.

– Ну, значит, придется мне есть в одиночестве, – притворно вздохнул он.

– Погоди, есть нечто более важное. Мне тут пришла в голову одна мысль... ну, по поводу нашего вчерашнего разговора насчет интуиции...

– Да? – он сразу же забыл о еде, решив, что девушка заметила снаружи что-то тревожное.

– Я в общем-то не верю в предчувствия, но... эта переправа действительно может быть опасной. С ясного неба будет светить луна, какой-нибудь чересчур бдительный придурок может и пальнуть... и вообще, мало ли что может случиться... Пока что об операции, которую готовил Дракула, знаем только ты и я. Причем я не смогу даже ничем подтвердить, что ты мне это говорил. Будет лучше, если появится официальный документ. Если ты напишешь рапорт по всей форме. Тогда контрабандисты передадут его нашим, даже если с нами самими что-то случится.

– Да, – тут же согласился он, – это здравая мысль. Только как писать? Здесь найдется ручка и бумага?

– У меня найдется, – она вынула руки из карманов, протягивая ему ручку и блокнот с какими-то веселенькими цветочками на обложке. – Это я взяла в комнате дочери тетки Ани... уже после того, как...

– Ясно, – буркнул он, беря письменные принадлежности. Открыв блокнот, Игорь пристроил его на коленке.

– Сейчас я тебе стол принесу, чтоб удобней было, – Елка быстро сходила за шахматным столиком и поставила его возле шезлонга. – Значит, пиши:

"Командованию Республиканской армии

Правительству Республики

Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе

и всем, кого это может касаться" – это стандартная международная формулировка –

"Рапорт"

Ну и дальше то, что ты мне рассказал. Только то, что знаешь наверняка, предположений не нужно.

Он принялся писать. Елка стояла рядом, глядя, как его ручка быстро и уверенно скользит по бумаге. Процесс не занял много времени – всего лишь один абзац... абзац, который будет иметь эффект разорвавшейся бомбы...

– Дописал? Число, подпись, – быстро произнесла Елка. – Двадцать третье ноября сегодня

Он поставил число и на автомате, совершенно не задумываясь, вывел знакомую с юности закорючку.

И только тут понял, что именно он написал.

Дело было даже не в фамилии, которая всплыла в памяти следом за подписью – мало ли на свете совпадающих фамилий. Дело было во всем тексте. Тексте, находившемся у него прямо перед глазами. Тексте, написанном его рукой.

Кириллицей.

Он всегда отличался хорошей реакцией. Но на сей раз потрясение было слишком велико. Девушка успела выхватить блокнот за мгновение до того, как он сжал пальцы.

Он вскочил, глядя на нее полубезумным взором. Она спокойно отступила на шаг и сунула блокнот в карман. Ее губы искривила холодная улыбка:

– Теперь ты, наконец, все вспомнил, Влад?

Он бросился к ней, отшвырнув столик. И немедленно получил сокрушительный удар сапогом точно в сломанные ребра. Адская боль пронзила его подобно электрическому разряду, парализующему мышцы. Он рухнул на пол, не в силах даже дышать.

И все же недаром его способность выживать в любых ситуациях вошла в легенды. Несмотря на импульсы жуткой боли, он трижды перекатился, откатываясь в сторону, пока не ударился спиной о бетонную колонну. Но расстояние было уже достаточным, чтобы руки успели выхватить из кобуры пистолет прежде, чем она сумеет ему помешать...

Но она даже не пыталась. Просто медленно, чуть ли не лениво шагнула к нему, презрительно усмехаясь, когда он вскинул оружие и нажал на спуск.

Глухой щелчок. Он дернул затвор, выбрасывая патрон, и попытался выстрелить снова. Щелк. Щелк.

– Пистолет без бойка обычно не стреляет, Влад, – поведала она, подходя вплотную. Он попытался закрыться скованными руками, но не сумел. На сей раз удар сапогом пришелся в скулу, и свет померк.

Он пришел в себя быстро, наверное, всего через пару минут. Но за это время его положение изменилось необратимо. Теперь он сидел, упираясь спиной в колонну, с руками, скованными позади нее. Его ноги были растянуты в стороны и привязаны к двум другим колоннам из соседнего ряда длинными и прочными альпинистскими веревками. Дышать было больно – на сей раз, похоже, его ребра были буквально раздроблены. Вся его одежда пока еще оставалась на нем, но это, разумеется, ничего не значило. Девушка сидела перед ним в пластиковом кресле, поставленном между его раздвинутыми ногами, и задумчиво поигрывала пистолетом.

– Ты в самом деле думал, что я дам тебе пригодное к стрельбе оружие? – издевательски осведомилась она, заметив, что он очнулся. – Пистолет был нужен только для того, чтобы усыпить твою бдительность. Чтобы ты не заподозрил, что я не освобождаю тебя от наручников не потому, что не могу, а потому, что не хочу. На самом деле, разумеется, ключ все время был в моем кармане. С того самого момента, как я вытащила его из кармана мертвого насильника, чтобы снять эти самые наручники со своих собственных запястий... Мне повезло, что у этого ублюдка оказался "хай-поинт" – пистолет, который я, прихватив парочку инструментов из цеха, смогла быстро разобрать в лесу на холме и извлечь боек, а вот ты без инструмента не мог это проверить. С большинством моделей такой финт бы не прошел... Ну же, Влад, скажи уже что-нибудь. Времени у нас впереди много – гораздо больше, чем тебе бы хотелось – так что я, пожалуй, даже готова ответить на твои вопросы. Просто чтобы дать тебе лишний раз почувствовать, какой ты идиот.

– Семнадцатилетняя девочка с хутора, – пробормотал он; говорить было еще больнее, чем дышать. – Искавшая козу. Я с самого начала чувствовал, что ты врешь... – он имел в виду – тогда, когда его люди поймали ее возле завода.

– Ну зачем такие грубые слова? На самом деле практически все, что я рассказывала о себе – правда. Про мой хутор, в частности, и про мою маму, которую вы убили. Только это было не здесь, а примерно на полсотни километров дальше. И пацаны действительно зовут меня Елкой. Только не одноклассники, а побратимы. Я – боец добровольческого батальона "Кречет". Позывной – Елка, специализация – военная разведка. И мой возраст.... когда я записывалась в батальон, то соврала, приписала себе два лишних года, иначе бы не взяли. А вот тебе сказала чистую правду. Между прочим, – усмехнулась она, – даже когда пообещала тебе, что не буду записываться в армию. Мне нет нужды это делать – я это *уже* сделала. Но искала я, конечно, не козу. А козлов. Наше командование знало, что ваша банда где-то в этом районе. И что раз Дракула выдвинулся и передвигается по своей же территории скрытно – значит, он планирует нечто очень-очень скверное. Хуже, чем все, что он натворил прежде. И наши правильно просчитали, что у разведчика-мужчины нет шансов. Что вы грохнете любого, кто сумеет

подобраться к вам достаточно близко, даже если он будет выглядеть, как самый безобидный деревенский дедок – просто на всякий случай. А вот у глупой хуторской девчонки шанс был. Что ее, по крайней мере... если и убьют, то не сразу. И она успеет отправить сигнал.

– Мы не нашли у тебя никакого передатчика.

– Ну естественно. Я его проглотила, как только вас заметила. Небольшой такой шарик, активирующийся, когда желудочный сок разъедает блокирующую мембрану. Посылает короткие импульсы на разных частотах, если не знать, что именно искать – не заметишь, даже сидя рядом с приемником. На самом деле, – помрачнела Елка, – я, конечно, не подписывалась на то, что вы со мной сделали. То есть, когда я соглашалась на задание, я, конечно, понимала, *что* может быть, если я попаду к вам в руки. Особенно зная репутацию вашей банды. Но я, блин, думала, что я самая ловкая. Что мне удастся выведать, где вы засели, послать сигнал и благополучно ускользнуть. Не получилось. Наши, очевидно, более реалистично смотрели на вещи и сразу закладывались именно на такой сценарий. Теперь я это понимаю.

Теперь он хорошо помнил ее лицо... тогда. Как она стонала и кусала губы под ним. Не от страсти, разумеется – от боли. Но она так ни в чем и не призналась, даже когда он пустил в ход паяльник. Все твердила про свою дурацкую козу...

– Они послали тебя не просто на... групповуху, – сказал он вслух. – Они послали тебя на верную смерть. Это ты понимаешь?! Авиаудар наводился по сигналу твоего маяка. Можно сказать, что они били именно по тебе, надеясь заодно накрыть и нас. То, что ты выжила – чистая случайность.

– Нет, они дали мне шанс на эвакуацию, – возразила Елка. – Я все недоумевала – почему же так долго, почему они все не прилетают? Самые долгие сутки в моей жизни... я уже действительно была согласна, чтобы меня грохнули, лишь бы вместе со всеми вами... А они, видимо, ждали, что сигнал сместится. Что будет означать, что я сбежала, или что меня, может быть, натешившись, отпустили. Ну а потом решили, что больше ждать не могут. Что я уже, возможно, мертва, а банда может в любой момент перебазироваться в другое место, и надо бить, пока не поздно... А ты действительно вышел в другое помещение за минуту до атаки, как чувствовал. И все-таки в итоге твоя хваленая интуиция тебя подвела.

– Значит, на самом деле все мои травмы...

– Тебя и в самом деле неплохо приложило взрывом, точнее, выбитой взрывом дверью. Но кое-что я, конечно, добавила от себя. Но сумела вовремя остановиться – хотя это было чертовски трудно, можешь мне поверить. Но я сказала себе, что нет никакого смысла пинать твое бесчувственное тело. К тому же разгорался пожар, и надо было уносить ноги. Можно было просто бросить тебя гореть, но ты мог так и не очнуться, а я бы лишилась удовольствия посмотреть на процесс. На самом деле, если тебя это утешит, сначала я хотела закончить все быстро... ну, относительно. Прямо там, на холме над городом. Но когда я убедилась, что ты не прикидываешься, что ты действительно потерял память... это, конечно, лишало возмездие смысла. Ты должен был вспомнить, кто ты и за что тебе это все. А это оказалось не так быстро. Какой-нибудь доктор, наверное, написал бы статью, как твое подсознание прятало от тебя опасную правду... Так что пришлось водить тебя туда-сюда по всей округе, пока ты не вспомнишь.

– Туда-сюда, значит... недаром маршрут показался мне странным...

– Разумеется, – кивнула Елка. – Если бы моей целью было просто довести тебя до наших позиций, это можно было сделать за день... ну, за полтора. Территория тут, конечно, все равно вражеская, и осторожность была нужна, блокпосты и патрули обходить – но специально тебя никто не искал. Никто – ни ваши, ни наши – не знал, что ты выжил. Кроме меня, конечно.

– Тогда кто же нас преследовал? Я же сам их видел...

– Это... была моя ошибка, – нехотя призналась Елка. – Знаешь, что было самым трудным, когда вы меня мучили? Не обделаться. Знаешь, как это трудно при адской боли? Конечно,

знаешь – я ведь далеко не первая, кого ты пытал. Но пока это твое знание, так сказать, теоретическое. *Пока*, – повторила она со значением. – Вряд ли, конечно, вы бы стали внимательно рассматривать мое дерьмо... но все-таки была вероятность, что кто-то заметит шарик. Этого я никак не могла допустить. Ну а потом, когда все уже кончилось... веришь ли, я совершенно забыла про этот передатчик. Как отрезало. Я даже не думала, что он все еще работает! Иначе я бы избавилась от него еще там, в развалинах завода. А не терпела уже на автомате, пока не втащила тебя на холм. Только там я поняла, что могу, наконец... расслабиться. Так что этот вертолет и эти парни... они прилетали за мной. Чтобы эвакуировать меня оттуда. Поняли по сигналу маяка, что я все еще жива и выбралась с завода. Но нашли на холме вместо меня... сам понимаешь, что. Ну и сделали, очевидно, вывод, что раз я их не дождалась, значит, я по-прежнему в плену. Что кто-то из ваших спасся и увел меня с собой. Как я понимаю, они не думали, что это ты – информация о твоей гибели уже должна была распространиться по фидорским каналам, и опровержений так и не последовало. Думали, наверное, что это какой-нибудь рядовой боевик, который решил под шумок дезертировать, воспользовавшись гибелью группы, и заодно прихватить себе... секс-рабыню. Такое вполне в вашем фидорском духе.

– То есть тебе даже не нужно было добираться до своих? Ты могла спокойно дождаться их и сдать им меня? Зачем же ты от них бегала, зная, что это свои?

– Что, в самом деле не понимаешь? – осклабилась Елка. – Они бы не позволили мне сделать с тобой то, что ты заслуживаешь. Мы же, типа, цивилизованные европейцы. Мы не пытаем и не убиваем пленных, кем бы они ни были. Ну то есть и у нас тоже не все такие законники... особенно у кого имеется кое-какой личный опыт... но я просто знаю того парня, который возглавлял поисково-спасательную группу. Я недаром ходила на него посмотреть. Он – как раз такой вот... рыцарь без страха и упрека. Что особенно смешно, учитывая, что он... пытался ко мне подкатывать. Небось, и в миссию-то эту напросился именно поэтому. Лично возглавить мое спасение. И все равно – принципы ему дороже всего. "Прости, Елочка, я понимаю, что ты пережила и что ты сейчас чувствуешь, но мы не должны уподобляться им. Дракулу будет судить суд..." – прям так и слышу, как бы он это сказал. Понимает он, ага. Ну, конечно, морду бы тебе набили, не без этого. Но и только. А это меня никак не могло удовлетворить.

– И ты стреляла по ним. Ради своей мести ты стреляла по своим...

– Я стреляла поверх голов, – покачала головой Елка. – И они тоже. Только они боялись попасть не в тебя, а в меня. А вот как ты взорвал своего Хряка, меня действительно позабавило. Хотя и пришлось тебе помочь. Он был не из твоей банды, но знал тебя в лицо – ты же у фидоров в героях числишься, это только тетка Аня на своем хуторе была не в курсе... – и он чуть было не выболтал все раньше времени. Кстати – он действительно стал первым, кого я убила своими руками. До этого моя роль ограничивалась сбором информации. Хотя я, конечно, много тренировалась с тех пор, как вступила в батальон, а без оружия – и до того. И резала скотину на хуторе...

– А автомат зачем бросила, раз ты такая крутая? Настоящий боец никогда бы...

– Я его не внизу, разумеется, бросила, не такая уж я дура. А наверху, когда Хряка заметила. Подумала, сейчас у нас второй трофейный "калаш" будет, и тогда ты себе первый затребуешь, а это непорядок. Ну, тут промашка вышла, признаю – не возвращаться же потом было, когда уже шухер поднялся...

– А насчет контрабандистов тоже все вранье?

– Тоже все правда, – мягко возразила Елка. – Если ты имеешь в виду моего бывшего одноклассника, который помогал мне и моей маме. И шансов стать моим... более близким другом у него действительно столько же, сколько у тебя. Потому что ваши застрелили его во время очередного рейда. Но к этому вот подвалу контрабандисты действительно отношения не имеют. Его используют наши разведгруппы. И ни на какой такой надувной лодке я тебя под

покровом ночи везти не собиралась. В этом нет необходимости. Это уже фактически наша территория. Формально да, "линия размежевания", которую навязали нам западники с их "мирными соглашениями", проходит по реке. Но... из траншей ты просто не видел, какую форму имеет здесь берег. Как буква Ω... если ты, конечно, имеешь представление о греческих буквах, – осклабилась Елка. – Фактически это полуостров, который простреливается с другого берега весь целиком, особенно узкое место в основании "омеги" – у наших там пристрелян каждый метр. Поэтому фидоры не рискуют сюда соваться. Поставили мины и этим ограничились. Ну а наши эти мины не трогают – зачем провоцировать фидоров ставить новые? – просто знают проход, и все. Так что я в любой момент могу запросить эвакуацию прямо отсюда. Здесь нет электричества, но есть полевой телефон. Провод идет по дну реки на ту сторону. Что я и сделаю, когда мы тут с тобой закончим. Но это будет еще... – девушка вдруг поморщилась и снова закашлялась. Справившись, наконец, с приступом кашля, она выпила воды из стоявшей на полу бутылки и проглотила очередную таблетку. – Блин, – проворчала она, массируя горло, – вредно мне пока еще много разговаривать... Эта чертова болезнь чуть не спутала мне все карты. Если бы к тебе вернулась память, пока я была совсем полудохлая... или если бы я начала бредить, а ты бы догадался, что это не совсем бред... Но, кажется, все обошлось. Я, конечно, и сейчас еще не совсем здорова, но сил воздать тебе по заслугам мне хватит. В этом можешь не сомневаться, – она широко улыбнулась.

– Я спас тебе жизнь, – глухо произнес он. – И не один раз. По меньшей мере дважды – с риском для собственной. С гранатой и с патрулем, которому ты чуть не вывалилась прямо под гусеницы.

– Ага, ага. Как и тот из твоих насильников, которого убило прямо на мне. Мне стоит послать его семье благодарственную открытку, как ты думаешь?

– Это вышло случайно... а я действительно хотел...

– О да! Я прекрасно помню, что ты хотел. Ты даже оставил на мне надпись, чтобы я не забывала.

– Я имею в виду... потом...

– Да, да. Когда ты считал, что я – своя. Видишь ли, Влад, в этом и состоит принципиальная разница между нами. Ты считаешь, что своих женщин надо защищать, а вот с чужими можно и даже нужно делать все что угодно. Чтоб "знали свое место". А вот я бы никогда не позволила изнасиловать девушку, на чьей бы стороне та ни была. Даже фидорскую снайпершу. Убить – убила бы без колебаний, но насиловать не дала бы никому. Даже если бы из-за этого мне пришлось поднять оружие на своего побратима. Впрочем, такой субъект перестал бы быть моим побратимом. Для меня свои – это те, кто поступают правильно. А для тебя правильно – это то, что делают свои. Какую бы гнусность они ни творили. Как ты там говорил – неважно, какие аргументы приводит враг, важно, что он враг? Вот ты сейчас и получишь согласно собственной вере. Это называется консенсус, Влад – то, что с тобой будет происходить, справедливо и согласно моим принципам, и согласно твоим.

– Елка, – пробормотал он, сознавая, насколько она серьезна, и чувствуя ужас, какого никогда не испытывал в бою, – я понимаю, насколько я виноват перед тобой... и не только... но... мне так жаль...

– Ни хрена тебе не жаль, – отрезала девушка, мигом отбросив притворно-благодушный тон. – Ты просто дрожишь за свою шкуру, и правильно делаешь, только это тебе не поможет. Да, кстати. Все, что я тебе рассказала о моей семье – тоже правда. Моего старшего брата действительно зовут Игорь. И я всю жизнь ненавидела этого подонка, – она сделала паузу, наслаждаясь страхом в его глазах, а затем продолжила: – Он родился с каким-то там дефектом в сердце. И родители все детство прыгали вокруг него на задних лапках – ах-ах, нельзя огорчать бедного больного мальчика, от сильного потрясения он может умереть в любую минуту! Ни хрена он не умер. Со временем этот дефект совершенно компенсировался. Вырос здоровый

лось, уверенный, что ему можно все, а особенно – издеваться над теми, кто не может ответить ему тем же. Он был кошмаром моего детства. Щипки, подножки, дерганье за волосы.. я одно время стриглась чуть ли не налысо, чтобы ему не за что было ухватиться, а потом, наоборот, снова отпустила длинные из принципа. Но физическая боль – это было еще полбеды, тут он все-таки вынужден был сдерживаться, и к тому же он быстро понял, что это не самый верный способ довести меня до слез. Поэтому он ломал мои любимые игрушки, рубил головы моим куклам, рвал рисунки, рушил песочные замки и снежные крепости, которые я строила. А родители его в лучшем случае мягко журили, и то лишь тогда, когда доказательства его вины были бесспорны. Это из-за него я приобрела привычку убегать на целый день в лес... и учиться драться я тоже стала из-за него. В конце концов он от меня все-таки отстал. После того как я расквасила ему нос и предупредила, что я теперь очень хорошо разбираюсь в ядовитых грибах и ягодах, и если он еще раз тронет меня или мои вещи... Не знаю, насколько он мне поверил, но у него уже была компания такой же шпаны, и он проводил все больше времени с ними. Когда ему было 14, они избили до полусмерти какого-то маленького мальчишку. Был суд, Игорь загремел в колонию для несовершеннолетних. А вскоре после того, как вышел – по новому делу на взрослую зону. Когда война началась, ему полгода сидеть оставалось. Тогда, когда ваша фидорская орда на нас ломанулась, дела на фронте поначалу были совсем хреновые, у нас и армии по сути еще не было – ну и старались набрать добровольцев, где только можно. И была негласная установка – удовлетворять прошения на условно-досрочное всем, кто напишет заявление в армию. Вот так он и ушел воевать. Очень надеюсь, что его где-нибудь грохнули, или еще грохнут. Не хотелось бы, чтобы он потом вернулся ветераном Войны за независимость и дискредитировал настоящих героев... Так вот это я к тому, что на обоих своих судах он тоже все блеял, как он виноват и как ему жаль. Как только его взяли за задницу, да. Какая чушь вообще! Жаль человеку может быть, если он сделал что-то нечаянно. Скажем, на ногу наступил. Иногда можно даже нечаянно убить, да. Но нечаянно избить, нечаянно изнасиловать, нечаянно пытать невозможно. Когда такой тип говорит, что ему жаль – он жалеет не жертву, а себя, жалеет, что попался и будет наказан, и тем самым только усугубляет свою вину, – она снова закашлялась и глотнула воды. – Ладно, кажется, и в самом деле хватит разговоров. К сожалению, у меня нет паяльника, а тут нет электричества. Но ножом... – она приподняла куртку и вытащила уже знакомый ему десантный нож (не его ли собственный?), тускло блеснувший в свете керосиновой лампы, – тоже можно сделать много затейливых вещей, знаешь ли.

Он знал. Он хорошо знал это с девяти лет. С того самого дня, когда отрезал ножом голову живому щенку, просто чтобы убедиться, что у него хватит на это духу...

Девушка встала и шагнула к нему с ножом в руке, затем присела между его раздвинутыми ногами и разрезала брюки вместе с исподним у него в паху. Лезвие не повредило плоть, хотя он ощутил ледяное касание ножа и подумал, что сейчас обмочится. Но тут, словно передумав, Елка выпрямилась и направилась в сторону, скрывшись за пределами поля его зрения. Он не знал, что она там делает или готовится сделать, и это заставляло его обливаться холодным потом. Наконец она вернулась – в ее левой руке была аптечка.

– Видишь, как тут у нас все удачно подобралось, – заметила она, кладя аптечку на пол. – Средства первой помощи. И мои познания в области биологии – это не только пестики и тычинки, как ты мог подумать... Так что я не дам тебе раньше времени истечь кровью. На это можешь не надеяться.

– Я нужен вам живым! – крикнул он. – Я могу дать показания!

– У меня уже есть твои показания, – улыбнулась Елка, похлопав по карману, где лежал блокнот.

– Не только по этой операции! По другим тоже! Я теперь все вспомнил, я многое могу рассказать... – его голос сорвался на позорный визг.

Девушка улыбнулась еще шире и поднесла острие ножа к его глазу.

– Язык я тебе оставлю, – пообещала она.

2018

Примечание автора. На идею этой повести меня навели перефразированные строки из песни Б.Гребенщикова "Мертвые матросы не спят":
Знать бы загодя, что уготовано мне впереди,
Я бы вырезал свое имя у тебя на груди
(в оригинале – наоборот).
Эпиграфом к повести могла бы также служить "Баллада о ненависти" В.Высоцкого без двух последних строчек.
Также в процессе написания я понял, что эта повесть – римейк "Альпийской баллады" В.Быкова, хотя изначально такая цель не ставилась.

Для любителей оружия: разборка фигурирующего в повести пистолета Hi Point C9